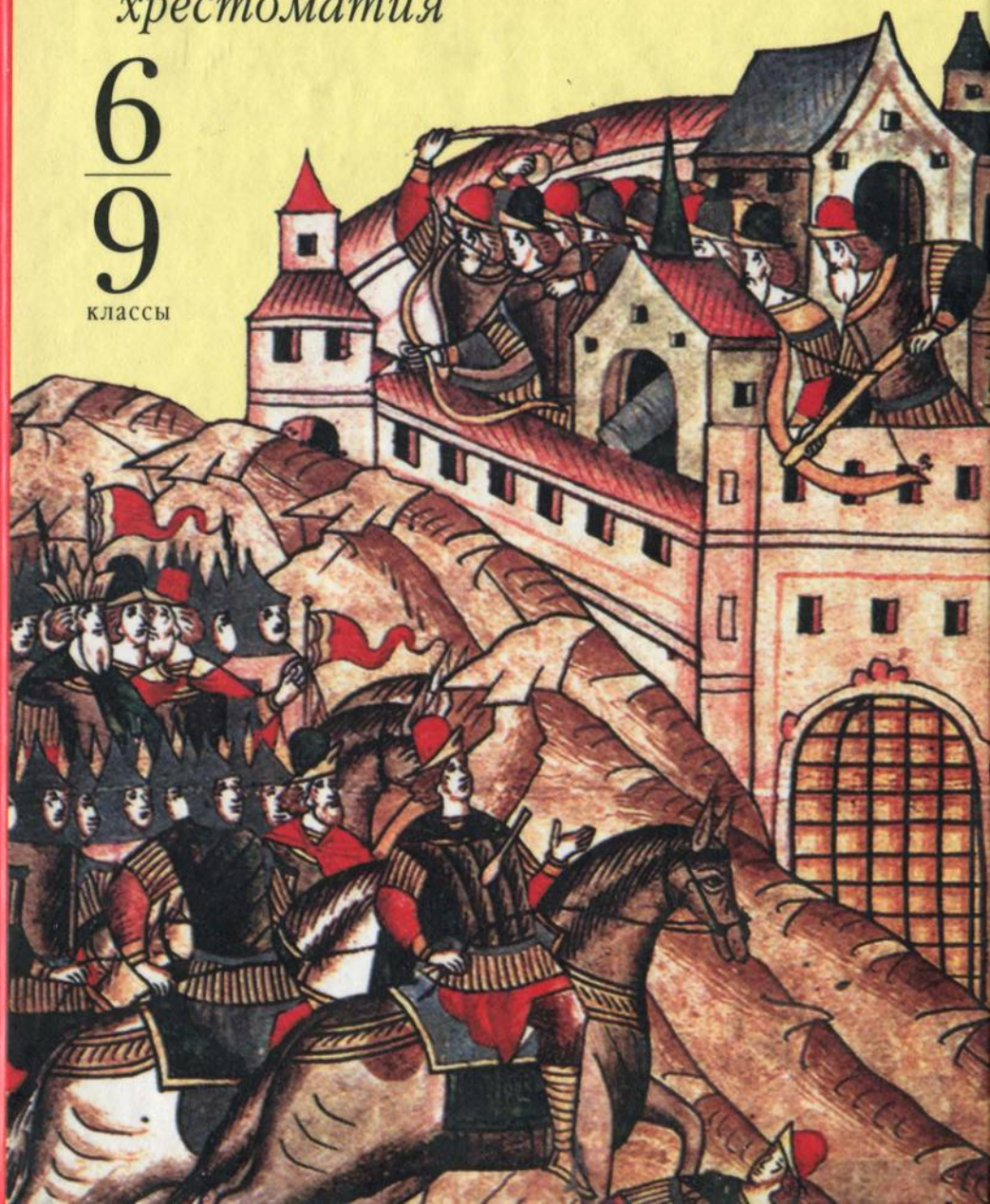

Древнерусская литература

Учебная
хрестоматия

6
9

классы

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

6—9

классы

*Допущено Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для общеобразовательных учреждений*

АСТ • АСТРЕЛЬ
Москва 2003

УДК 373: 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос-Рус) я721
Д 73

Оформление обложки –
дизайн-группа «Дикобраз»

Автор-составитель В. Н. ПИМЕНОВА

Д 73 **Древнерусская литература: Учебная хрестоматия: 6–9-й кл. /**
Авт.-сост. В. Н. Пименова. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 284, [4] с.
ISBN 5-17-018536-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-03203-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Хрестоматия включает лучшие произведения древнерусской литературы XI–XVII веков, изучение которых предусмотрено школьной программой.

Тексты сопровождаются краткими пояснениями литературного и историко-географического характера, сведениями об авторе и самом произведении. К ним предлагаются вопросы и творческие задания.

Многие тексты даны в переводе на современный русский язык.

Хрестоматия содержит также произведения XIX–XX веков, которые представляют собой художественную интерпретацию древнерусских сюжетов или эмоциональный отклик на отдельные проблемы и образы героев, что закладывает основу диалога культур.

Хрестоматия предназначена для общеобразовательных школ, может быть использована в школах, имеющих профильные гуманитарные классы, на факультативах по древнерусской литературе.

Хрестоматия издается в комплекте с подробными методическими разработками уроков.

УДК 373:821.161.1
ББК 83.3 (2Рос-Рус) я721

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.02.2003.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Петербург». Бумага
типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1175.

ISBN 5-17-018536-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-03203-5 (ООО «Издательство Астрель»)

© Пименова В. Н., 2003
© «Издательство Астрель», 2003

Содержание

<i>Д. С. Лихачев</i> ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ.....	7
--	---

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ (в извлечениях)

<i>Пер. Д. С. Лихачева.</i>	9
Так начнем же повесть сию.....	9
Поход Олега на Царьград	12
Смерть Игоря	13
Месть Ольги за смерть Игоря	13
Начало княжения Святослава, сына Игоря.....	14
Крещение Ольги	15
Осада Киева печенегамы	17
Смерть Ольги	18
Походы Святослава	18
Крещение Владимира.....	20
Повесть о Кожемяке.....	23
Повесть о белгородском киселе	24
Завещание Ярослава Мудрого.....	26
Съезд князей в Любече.....	
Ослепление князя Василька Теремовльского	26
Примечания	29
Образы русских князей в поэзии.....	31
К. Рылеев.Олег Вещий.....	31
Ольга при могиле Игоря	33
Святослав.....	36
А. Одоевский. Василько.....	38
Вопросы и задания	45

ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»
ИЛАРИОНА

Пер. Л. А. Дмитриева	47
Примечания	51
М. Лермонтов. Молитва	53
И. Никитин. Новый Завет	53
Вопросы и задания	54

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Пер. Д. С. Лихачева	56
Примечания	69
К. Рылеев. Святополк.	70
Вопросы и задания	71

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

Пер. И. П. Еремина	73
Примечания	76
Вопросы и задания	77

ПОСЛАНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Пер. Д. С. Лихачева	78
Письмо Мономаха к Олегу Святославичу	85
Примечания	87
Вопросы и задания	88
В. Жуковский. Русская слава	89
М. Ломоносов. «Какая польза тем...»	90

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Пер. Д. С. Лихачева	91
История текста	91

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ... .. 93

Примечания	101
Вопросы и задания	105
Изложение «Слова о полку Игореве» Н. Карамзина	106
Вопросы и задания	108

Поход Игоря Северского на половцев (Из Ипатьевской летописи)	108
<i>Примечания</i>	112
<i>Вопросы и задания</i>	112
«Слово о полку Игореве» в поэзии	114
В. Брюсов. Певцу «Слова»	114
Н. Заболоцкий. Слово о полку Игореве	114
<i>Вопросы и задания</i>	133
СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА	
Пер. Д. С. Лихачева	136
<i>Примечания</i>	142
<i>Вопросы и задания</i>	144
ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ	
Пер. Д. С. Лихачева	146
<i>Примечания</i>	155
Л. Мей. Письма про боярина Евпатия Коловрата (отрывок) ..	156
<i>Вопросы и задания</i>	159
ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	161
Ф. Тютчев. Наш век	185
<i>Вопросы и задания</i>	185
ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ	
Пер. В. Ф. Ржиги	187
<i>Примечания</i>	195
<i>Вопросы и задания</i>	196
«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ» ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА	
Пер. Л. А. Дмитриева	198
<i>Примечания</i>	207
<i>Вопросы и задания</i>	208

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ	209
<i>Примечания</i>	222
<i>Вопросы и задания</i>	222
ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ	224
<i>Вопросы и задания</i>	226
О суде и судьях	227
Ф. Миллер. Судья Шемяка	227
И. Крылов. Крестьянин и лисица	232
ИЗ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА	234
<i>Примечания</i>	244
Письма к боярыне Ф. П. Морозовой	245
<i>Примечания</i>	248
<i>Вопросы и задания</i>	248
Ю. Азаров. Апрель 1682 года (Отрывок из романа «Печора»)	250
<i>Включимся в спор героев романа «Печора»</i>	257
ВИРШИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО	259
<i>Вопросы и задания</i>	263
Словарик в помощь читающему произведения древнерусской литературы	265
<i>Приложение. Таблицы 1–3. Поколения русских князей.</i>	282

ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ

Академик Д. С. Лихачев

Русская литература существует не с XVII века. Она родилась не в Петербурге и не в «петербургском периоде» русской истории. Ей — тысяча лет.

Если считать, что христианство не могло быть введено на Руси без широко развитой письменности, без книг, необходимых для совершения богослужения, для монастырской жизни, без переводов на понятный для русских литературный язык, то мы с уверенностью можем отмечать тысячелетие русской литературы.

Русская литература возникла еще в X веке. Официальное принятие христианства русским государством в 988 году требовало не только множества переводных церковно-богослужебных и церковно-просветительских книг, но и составления собственных русских сочинений, посвященных нуждам местной, русской церкви. Одним из первых таких сочинений была составленная, очевидно, на основании переводных произведений «Речь философа», включенная затем в состав древнейшей русской летописи.

Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. Так же, как украинской и белорусской. Потому что в общем культура восходит к каменному веку, к неолиту или палеолиту. Но характерные черты русской, белорусской и украинской культуры — восточнославянской культуры Древней Руси — восходят к тому времени, когда христианство сменило собой язычество.

Христианство – письменная религия, приобщившая Русь к высокоразвитой мифологии, к истории европейских и малоазиатских стран. Произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени. Причем это произошло, когда византийская культура переживала период расцвета IX–XI веков.

Надо сказать, что Русь никогда не была отгорожена от других стран: она впитала в себя и византийскую культуру, и западную, и скандинавскую, и культуру южных соседей-кочевников, потому что своя основа была необычайно сильна. Какой язык был у нас еще до влияния церковного, книжного языка! Как поразительны по краткости и красоте обращения князей к войску и речи на княжеских съездах! Эта не фольклорная, но ораторская, устная традиция была необычайно сильна.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ* (в извлечениях)

«Повесть временных лет» входит в число классических произведений литературы Древней Руси. Она представляет собой летописный свод (в него входят исторические материалы, документы, послания, завещания, жития, легенды, сказания, притчи), составленный и композиционно оформленный в единое произведение монахом Киево-Печерского монастыря Нестором ок. 111 г.

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ,
ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,
КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ
И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем же повесть сию...

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет¹, <...> бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, – было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ один». И смешал Бог народы² и разделил на семье-

* Текст и примечания печатаются по кн.: Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. С. 24–41.

сят и два народа и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп. <...>.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и называли его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Неву³, и устье того озера впадает в море Варяжское⁴ <...>. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей⁵ учил в Синопе⁶ и прибыл в Корсунь⁷, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет го-

род великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей - каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом козевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день никем не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивились; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой - Щек и третий - Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем на Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньше в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сечь в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньше называют придунайские жители городище то - Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян. <...>

Поход Олега на Царьград

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тивирцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду, греки же замкнули Суд⁸, а город заворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий⁹, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром <...> царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок¹⁰, а славянам копринные¹¹,» — и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными. <...>

Смерть Игоря

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел назад – поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня¹², убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Древлянской земле и до сего времени.

Месть Ольги за смерть Игоря

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши. Сказали древляне: «Вот убили князя мы русского, возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем, и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге <...> призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Древлянская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхишал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Древлянской земле, – пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, – Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша – мужа моего мне уж не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не идем, но понесите нас в ладье», – и вознесут вас в ладье», – и отпустила их к ладье. Ольга же прика-

зала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и бросили их вместе с ладьей в яму. И, припав к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоровой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их. <...>

Начало княжения Святослава сына Игоря

В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Древлянскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. — И стояла Ольга все лето, и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого

двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клетки, где саран и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

Крещение Ольги

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин (Багрянородный), сын Льва (Философа), и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице-матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После

крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои язычники и сын мой, – да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадю верное! В Христа ты крестилась, и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя <...> и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. <...> Жила же Ольга вместе с сыном Святославом, и учила его мать принять крещение, но он и не думал и не прислушивался к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. <...> Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь, если и ты познаешь – тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает – в беду впадает, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, тот смерть примет» (Лев. 20.9). Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых – язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя» (Прит. 9. 7–8). Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала; «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и народ русский, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершенлетия. <...>

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его войны. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти».

Осада Киева печенегами

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой, было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести посылать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем прорваться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто смог бы перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», – и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и пробежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли в печенеги, и мать твою, и детей твоих.

Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

Смерть Ольги

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня – отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светила среди язычников, как жемчуг в грязи; были люди тогда загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же зываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее и восхваляют русские – свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь.

Походы Святослава

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть, постонм же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти

на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмогу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлились мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч, ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побегим — позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоку с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь», — ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы меня не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», — так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол¹³, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобой прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь обрадовался, и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию¹⁴. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать.

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полутривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь. <...>

Крещение Владимира

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою

и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее себе в город и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий мужик корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это – крещусь!». И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогали от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и Царство Небесное воспримешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсунь». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с близкими своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудишь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог

христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуне посреди града, где собираются корсунцы на торг, палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли». <...>

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил (Владимир) и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и донныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов, и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы (Десятинной) и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал (Владимир) грекам <...>, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы, – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!» (Пс. 144.3) Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притавив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перуныя отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто

завтра на реку — быть то богатый, или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на Тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных» (Ис. 29. 18). <...>

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей. <...>

Повесть о Кожемяке

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенегы по той стороне (Днепра) от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал

Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мяд кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, – испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою. <...>

Повесть о белгородском киселе

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в то время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, при-

шли и стали под Белгородом¹⁵. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? – Сдадимся печенегам – кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы и отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец, и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, пришли с ним к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

<...>

Завещание Ярослава Мудрого

В год 1054. Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в расприх и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им преступать пределы других братьев и сгонять со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, то ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви.

Съезд князей в Любече.

Ослепление князя

Василька Теребовльского

В год 6605 (1097). Пришли Святополк и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече¹⁶ для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей» <...> И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». <...> И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька,

то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, <...> и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езд, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел он, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха: ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сеньях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел он. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подушать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина¹⁷, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаниями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить.

И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не смогли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчанин, по имени Берендий, овчар Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна та рана у Василька и поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом – в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир¹⁸. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали, и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» – трудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловил. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличал бы его перед нами, а доказав его вину, тогда и посту-

пил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Брестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд, он привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову¹⁹ и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды вашим трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян – заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину, отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». <...>

Примечания

¹ По библейской легенде, после всемирного потопа земля была разделена между тремя сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Иафетом, и они стали родоначальниками всех народов на земле.

² Имеется в виду библейская легенда о разрушении Богом Вавилонской башни и смешении языков: строящие башню стали говорить на разных языках и перестали понимать друг друга.

³ Нёво – Ладожское озеро.

⁴ Варяжское море – Балтийское.

⁵ Андрей Первозванный – апостол. Здесь передается легенда о его хождении в Скифию и те земли, на которых позже возникли Киев и Новгород.

⁶ Синѡп – город на северном берегу Малой Азии.

⁷ Кѡрсунъ – город и греческая колония Херсонес в Крыму (в настоящее время – окраина Севастополя).

⁸ Суд – залив Золотой Рог, вход в него из Мраморного моря «замыкался» (перегораживался цепями).

⁹ Имеется в виду Византийский святой – воин Дмитрий Салунский, покровитель города Солуни (Салоники).

¹⁰ Паволѡка – шелковая ткань.

¹¹ Копрінные – значение слова неизвестно.

¹² Ёскоростень – стольный город Древлянской земли (совр. Коростень Житомирской обл.).

¹³ Доростѡл – город, совр. Силистра на северо-востоке Болгарии.

¹⁴ Хъртия – пергамент, грамота.

¹⁵ Бѣлгород – город на реке Ирпени недалеко от Киева.

¹⁶ Любечский съезд (1097) происходил в селе Любече возле Киева, инициатором его был Владимир Мономах; Давыд Святославич (ум. 1123) и Олег Святославич (ум. 1115) – родные братья, остальные, кроме Василька (ум. 1124), – двоюродные. Все они внуки Ярослава Мудрого. Василько Ростиславович – правнук Ярослава Мудрого. Его отец Ростислав (ум. 1066) – двоюродный брат перечисленных здесь князей.

¹⁷ Тѡрчин – выходец из торков. Тѡрки – тюркское кочевое племя.

¹⁸ Владимир – Владимир-Волынский, стольный город Давыда Игоревича.

¹⁹ Имеется в виду вдова Всеволода Ярославовича, мачеха Владимира Мономаха.

ОБРАЗЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ В ПОЭЗИИ

К. Рылеев

Олег Вещий

Рюрик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына Игоря под опекою своего родственника Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 г.

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На Цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В берегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напενясь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седой Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман —
И пред Леоновой столицей
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их негa развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный,
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идем, друзья!» – рек князь России
Геройским племенам –
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань – за мир позорный –
К Олегу шлет Леон.

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань;
Дарит Леона примиреньем –
И прекращает брань.

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

Народ, узрев с крутого берега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
и восхвалял богов.

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю Вещего прозвание
Единогласно дал.

Ольга при могиле Игоря

Игорь, сын основателя Российского государства, Рюрика, принял правление в 912 г.

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листьями,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И все сокрыл от взгляда;

Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огонь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местию злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он –
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопрлитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.

Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян,
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
– О князь! – народ ему вещал, –
Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял –
А нас же угнетаешь!

Но князь не внял молениям сим –
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
– Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой! –

Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!»
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

Святослав

Святослав, сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 г. В истории славны походы его в Болгарию Дунайскую и битвы с греками.

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над берегом быстрого Дуная:
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и очах
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острове реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на берегах Дуная.
«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой,

Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая мостью,
На грозные врагов полки
Летал – и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнью суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! –
Гремел герой на бранном поле. –
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрамим отчизны милой –
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла, вождя послушав голос,
И у врага хладела кровь,
И дыбом становился волос!..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавой;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой,
Валились грудями тела,
И грек не раз бежал из боя;
Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!

Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,

Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.
О князь, давно истлел твой прах;
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!...

А. Одоевский

Василько

Песнь первая

1

Кипел народ на стогнах Теребовля.
Глашатая послышав громкий зов,
Спешили стар и млад; они, как волны,
Со всех сторон стеклись на княжий двор.
Сошлись в толпы и шепчут: «Что задумал
Наш Василько? Зачем он позвал нас?»
В волненьи ждут, жужжа как рой пчелиный,
И вышел князь со светлою дружиной.

2

Явился он, как месяц в сонме звезд.
Замолкли все и низко поклонились.
Склоня чело, он с красного крыльца
Заводит так отеческое слово:
«Вы знаете, сыны мои, для вас,
Для тишины всей Руси православной,
Был съезд князей, где, потушив раздор,
Мы клятвою скрепили договор.

Князь Святополк и Мономах разумный,
 И все князья, сев на один ковер,
 Мы в Любиче, как братья, примирились.
 Нет! полно нам губить святую Русь;
 Мы, русские, забыли мать родную,
 У матери – сыны терзали грудь.
 Но мир настал – и крестное лобзание
 Ее навек окончило страданье.

Уже на Русь не придут, как на пир,
 Толпы врагов за вражьими толпами;
 И Господом благословенных нив
 Их бурные набеги не потопчут:
 В былой красе восстанут города,
 И где теперь церковей сереет пепел,
 Там снова Спас сберет под отчий кров
 Своих людей, спасенных от оков.

Во времена раздора Бог все кары,
 И глад, и мор на нас ниспосылал,
 Но он призрит на клятву примиренных.
 Мы на кресте произнесли обет:
 Да будет Русь нам общею отчиной!» <...>

Песнь вторая

Красуется престольный Киев-град,
 Одушевлен народным ликованием:
 Веселый, громкий гул колоколов
 Расходится, как влаги круг струистый,
 И звуки сурн и бубнов, слитый шум
 Всех голосов, всех кликов благодарных,
 Благих небес достойный фимиами,
 Соединясь, восходит к небесам.

Во всех церквах хвалу господню пели
 За крестный мир, за светлый съезд князей.
 Толпы граждан по граду волновались

Из края в край; во храмы рои жен
Шли в фережах камчатных да краснели,
Как маков цвет; а гридни на конях,
Как соколы, по улицам летали
И нищих на княжой обед сзывали.

3

Все собрались на Ярославов двор:
Убогие, и странники, и старцы;
Перекрестясь, уселись вокруг столов;
Дубовые под брашнами трещали:
Добыча смелой ловли – там буй тур,
Тут кабаны стояли, как живые,
И с влагою искристо-золотой
Одна стопа шипела за другой.

4

Сам ласковый хозяин с турьим рогом
Ходил вокруг и старцам подносил
Кипящий мед из рук своих державных.
За ним и князь Владимирский Давид,
И все бояре шли да угощали.
Народ, теснясь, толпился вокруг двора
И повторял гостей веселых клики:
«Да здравствует надолго князь великий!» <...>

Песнь четвертая

11

<...>

Князь очнулся.
По сладостной молитве он дремал.
Мстиславне-другу в тихом сновиденье
Его уста шептали утешенье.

12

Вошел Туряк, и четверо за ним,
И осветил темницу яркий светоч;
«Иди за нами, князь; никто, как Бог!
Надейся, князь, на кротость государя». –
«Мой Спас – моя надежда. Но меня

Куда теперь ведете?...» - «Ты узнаешь;
Судьба твоя к решению близка».
И, окружив, выводят Василька.

13

На нем гремят, сшибаяся, оковы,
С трудом стопы передвигает он.
Вот вышел князь; медлительным дыханьем
В себя вдыхает воздух; к небесам
Свой вольный взор с улыбкою возводит,
И с именем заступницы святой
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился он главою.

14

Уже по стогнам киевским стучат
Тяжелые колеса. Дом за домом
Минуется; но ни единый взор
Во тьме ночной и тишине безлюдной
Из окон не стремится к Васильку,
Не взглянет на него из состраданья;
Как шумные колеса ни стучат,
Но мирный сон объемлет стольный град. <...>

16

Вкруг узника, по сторонам, Василь
И Лазарь, слуги верные Давида,
И Дмитр, его конюший, и Сновид,
А впереди два торчина сидели.
«Куда меня везете?» - «В Тербовль», -
Сказал Василь, и все захохотали,
Сошелся взгляд со взглядом; изо всех
Исходит вновь невольный дикий смех. <...>
<...>

Василька

Уже в то время в Белгород примчали.
Во тьме ночной, в глубокой тишине,

Его ввели в истопку, разложили
Пред ним костер; и торчин Берендей
Выносит нож из-за полы своей.

25

Он точит нож, бросая взгляд на князя.
Тогда заря зарделась в небесах
И на цепях его засеребрилась.
Он, разгадав, сквозь сумрак тяжких дум,
Свой горький жребий, встал, взглянул
с любовью

На ясную предшественницу дня.
Во всей красе, в одежде разноцветной,
Лила она по небу свет приветной.

26

Идет во всем величии Жених
За светлой, за краснеющей невестой.
Пылает солнце, неба исполня,
Живит весь мир, и пламенное око
Встречает взор прощальный Василька.
Как радостен восход по долгой ночи!
И узник в память, с жадностью очей,
Врезает мир, блестящий от лучей.

27

«Как Спас, ты льешь и свет и жизнь на землю!» —
Воскликнув громко, душу всю излил
Он в утренней и пламенной молитве.
Едва окончил, торчин, Дмитр, Сновид —
Все бросились на князя; но цепями
Он их разит — и падают во прах;
Встают и вновь повержены: оковы
Врагов, как меч, всегда разить готовы.

28

На крик вбежали двое. На ковер
Они его повергнув и опутав,
На грудь взложили доски: по концам
Сновид и Дмитр, Василь и Лазарь сели.
Он застонал, и затрещала грудь;
Последний светлый взор уж закатился,
Лучи души потухнули в очах,
И замер стон на трепетных устах.

Взял торчин нож, готовясь к ослепленью;
 Ударил – но не в очи: он лицо
 Страдальца перерезал. – «Ты неловок», –
 Сказал Василь. Краснея, торчин нож
 Отер полою; вот его в зеницу
 Ввернул: кровь брызнула из-под ножа;
 Ввернул его в другую, и ланиты
 Уже волной багровою покрыты.

Все вышли вон. Остался Василько
 Один. Он на ковре, как труп кровавый,
 Недвижим, без дыхания лежал,
 И запеклись – не очи, но отверстья;
 Чернеют два кровавые пятна.
 Ты их, Давид, не смоешь с книги жизни:
 Нетленные, они горят на ней,
 Как мука вечная душе твоей!

Уже опять мучители страдальца
 Сбираются в дорогу. Дмитр, Сновид
 Вошли; из глаз слеза у них пробилась.
 Вот, завернув его в ковер, несут,
 Как мертвого; взложили; скачут кони;
 Вот Здвиженск мост под ними продрожал;
 И в дом, к приему путников готовой,
 Уже летят по площади торговой.

Священник был хозяин дома. Он
 Гостей таких не ждал, нет! дыбом волос
 Встал на седой, маститой голове.
 Внесли ковер; обедать села стража;
 Василь совлек сорочку с Василька,
 «Смой крови!» – сказав, хозяйке бросил

в руки,

И старица и внемлет и глядит,
 Но замер дух, и вся как лист дрожит.

И вдруг спеша ее на двор выносит
 И держит недвижимо пред собой;
 Взыдала. «Нашим воплем не поможем,
 Не плачь, старушка! – нищий ей сказал. –
 К чему твой стон? Нет, лучше дай рубашку,
 На ней нужна мне кровь...» И, взяв, исчез;
 Но старица рыдала; воплей сила
 Страдальца из забвенья пробудила.

Привстав, – «где я?» – промолвил тихо он.
 «Ты в Эдвиженске», – сказал Василь. – «Ах,
 дайте

Воды испить». За каплей каплю пьет,
 Вдохнул, себя ощупал. «Где рубашка? –
 Воскликнул он. – Свлекли ее с меня?
 Ее зачем вы сняли? Нет, в сорочке,
 Нет, я хотел одетый в кровь мою
 Предстать перед Всевышнего судью».

И ослабел он снова от усилья.
 Пред ним стоял священник: «Помертвел.
 Отходит он. Запасными дарами
 Я причащу страдальца». – «Но зачем? –
 Сказал Василь, – он осужден князьями,
 Зачем спасти ты хочешь дух его?» –
 «Господь суда от мира не приемлет!» –
 Рек старец, но словам никто не внемлет. –

Пред Спасом не виновен Василько,
 И пред людьми страдалец не виновен;
 Пройдут князья, пройдет и суд князей,
 Но истина на небе и в потомстве,
 Как солнце, просияет». – «Он ума
 От старости лишился», – молвил Лазарь,
 И вслед за ним захохотал вокруг
 Весь дикий сонм князьям покорных слуг.

Страдальца путь окончен. Во Владимир
 Заранее приехал князь Давид
 И тесный дом к приему приготовил:
 Он Василька за стражею провел
 И в душную и мрачную темницу.
 Зачем, Давид? По сумраке ночей
 Уже ему не светится денница,
 И целый мир – как мрачная темница!

(1828–1830)

Вопросы и задания

1. Обратите внимание на полное название «Повести...»:
 - а) Какие задачи ставит автор своим повествованием?
 - б) Как вы объясните «повторение» в названии вопросов: «откуда пошла земля Русская?», «как возникла Русская земля»? Откуда произошло название «Великая Скиф», что оно означает?
2. Каким предстает в повести русский князь:
 - а) О каких действиях князей рассказывает автор?
 - б) Что считалось «честью и славой» князя?
 - в) Чем прославился каждый из князей?
 - г) Сколько лет было им в год гибели?
 - д) Почему в тексте нет описания внешности князей?
- *3. Как вы думаете, почему героями «Повести...» являются, в основном, князья?
4. Сравните описание жизни и смерти княгини Ольги и ее сына Святослава:
 - а) Коварная дипломатия княгини и военные походы Святослава. Черты личности героев.
 - б) Крещение Ольги (и последовавшее за этим изменение ее нравственных позиций) и отношение Святослава к религии (почему Святослав отказался принять христианство?).
 - в) Почести, воздаваемые народом княгине Ольге, и «позорная» тризна врагов по Святославу.
5. С какой целью и как используются в «Повести...» библейские сюжеты и мотивы? (В своем ответе приведите примеры из текста.)

Знаком * помечены задания повышенной трудности.

6. Что вы можете сказать об авторе «Повести... »:

а) Его отношение к истории России, к междоусобицам русских князей.

б) Его отношение к русским князьям – язычникам и христианам. Какие черты характера русских князей, по вашему мнению, неприятны автору и что ему в них особенно дорого?

в) Позиция автора при описании столкновений сильных и слабых противников.

*7. Найдите черты, сближающие «Повесть ...» и произведения устного народного творчества.

8. Какие сюжеты рассказов из «Повести временных лет» легли в основу произведений поэтов-декабристов К. Рылеева и А. Одоевского?

9. Каждый поэт, опираясь на тот или иной исторический факт, имеет право на определенный художественный домysel, часто раскрывающий отношение поэта к данному факту или явлению. В чем вы видите художественный домysel или поэтическую фантазию автора при чтении исторических дум К. Рылеева и поэмы А. Одоевского?

*10. Почувствовали ли вы личное отношение авторов к своим героям? Насколько оно совпадает с позицией летописца?

ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА*

«Слово о Законе и Благодати» (торжественная проповедь) написано примерно в 1037–1050 гг. священнослужителем Иларионом, который позже стал первым русским митрополитом. Оно состоит из трех частей: в первой говорится о вселенском значении христианства, во второй – о русском христианстве, православной вере.

Приведенный ниже фрагмент представляет собой третью, заключительную часть произведения. Это похвальное слово князю Владимиру, принявшему христианство на Руси.

Под Законом митрополит Иларион подразумевает Ветхий Завет, под Благодатью – Новый Завет.

<...> Прославляет похвальными словами Римская страна Петра и Павла¹, которыми приведена была она к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; восхваляют Азия, Эфес и Патмос Иоанна Богослова², Индия – Фому³, Египет – Марка⁴. Все страны, и города, и люди чтут и славят каждого из своих учителей, которые научили их православной вере. Восхвалим же и мы, по силе нашей, своими малыми похвалами великое и дивное совершившего – нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей – Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые, в свое время владея, мужеством и храбростью прославились во многих странах, их победы и силу вспоминают и поныне и славят. Ведь правили они не в слабой и безвестной стране, но в Русской земле, которая ведома и славится во всех четырех концах Земли.

Сей славный от славных родился, благородный – от благородных, князь Владимир, и когда возрос и окреп, выйдя из мла-

* Текст и примечания печатаются по кн.: Литература Древней Руси. Христианства / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. С. 42–52.

денческого возраста, или, точнее сказать, возмужал в крепости и силе своей, в мужестве и мудрости преуспел, то стал единоподдержателем земли своей, покорив себе соседние народы: одних – миром, а непокорных – мечом. И жил он так во время свое, землю свою управлял мудро, в мужестве и разуме, и осенила его милость Всевышнего, призрело на него всемилостивое око благого Бога. И воссиял разум в сердце его, так что уразумел он суету идольского заблуждения и обратился к единому Богу, сотворившему все видимое и невидимое.

К тому же часто слышал он о благоверной земле Греческой, христолюбивой и сильной верою: как чтут там единого Бога в Троице и поклоняются Ему, какая власть духовная и какие чудеса и знамения творятся там, что церкви там полны людей, что все города правоверны, все прилежно молятся, все Богу предстоят. И слышав это, возжелал сердцем и возгорелся духом, – чтобы стать христианином самому, и христианской – земле его.

Так случилось по благовелению Бога, возлюбившего род человеческий. Вместе с одеждами сошел с себя князь наш ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия и вошел в святую купель⁵. Возродился от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели очищенный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя принял вечное, славное в роды и роды – Василий⁶, по которому и записан в книге жизни⁷, в небесном и нетленном граде Иерусалиме⁸.

Когда это свершилось, не остановился он в подвиге благоверия, и не только в этом проявил он любовь свою к Богу, но еще к большому подвигу, повелев всей земле своей креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы открыто и громогласно во всех городах славилась Святая Троица и все стали бы христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простолюдины, богатые и убогие. И не было ни одного противящегося благочестивому его повелению, а если кто и не по любви, то по страху перед повелевшим крестился, потому что благоверие в нем сопряжено было с властью.

И в единое время вся земля наша восславил Христа с Отцом и со Святым Духом. Тогда начал мрак идольский от нас удаляться и занялась заря благоверия, тогда тьма идолослужения исчезла и слово евангельское осияло нашу землю, капища⁹ разрушались, а церкви воздвигались, идола низвергались, а иконы святых являлись, бесы убегали, а крест освящал города. <...>

Как же мы тебя восхваляем, о честный и славный среди земных владык, безмерно мужественный Василий? Как выскажем

пожертвование твоей добротой, крепостью и силой? Какую благодарность воздадим тебе за то, что благодаря тебе познали мы Господа и избавились от прельщения идольского, ибо по твоему повелению на всей земле твоей славится Христос? Что еще тебе скажем, христолюбец, друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия?

Как уверовал? Как воспылал любовью к Христу? Как вселился в тебя разум выше, чем разум земных мудрецов, чтобы возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как нашел ты Христа? Как предался Ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай, учитель наш: откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Каким образом испил ты из сладкой чаши мысли о будущей жизни? Как познал и увидел, что благ Господь? Ведь не видел ты Христа, не следовал за ним, как же ты Его учеником стал? Иные, и видев Его, не веровали, ты же, не видев, уверовал. Поистине сбылось на тебе благословение Господа Иисуса, сказанное Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие¹⁰». <...>

К тому, что сказано, кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и ночью убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости?

Твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом Его, ибо, ради любезного Богу милосердия, имеешь ты великое дерзновение перед Ним, как присный раб Христов. Помогает мне в этом сказавший: «Милость торжествует над судом». И еще: «Милостыня мужа – как печать у него». Вернее же всего самого Господа слова: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». <...>

Если таково воздаяние от благого Бога наставившему на верный путь только одного человека, то какую же награду должен ты обрести, о Василий? Какое бремя греховное ты разрушил – ведь не одного отвратил ты человека от идольских заблуждений, не десятирех, не один город, но всю область сию!

Показывает нам и уверяет нас сам Спаситель Христос в том, какой славы и чести удостоил Он тебя на небесах, говоря: «Кто признает Меня пред людьми, того признаю и Я пред Отцом Моим, сидящим на небесах». Но если признавший Христа пред людьми признан будет Христом перед Богом Отцом, как же будешь ты похвален Им, не только признавший Его и веру в Него утвердивший не на одном соборе, но по всей земле этой, и церкви Христовы воздвигший, и служителей ему поставивший?

Подобный великому Константину¹¹, равный ему в разуме и в любви к Христу, равный в почитании служителей его! Тот со святыми отцами Никейского собора¹² закон для людей определил, а ты, с новыми нашими отцами-епископами собираясь часто, с великим смирением советовался с ними, как установить закон среди людей, недавно познавших Господа. Тот Еллинское и Римское царство Богу покорил, ты же – Русь. И как у тех, так и у нас Христос зовется царем. Тот с матерью своей Еленой¹³ крест из Иерусалима принес и, разослав части его по всему миру своему, веру укрепил, ты же с бабкою своею Ольгою¹⁴ утвердил веру, принеши крест из нового Иерусалима – Константинополя и поставив его на своей земле. Тебя, подобного Константину, Бог удостоил одинаковой с ним славы и чести на небесах за благоверие твое, которое стяжал ты в жизни своей.

Добрый пастырь благоверия твоего, о блаженный, – святая церковь святой Богородицы Марии¹⁵, которую ты создал на правоверной основе, где ныне мужественное твое тело лежит, ожидая трубы архангельской.

Достойный же весьма и верный тебе преемник – сын твой Георгий¹⁶, которого сделал Господь наследником твоего владычества, не разрушающим твои уставы, но укрепляющим их, не уменьшающим устроений твоего благоверия, но умножающим их, не извращающим, но продолжающим дело твое, он неоконченное тобой завершил. <...>

Встань, о честная глава, из гроба твоего, встань, отряхни сон! Встань, ты не умер, но спишь до общего всем воскресения. Встань! Ты не умер! Не подобает умереть тебе, уверовавшему в Христа – жизнь всего мира. Отгони сон, возведи очи и увидишь, что Господь, таких почестей удостоив тебя там, и на земле память о тебе оставил в сыне твоём. Встань, посмотри на сына своего Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на украшающего престол земли твоей и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранимы Господом, как благоверие сохраняют по завещанию твоему, как прилежат к святым церквям, как славят Христа, как поклоняются имени его. Посмотри же и на город, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство разрастающееся, посмотри на блеск города, освещаемого святыми иконами, благо-

ухающего фимиамом, оглашаемого святыми хвалами и божественным пением.

И, видев все это, возрадуйся, и возвеселись, и восхвали благого Бога, устроителя всего этого. Увидь же это, хотя бы не телом, но духом. Показывает тебе Господь все это, и подобает тебе об этом радоваться и веселиться, ибо семена веры, тобою посеянные, не были иссушены зноем неверия, но орошенные дождем Божьей помощи, принесли обильные плоды.

Радуйся, апостол среди владык, не мертвые тела воскрешавший, но нас душою, мертвых в недуге идолослужения, воскресивший! Ведь тобою приблизились мы к Богу и познали жизнь Христа. Угнетены были бесовским прельщением, но тобою освобождены, на путь жизни вечной поставлены, слепыми были от бесовского прельщения, но тобою получили прозрение сердечных очей, ослеплены были неразумием, но через тебя познали свет всесвятого Божества, немые были, но тобою возвращен нам дар слова, и ныне, малые и великие, славим единосущую Троицу. <...>

За эти и иные благие дела, приемля благое воздаяние на небесах, которое уготовил Бог вам, любящим его, и насыщаясь сладостным лицезрением лика его, помолись о земле своей и о народе, над которым ты благоверно владычествовал, да сохранит его Господь в мире и благоверии, утвержденным тобою, и пусть славится правoverие и будет проклято всякое еретичество, и да соблюдет его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от голода и от всякой скорби и несчастья!

И еще помолись о сыне твоём, благоверном князе Георгии, чтобы он в мире и здравии пучину жизни переплыл и в тихую небесную пристань невредимым привел корабль душевный, сохранив веру и стяжав богатство добрых дел, чтобы, без искушений окончив правление людьми, вверенными ему Богом, предстал он вместе с тобой, непостыдно, перед престолом Вседержителя Бога и за труд правления народом своим принял от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися его ради!

Примечания

¹ Петр и Павел – Петр (камень) – один из учеников Христа, один из 12 апостолов, брат апостола Андрея Первозванного. Павел не входил в число 12 апостолов и не знал Христа во время его земной жизни, но за его проповеди христианства во многих стра-

нах почитался как «первопрестольный апостол» и «учитель вселенной» сразу после Петра и вместе с ним. Был казнен в Риме вместе с Петром.

² Иоанн Богослов – один из 12 апостолов, любимый ученик Христа, автор четвертого Евангелия – Евангелия от Иоанна. На о. Патмосе, куда Иоанн был сослан, имел видение о конечных судьбах мира, последние годы жизни находился в Эфесе.

³ Фома – один из 12 апостолов. По преданию, проповедовал христианство в Индии.

⁴ Марк – евангелист, автор второго Евангелия – Евангелия от Марка, проповедовал христианство в Египте.

⁵ Купель – сосуд с водой, куда погружают крестящегося при церковном обряде крещения.

⁶ Василий (от греч. – царь) – человеку в Древней Руси давалось два имени: одно мирское, второе христианское – крестное.

⁷ Книги жизни – книги, в которые, по христианскому вероучению, заносятся деяния праведников.

⁸ Небесный и нетленный Иерусалим – рай.

⁹ Капище – языческий храм.

¹⁰ Фома (см. примеч. 3), не находившийся среди учеников Христа, когда Он явился им после воскресения, отказался поверить в это, пока сам не увидит Христа. Через несколько дней Христос вновь явился к ученикам и, укоряя Фому, сказал: «Ты поверил, потому что увидел меня, блаженны не видевшие и уверовавшие». (Отсюда происходит крылатое выражение – «Фома неверующий».)

¹¹ При византийском императоре Константине I Великом (285–337) христианство было признано государственной религией Византии.

¹² Никейский собор – Первый Вселенский собор в городе Никее (Малая Азия) – состоялся в 325 г. В нем принимал участие Константин Великий.

¹³ Елена, мать Константина, в 326 г. посетила Иерусалим, где обрела крест, на котором был распят Христос, и построила церковь на Голгофе (место распятия Христа); ум. в 328 г. монахиней.

¹⁴ Ольга (?–969) – княгиня, жена киевского князя Игоря, мать Святослава, бабка Владимира. В 957 г. она приняла христианство.

¹⁵ Имеется в виду Десятинная церковь в Киеве, первая каменная церковь Киевской Руси (сооружена в 989–996 гг.)

¹⁶ Георгий – христианское (крестное) имя Ярослава Мудрого.

М. Лермонтов

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко --
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

И. Никитин

Новый Завет

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.

Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви
И сердца тревожного муки
Как скоро смиряют они!..

Здесь все в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им.

И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И Вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.

Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

Вопросы и задания

1. Почему Иларион рассматривает крещение Руси как гражданский подвиг князя Владимира?

2. Как раскрыта в «Слове...» биография князя Владимира? Какими эпитетами определяет автор деятельность своего героя? Какие качества характера князя Владимира, с точки зрения автора и на ваш взгляд, наиболее важны?

*3. «Слово...» Илариона отличает композиционная стройность. Чтобы убедиться в этом, выделите главную мысль в каждом абзаце. Проследите, как постепенно, обогащаясь новыми фактами, проявляется величие князя Владимира.

4. «Слово о Законе и Благодати» – торжественная проповедь. Проповедь – это публичная речь религиозного характера, произносимая священнослужителем. Чаще всего это настоящее произведение ораторского искусства, подчиняющееся определенным законам художественного творчества. Синоним ораторского искусства – красноречие, т. е. умение говорить красиво, увлекательно, убедительно. И поныне мы восхищаемся памятниками политического, церковного, военного, судебного, торжественного красноречия. Яркие средства выразительности речи: искусно подобранные эпитеты, синонимы, метафоры, олицетворения, восклицания, повторы. Найдите их в тексте и покажите, что именно от них зависит красочность, увлекательность, убедительность высказываемой мысли.

Обратите внимание на антитезу (противопоставление по принципу яркого контраста): «заря благоверия» и «мрак идольский». Объясните значение каждого словосочетания. Покажите религиозный смысл противопоставления этих словосочетаний.

Найдите в тексте риторические вопросы (это вопросы, которые не требуют ответа слушающих), которые усиливают эмоциональность, убедительность речи и сосредоточивают внимание на наиболее важных моментах проповеди.

*5. Объясните сравнение автором князя Владимира с Константином Великим (с точки зрения внутренней политики и международного престижа России).

*6. Как показана в «Слове» необходимость единства государственной и духовной власти?

7. Выразительно прочитайте стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» и И. С. Никитина «Новый Завет».

Каково настроение каждого стихотворения? Что общего между ними? Обратите внимание на три последние абзаца «Слова...» Илариона. Найдите образные слова и выражения, перекликающиеся со строками стихотворений. Что же нетленно, вечно в этом мире, по мнению священнослужителя Илариона и поэтов XIX в.?

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ*

На Руси существовало великое множество циклов различных памятников о Борисе и Глебе. Считается, что «Сказание» было создано при Ярославе Мудром в середине XI в. на основании летописной повести и написанного Нестором «Чтения о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба».

Князья Борис и Глеб стали первыми святыми, канонизированными Русской Церковью, признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские». В их честь установлен праздник 24 июля, отмечаемый ежегодно православной Церковью.

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА СЯТЫМ МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Господи, благослови, Отче!

«Род праведных благословится, — говорит пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, — внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую.

О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них

* Печатается по кн.: О, Русская земля! / Сост. В. А. Грихнин. М., 1982. С. 218–281.

были разные. Старший сын — Вышеслав, после Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды¹ Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал он тогда к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом², блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил³: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий⁴ (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове⁵ и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы⁶. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор

свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увy мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать твои прекрасные седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа моя разум смущает, и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом – ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы брата моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?»⁷ И решил в сердце своем: «Да будет воля Твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А все это преходящее и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы⁸, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими. Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья – ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытал, все видел, всем владев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует – все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви.

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту те-

лесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив перед очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смирен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником перед Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божиим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради Меня и Моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня на Тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки – преданны ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел он перебить всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках». Он же им от-

вечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо я уповаю на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми Твоими святыми, Ты Бог милостивый, и славу Тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучениях и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец⁹. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда, и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню»¹⁰. Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего заутреню Псалтырь¹¹. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. <...> И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как Ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить Себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловеющий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. Не захотел Ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал Себе, последую заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет стра-

ха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, Владыка, душа моя в руках Твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно – так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятые скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благодати исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукой своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окающие: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставляю тебя, господин мой любимый: где увядает краса тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной¹², и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и раненый, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И возрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый, и милостивый, и премилостивый! Слава Тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни, что сподобил меня подвига, достойного святых мучеников! Слава Тебе, Владыка-Человеколюбец, что сподобил меня совершить сокровенное желание сердца моего! Слава Тебе, Христос, слава безмерному Твоему милосердию, ибо направил Ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости Твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего – ведь ради Тебя умерщвляют меня в сей день. Меня уравниали с овном, уготованным на убой. Ведь Ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял я против брата моего. Он же сколько мог воздвиг против меня. Если бы враг поносил меня – это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня – укрылся бы от него. Но Ты, Гос-

поди, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И, воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши — заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живаго в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских¹³.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив голову ему, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неуваждаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянный: «Что сделают? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстергши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь я престола отца моего, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к

болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, не изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы¹⁴ к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат. Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобою умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стenal и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что

хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внимают словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой, и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил, плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне! Услышь, небо, и внимли, земля! И ты, Борис, брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внимлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь перед престолом Его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные Тобою Своим апостолам: «За имя

Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени Моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред Тобою. Господи! И Тебе славу возносим, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильным? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой лстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод¹⁵. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слы-

шавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божиим и с помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бежал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к Тебе, Владыка. И Ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет¹⁶. Молю Тебя, Господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и открылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей¹⁷ и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни, здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали,

что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярослав, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью¹⁸ и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойн: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромы бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир не может их вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас кесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища. <...>

Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых Евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам Господь говорил: «Верующий в Меня, в дела, которые Я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Господь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Поэтому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас от неприятельского меча и междоусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес Своих на нас, убогих, и, хотя согрешили, но Ты прости, и, хотя беззаконие творим, помилуй, и впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай».

Да снизойдет на нас милость Твоя! Да прольется на нас чело-веколюбие Твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред Тобою, Господи! Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя Твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость Твою на овец стада Твоего, ведь Ты Бог наш и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покорялся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен – точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

Примечания

¹ *Рогнеда* – дочь Рогвольда, полоцкая княжна.

² *Призвал он тогда к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом...* – Русские князья в древности носили два имени – одно «русское», «княжеское», а второе христианское, дававшееся при крещении. Христианское имя Бориса – Роман, Глеба – Давыд.

³ *О таких Приточник говорил...* – Имеется в виду составитель притчей – иудейский царь Соломон. Книга притчей Соломона входит в Библию.

⁴ *Отец его Василий...* – Василий – христианское имя Владимира Святославича.

⁵ *...ночью разобрал помост в Берестове... отвез на санях...* – По древнерусскому обычаю тело покойника выносилось через пролом и перевозилось на санях в любое время года.

⁶ *...и поставил в церкви святой Богородицы.* – Владимир был похоронен в Десятинной церкви Богородицы в Киеве.

⁷ *...Увижу ли я хотя бы брата... как Иосиф Вениамина?* – Иосиф и Вениамин – библейские персонажи. Старшие братья из зависти продали Иосифа (своего младшего брата) в рабство в Египет. Рассказ наполнен различными злоключениями Иосифа. В заговоре старших братьев против Иосифа не участвовал еще один брат – Вениамин. Встреча Иосифа с Вениамином в христианской литературе – символ верной и горячей братской любви.

⁸ *Багряница* – царское одеяние, порфира.

⁹ *Вспомнил он о мучениях... святого мученика Никиты и святого Вячеслава, и как убийцей святой Варвары был ее родной отец.* – Борис вспоминает имена тех святых, которые приняли мученическую смерть за исповедание христианства от рук ближайших родственников.

¹⁰ *...начинай заутреню.* Заутреня – ежедневное утреннее богослужение.

¹¹ *Псалтырь* – одна из книг Библии, собрание псалмов (хвалебных песнопений).

¹² *...золотой гривной...* – Имеется в виду шейный обруч, ожерелье как знак отличия, награда.

¹³ *Календы августовские* Календами, согласно древнеримскому календарному счету, назывались первые дни каждого месяца. В счете по календам дни отсчитывались назад (исходная дата

включалась в счет дней), поэтому дата 24 июля соответствовала девятому дню перед августовскими календами (от 1 августа по 24 июля включительно – 9 дней).

¹⁴ *Предслава* – дочь Владимира Святославича от Рогнеды, родная сестра Ярослава Мудрого.

¹⁵ *...меж двух колод.* – В тексте место не совсем ясное. Возможно, имеется в виду колода – ствол упавшего дерева, либо колода – гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева.

¹⁶ *...Повергни Святополка в ужас и трепет.* – Согласно Библии (книга Бытия, гл. IV, 13), наказывая Каина за братоубийство, Бог сказал: «Стеня и трясыйся будеши на земле».

¹⁷ *...между Чехией и Польшей...* – по гипотезе, это выражение является поговоркой, означавшей «где-то далеко».

Ламех – один из потомков Каина, также совершивший убийство.

Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан) – римский император (361–363), восстановивший в Римской империи язычество и преследовавший христиан. В христианской литературе имя его стало нарицательным именем гонителя христиан.

¹⁸ *...положили в ладью.* – Согласно похоронным обычаям Древней Руси покойника либо везли на саних, либо несли в ладье.

...великий Дмитрий... – Дмитрий Солунский почитался как покровитель гор. Солуни, убит в 306 г. Его культ популярен в славянских странах и на Руси.

К. Рылеев

СВЯТОПОЛК

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим.

В глуши Богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрем встречался –

Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был странен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: ты злодей! –
В глухих отзвуках вторят горы.
Злодей! казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои страдая...
Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятья заслужил
Убийца – брат святого Глеба.

И обитатель той земли
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним Окаянного прозвание!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детям отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрее
От преступленья к преступленью».

Вопросы и задания

1. Объясните причины трагедии (убийство Святополком своих братьев). Кто, по мнению летописца, истинный виновник преступления?
2. Почему Борис и Глеб не дают отпора своим убийцам, хотя они вооружены и с ними дружины?

3. Опишите, опираясь на текст, психологическое состояние Бориса и Глеба перед смертью, расскажите об их благочестивых мыслях. За что они благодарят Бога?

4. С кем из библейских героев сравнивается поведение Бориса и Глеба, с одной стороны, и Святополка, с другой?

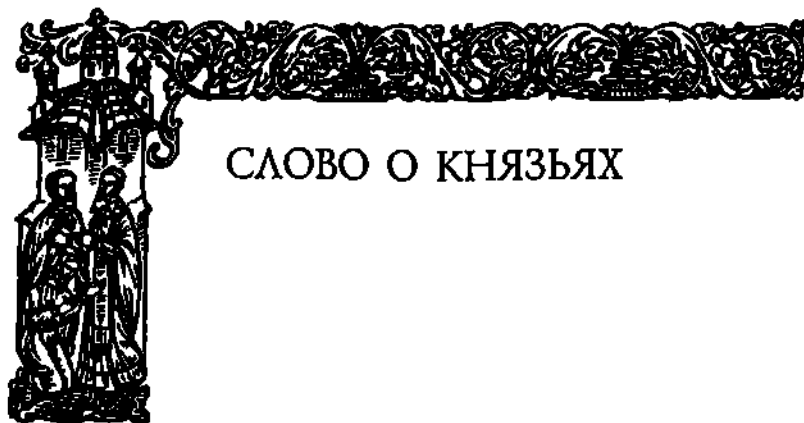
*5. В чем подвиг князей Бориса и Глеба? За что их чтит весь православный мир?

6. Какие страсти владеют душой Святополка? Как связывает автор преступные действия Святополка с его происхождением?

7. Какие художественные средства использует автор для яркого противопоставления «земных ангелов» Бориса и Глеба «окаянному» Святополку?

8. Прочитайте думу К. Рыльева «Святополк». Сравните описание бегства Святополка в «Сказании» и думе. Какое возмездие его настигло? Как передано страдание Святополка, проклятого Небом и Землей?

*9. Покажите общие черты и отличие сказания от летописных рассказов.

СЛОВО О КНЯЗЬЯХ

«Слово о князьях» относят к XII в. Его иногда называют полностью, в традициях древнерусской литературы, раскрывая истинный смысл: «Похвала и мучение святых мучеников Бориса и Глеба» или «Слово похвальное на перенесение (мощей) святых страстотерпцев Бориса и Глеба, да прочии не враждуют на братию свою». «Слово» представляет собой торжественную проповедь в честь особо почитаемых на Руси святых мучеников, князей-братьев Бориса и Глеба, но центральным ядром проповеди является «злоба дня» — княжеские междоусобицы, принесшие неисчислимые беды народу.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ БОРИСА И ГЛЕБА, ДА И ПРОЧИИ НЕ ВРАЖДУЮТ НА БРАТИЮ СВОЮ*

Послушайте, братия, что говорит Господь в святом Евангелии: «Многие придут от востока и запада, севера и моря и возлягут в Царстве Божьем с Авраамом, Исааком и Иаковом в славе

* Печатается по кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 339–343.

Отца Небесного». И еще говорит Господь: «Первые будут последними, а последние первыми». Многие и в первом законе¹, и во втором угодили Богу, и за то прославил их Господь: чудеса творили они, великую силу показали и по смерти. Вот и в последнее время явились два храбрых мученика, Борис и Глеб; многие чудеса сотворили они в Русской земле и доныне недужным подают исцеление. Исполнилось на них слово, Господом сказанное: «Кто в меня верует, силу великую обретет и чудеса сотворит, каких и я не творил». Подумайте, братья, что сказал Господь, — какую силу подает он рабам своим на земле, в роде человеческого, и какую честь дарует им на небесах перед ангелами Божиими!

Святые Борис и Глеб сыновья были любимые отца своего, равноапостольного князя Владимира, самодержца земли Русской. Исполнили они заповедь Божию: не захотели власти и славы мимотекущей, руки не подняли на брата своего. Окаянный брат их Святополк захотел отнять у них власть и жизнь, они же не воспротивились тому: одного он копьем пронзил в грудь, другого ножом зарезал, как агнца непорочного. Святые те братья подражателями Господу явились жизнью своею непорочною, правдою, чистотою, любовью, кротостью, смирением и терпением; не отвергли они и чаши смертной, Господом посланной. И даровал им за то Господь имя превыше всех в поднебесной.

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганых на братью свою призываете, — пока не обличил вас Бог на Страшном своем Суде! Вспомните святых Бориса и Глеба — как претерпели они от брата своего старшего не только отнятие власти, но и отнятие жизни. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию.

Некогда израильтяне, рати ожидая халдейские на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попленили Иерусалим. Тогда Бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что вы не уповали на Бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян, — халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было.

Павел апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что

Бога любит, а брата своего ненавидит – лжец тот». И сам Господь говорит: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собой будете».

Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к Богу привел тысячи тысяч и тмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете – великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте и последуйте, их примером научитесь! Когда сатана посеет вражду между вами, помяните этих святых, – как предпочли они лучше смерть принять, чем удержать в себе вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от Бога получит.

Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось, – о Давыде Святославиче, сыне Святослава Ярославича. Князь этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирал. В Чернигове княжил он, в большом княжении, ибо старший был меж братией своей². Если кто кривду какую ему чинил, он вину на себя перелагал. Когда крест кому целовал, крепко держал слово; когда кто нарушал целование крестное, он и тогда клятвы не переступал. Братия, видя такое его беззлобие, слушались его как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он.

Когда же порешил Бог взять душу его от тела, епископ Феоктист³, видя, что князь – недолго он болел – уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту. И вдруг верх терема, где князь лежал, расселся, и ужаснулись все: влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь и клювом коснулся уст его. Князь испустил душу, голубь невидим стал, а терем наполнился благоуханием. И понесли князя в Спас Святой⁴. Под вечер над церковью появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба⁵ – звезда перешла к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит – завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во едином месте стоит». Подивился епископ и восхвалял Бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб – солнце зашло.

Видите, дети мои, как Бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его: ангел Божий в образе голубином явился, терем благоуханием наполнился, звезда,

с небес пришедшая, над телом стала, солнце повелением Владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело князя во гроб.

Может, кто скажет, что князь Давыд жены не имел? Но он имел и жену, и детей. Блаженный Никола Святоша⁶ был сын его, и еще два сына⁷ было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь Господню и исполнил? – не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-то и с детьми спастись невозможно». Но и это не так. Князь Давыд не один дом имел, а много – по всей земле Черниговской был он князем. А заповедь Господню исполнил же: ни с кем никогда не враждовал он.

Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред Богом, – не забывает Бог злопамятства! Да поможет вам Бог и да не отпадете вы, все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим.

Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнетворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о Господе!» Скажи, Соломон премудрый: «Праведные живут вечно, и в Господе награда их». А вот и сам Господь прославляет святых этих: «Праведники просветятся, как солнце, во славе Отца своего. Где Я буду, там и они будут со Мною». Где Христос с Отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола песнь ангельскую: «Свят, свят, свят Отец и Сын и Пресвятой Дух во едином Божестве всегда и во веки бесконечные! Аминь».

Примечания

¹ ...первом законе. – Первым законом назывался иудаизм (Закон Моисея); второй закон – Благодать (христианство).

² В Чернигове княжил он, в большом княжении, ибо старший был меж братией своей. – Черниговское княжество делилось на несколько княжеств, среди которых собственно Черниговское являлось центральным, Черниговский престол занимал обычно старший в роде: после смерти своих старших братьев – Глеба и Романа – Давыд Святославич.

³ *Епископ Феоктист* – игумен Печерского монастыря, ставший епископом Черниговским в 1112 г.

⁴ *...Спас Святой*. – Спасо-Преображенский собор в Чернигове, главный храм Черниговского княжества.

⁵ *...церковь Бориса и Глеба...* – построена в первой четверти XII в. Борисоглебская церковь служила усыпальницей черниговских князей.

⁶ *Блаженный Никола Святоша...* – Святослав Давыдович постригся в монахи Киево-Печерского монастыря в 1106 г. и после смерти причислен к лику святых.

⁷ *...и еще два сына...* – Всего у Давыда Святославича было 5 или 6 сыновей. Здесь, видимо, речь идет о Владимире и Изяславе.

Вопросы и задания

1. За что в «Слове» прославляются князья Борис и Глеб, Давыд Святославич? В чем мудрость Давыда Святославича? Можно ли его считать идеальным князем на Руси?

2. Почему Владимир Мономах считает, что князю необходимо вникать в каждую мелочь военного и мирного быта, лично контролировать своих подчиненных?

*3. Как проявляются в произведении христианские взгляды автора, назовите их и подтвердите текстом. Как вы понимаете слова: «Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от Бога получит»?

4. В чем видит автор проявление зла и добра в политике князей? С какими известными вам произведениями Древней Руси перекликается «Слово»?

5. Расскажите о высоких литературных достоинствах памятника: а) обратите внимание на многостороннее выражение центральной идеи; б) композицию; в) развернутые сравнения, параллелизмы, антитезы; г) общее настроение произведения. Назовите черты, сближающие данное произведение со «Словом о Законе и Благодати» Илариона.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА*

Владимир Мономах (1053–1125) – великий Киевский князь. Все свои силы он направлял на укрепление Русской земли и защиту ее границ. Это выдающийся государственный деятель, человек широко образованный и талантливый.

В конце жизни (ок. 1117 г.) он составил духовное завещание своим сыновьям-князьям, которое прославилось в веках как «Поучение». Христианское, высоконравственное, патриотичное по своей сути, «Поучение» выходит далеко за рамки семейного наследия в письмах. Это произведение большого общественного звучания.

Сидя на саях¹, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто², слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих³ на Волге и сказали: «Поспешите к нам, и выгоним Ростиславичей⁴, и волость их отнимем, если же не пойдешь с нами, то мы – сами по себе будем, а ты – сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь⁵, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смуща-

* Печатается по сб.: О, Русская земля! / Сост. В.А. Грихип. М., 1982. С. 236–247.

ешь меня?» – и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника: посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежешет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что станет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многое богатство грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, – праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущиеся же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и оттони зло, и живи во веки веков».

<...>

Ибо как Василий учил⁶, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О Владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела. Господа ради, лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гони-

мый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. <...>»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия Небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», — и снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут⁷, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные, и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоят и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всея душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее – это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй!» И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» зывайте непрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо крест целовать братии или кому-либо, то проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а, поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранивайтесь от них, а по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда

бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой⁸, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к Церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный!» И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир⁹. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу¹⁰, а после Пасхи из Переяславля во Владимир – в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса¹¹, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский¹². А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер¹³, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной – Глебу в помощь¹⁴. А летом с отцом – под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выгнали Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега¹⁵. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска¹⁶, затем на Друцк войною и опять в Чернигов. <...>

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом¹⁷ же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополк там посадил, и Ярополк умер¹⁸.

И снова, по смерти отца¹⁹ и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день²⁰ из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах, – Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили. <...>

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей. <...>

И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра, и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми Его. Смерти, ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело

исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберется, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено... А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным Судьей, не показавшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещеный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрасившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими словами и предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — се-

годня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое²¹, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно аглицу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». <...> Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, что муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть крови ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский²², а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. А что ты хочешь добыть насилием, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа моя мне дороже всего света сего. На Страшном Суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

Примечания

¹ *Сидя на саях...* -- Образное выражение, которое следует понимать как «в преклонном возрасте», «на краю смерти». Связано с древнерусским погребальным обрядом.

² *Дети мои или иной кто...* -- Эти слова свидетельствуют о том, что Мономах адресовал «Поучение» не только своим детям, но и более широкому кругу читателей.

³ *...от братьев моих...* -- Имеются в виду двоюродные братья Мономаха -- Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (в монашестве Никола Святоша).

⁴ *...Ростиславичей...* -- Имеются в виду Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теребовльский.

⁵ *...взяв Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось...* -- В Древней Руси Псалтырью часто пользовались для гадания. Существовали особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие значение этого текста.

⁶ *Ибо как Василий учил...* Василий Великий (Кесарийский, 330–379 гг.), один из «отцов церкви», автор многочисленных слов и поучений. Произведения Василия Великого были известны на Руси в переводах.

⁷ *...как птицы небесные из рая идут...* -- Согласно древним славянским поверьям, птицы на зиму улетают в рай, где не бывает зимы и куда скрывается в зимнее время вся живая природа.

⁸ ...как отец мой... – Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха.

⁹ ...пошел во Владимир... – Имеется в виду Владимир-Волинский.

¹⁰ ...ходил в Переяславль к отцу... – Имеется в виду Переяславль Южный, где княжил отец Мономаха – Всеволод.

¹¹ ...за Глоггов до Чешского леса... – Чешский лес расположен между Богемией и Моравией в водоразделе Дуная и Влтавы. Глоггов – город на реке Одере.

¹² ...сын... старший, новгородский. – Имеется в виду старший сын Мономаха – Мстислав, родившийся в 1076 г. Был новгородским князем с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

¹³ И Святослав умер... – Святослав Ярославич, умер в 1076 г.

¹⁴ ...Глебу в помощь. – Глебу Святославичу Новгородскому в помощь против Всеслава Брячиславича Полоцкого.

¹⁵ ...и победил Бориса и Олега. – Имеется в виду битва на Нещатиной Ниве близ Чернигова в 1078 г. Владимир Мономах и его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича.

¹⁶ ...до Лукомля и до Логожска... – Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеволоду Полоцкому.

¹⁷ ...с Ростиславом... – Имеется в виду брат Мономаха Ростислав Всеволодович.

¹⁸ ...и Ярополк умер. – Ярополк Изяславич был убит в 1086 г.

¹⁹ ...по смерти отца... – Отец Мономаха Всеволод Ярославич умер в 1093 г.

²⁰ ...на святого Бориса день... – Память святого Бориса праздновалась 24 июля.

²¹ ...дитя, мое и твое... – Возможно, Изяслав был, так же как и Мстислав, крестным сыном Олега.

²² ...хлеб едят дедовский... – Феодальный термин, означавший «сидеть в своем родовом уделе», в данном случае Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

Вопросы и задания

1. Почему Владимир Мономах, будучи великим князем, так смиренно и кротко обращается к детям: «...если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил»?

2. Назовите самую важную заповедь Мономаха. Почему, по мнению великого князя, она должна быть моральной основой жизни каждого человека?

3. Как вы понимаете наставление Мономаха: «глаза держать книгу, а душу ввысь, избегать суеты, ... ни во что ставить общий почет»?

4. Как совместить проповедь кротости в «Поучении» с призывом «не уклоняться учить увлекающихся властью»? Проповедь скромности, милосердия с откровениями о жестоких расправах над поверженным противником?

*5. Какие области жизни и деятельности князей охватывает «Поучение...»? Почему Владимир Мономах считает, что князю необходимо вникать в каждую мелочь военного и мирного быта, строго контролировать своих подчиненных? Объясните это с политических, нравственных, религиозных позиций.

6. Можно ли считать Владимира Мономаха идеальным русским князем? Докажите свою точку зрения.

*7. Какие черты времени княжения Владимира Мономаха нашли отражение в тематике и идее «Поучения»?

8. Можно ли назвать Владимира Мономаха мудрым политиком, стратегом, рачительным хозяином, семьянином, высокообразованным человеком и талантливым писателем? Аргументируйте свой ответ.

9. Прочитайте стихотворение В.А. Жуковского «Русская слава». Как описывает поэт беды России? Что явилось их причинами? Какие лучшие национальные черты воплотил в себе князь Владимир Мономах? Почему, по мнению Жуковского, он стал душой, славой России?

В. Жуковский

Русская слава

Была пора: губительный раздор
Везде летал с хоругвию кровавой,
За ним вослед летали глад и мор,
Разбой, грабеж, смущенье были славой.

А с трупьев русских кровь текла,
Губил половчанин без страха,
Лежали грады кучей праха,
И Русь бедою поросла...

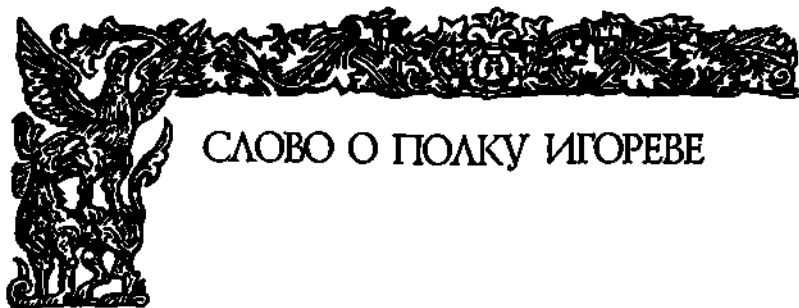
Но Русь в беде крепка была
Душой великой Мономаха...

10. Прочитайте стихотворение М.В. Ломоносова. Как в этом четверостишии раскрыта главная тема древнерусской литературы - смысл человеческой жизни? Можно ли адресовать строки этого стихотворения Владимиру Мономаху? Назовите три духовно-нравственные заповеди Мономаха, о которых говорит Ломоносов. Почему они актуальны и в наше время?

М. Ломоносов

* * *

Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгий век!
Добротами всходить наверх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

История текста

«Слово о полку Игоре» – самое удивительное произведение Древней Руси. Оно принадлежит к драгоценнейшим памятникам не только книжной старины, но и является путеводной звездой для многих современных писателей.

Наша культура обязана обретением этого памятника графу А. И. Мусину-Пушкину, который нашел его среди других рукописей в Спасо-Ярославском монастыре в к. XVIII в.

Граф А. И. Мусин-Пушкин был известным в то время любителем и собирателем отечественных древностей, президентом Академии Художеств.

«Слово о полку Игоре» было привезено в Петербург. Оно было написано довольно чистым письмом на лощеной бумаге, что дало повод ученым отнести его к к. XIV – нач. XV вв., но скорее всего оно было переписано с более раннего источника.

В самом деле, «Слово о полку Игоре» повествует о неудачном походе князя Новгород-Северского Игоря на половцев, который состоялся в 1185 г. Об этом свидетельствует не одна, а две летописи – Ипатьевская и Лаврентьевская.

Императрица Екатерина, одна из первых между образованными русскими людьми, чрезвычайно заинтересовалась «Словом...». По ее желанию, под строгим наблюдением А. И. Мусина-Пушкина была сделана копия «Слова...».

Первое сообщение свету о необыкновенной находке было сделано Н. М. Карамзиным в 1797 г., который датировал «Слово...» XII столетием. Восхищаясь произведением (которое было названо поэмой), Н. М. Карамзин писал, что слог поэмы исполнен силы,

чувства величайшего патриотизма и героизма; изображения, очерпнутые из ужасов природы, составляют достоинства «Слова...». Карамзин отмечает: поэт, представляя картину одного кровавого сражения, восклицает: «Увы! чувствую, что кисть моя слаба, я не имею дара великого Бояна, сего соловья времен прошедших». Следовательно, заключает Карамзин, и до него были великие поэты, творения которых поглощены веками. Летописи наши не говорят об этом Бояне. Мы не знаем, когда он жил и когда пел. Но это почтение, воздаваемое его дарованиям таким поэтом, как автор «Слова...», заставляет сердечно жалеть о потере его творений. Вот такую высокую оценку дал «Слову...» знаменитый русский писатель и историк Н. М. Карамзин.

Между тем, счастливый обладатель «Слова...» Мусин-Пушкин несколько лет самозабвенно трудился над переводом рукописи на язык своего времени. Он писал: «Рукопись в подлиннике, хотя ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления. Прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и, хотя все было уже разобрано, но я, не будучи своим переложением доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки...»

Первое издание «Слова...», отпечатанное в Москве с особой тщательностью, вышло в свет в 1800 г. с предисловием, примечаниями, переводом на новый язык и с родословной князей, упоминаемых в тексте.

Н. М. Карамзин, сличавший рукопись с печатным изданием, уверял, что перевод на современный язык, за исключением двух-трех слов, сделан очень удачно.

Это свидетельство тем более важно, что первое печатное издание «Слова...» вскоре оказалось и единственным источником нашего знакомства с замечательным литературным памятником.

В 1812 г. во время пожара в Москве рукопись «Слова...» погибла вместе с остальными печатными экземплярами.

Немногочисленные экземпляры первого издания, успевшие стать достоянием публики, познакомили ученых со «Словом о полку Игореве». И с этого момента начинается множество исследований, переводов на русский и иностранные языки и поэтических переложений, идущих до сегодняшнего дня.

Материалы: изложение Н. М. Карамзина, фрагмент Ипатьевской летописи, история текста «Слова о полку Игореве» даются по кн.: Русская классная библиотека. Слово о полку Игореве. 10-е изд. И. Глазунова. СПб., 1912. С. 49–62.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА*¹

«Слово о полку Игореве» – одно из лучших произведений древнерусской литературы. Написано в конце XII в. Главная тема – поход на половцев князя Новгород-Северского Игоря Святославича в 1185 г. Рассказы об этом походе содержатся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Боян² же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, первых времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стадо лебедей, и какую лебедь настигали – та первой и пела песнь старому Ярославу³, храброму Мстиславу, что зарезал Редюю пред полками касожскими⁴, прекрасному Роману Святославичу⁵. Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладывал, а они уже сами славу князьям рокотали. Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря⁶, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло⁷. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон».

* Печатается по сб.: О, Русская земля! / Сост. В.А. Грихин. М., 1982. С. 248–256.

Страсть князю ум охватила, и желание отведать Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал, копьё преломить⁸ на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна⁹ через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку¹⁰: «Не буря соколов занесла через поля широкие – стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса¹¹: «Кони ржут за Сулой – звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Нове-городе, стоят стяги в Путивле». Игорь ждёт милого брата Всеволода¹². И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый – ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скажут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю – славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див¹³, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол¹⁴. А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди всплутные.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щеко́т соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю – славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие окса-

миты. Покрывалами, и плащами, и козухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогами нарядами половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак¹⁵ ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца¹⁶, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шелома половецкие, на реке Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога¹⁷, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят; половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свечан и обычан!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и воины Олеговы, Олега Святославича¹⁸. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела¹⁹ на Канине зелёный саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С той же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче²⁰ заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего внука²¹, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахарни покрякивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а

галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленные, гремят сабли о шлемы, трещат копыа булатные в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костыми была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что мне шумит, что мне звенит издалека рано до зари? Игорь полки заворачивает²²; жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья²³ на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили²⁴, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоскою к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало; уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войсках Дажь-Божьего внука, вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Желя²⁵ поскакала по Русской земле, размыкая огонь людям в пламенном роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуше того в руках не поддержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав²⁶ грозный великий киевский, грозою своею, усмирив своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем, исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и

венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забрали²⁷, и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел²⁸ в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, говорил, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и не жили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граили у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах. Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы²⁹ запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово³⁰, лелеют месть за Шарукана³¹. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод!³² Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава³³, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим». А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытах бывает³⁴, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло – князья мне не подмога: худо време-

на обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами³⁵. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод³¹ Не думаешь ли ты прилететь издалека, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане³⁷. Ты ведь можешь посуху живыми шерешнирами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд³⁸ Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле неизвестном? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав³⁹ Высоко сидишь на своем золотокованном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями⁴⁰. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав⁴¹ Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны – Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела и половцы копья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже спешат на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича⁴² – не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков⁴³, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда

своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни другого – Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава!⁴⁴ Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой⁴⁵. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов⁴⁶, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу⁴⁷ волком путь перерыскивал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда Божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира⁴⁸ нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие – Давыдовы, но врозь их знамена развеваются⁴⁹. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос⁵⁰ слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воин моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея

корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобякова⁵¹. Возледей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов моего лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит. Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свиснул Овлур⁵² коня за рекой – велит князю разуместь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излуине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхивая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями на ветрах». Не такая, сказал, река Стугна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоскою к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали – по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граjali, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соко-

ленка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына⁵⁴, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярослава, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы», – так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе – Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае – вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей⁵⁵. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганных! Князьям слава и дружине!

Аминь.

Примечания

¹ ...*Игоря, сына Святославова внука Олегова*. – Игорь Святославич (1151–1202) с 1179 г. князь Новгорода-Северского, небольшого городка на окраине Черниговской земли. Был сыном черниговского князя Святослава Ольговича.

² *Боян* – княжеский певец-песнотворец, живший, по-видимому, во второй половине XI в.

³ ...*старому Ярославу*... – киевский князь Ярослав Мудрый (ум. в 1054 г.).

⁴ ...*храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими*... – Мстислав Владимирович Великий (ум. 1036 г.), князь черниговский и тмутороканский, брат Ярослава Мудрого. В единоборстве с касожским (черкесским) князем Редедей зарезал его.

⁵ ...*прекрасному Роману Святославичу*... – Роман Святославич (ум. 1076 г.), тмутороканский князь, внук Ярослава Мудрого.

⁶ ...*от старого Владимира до нынешнего Игоря*... – Автор «Слова...» хочет показать события от времен Владимира Святославича (ум. 1015 г.) до конца XII в. – периода княжения новгород-северского князя Игоря Святославича.

⁷ *Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло*. – Здесь речь идет о солнечном затмении 1 мая 1185 г.

⁸ *...копье преломить...* – означает «начать битву», «вступить в единоборство».

⁹ *...рыща о тропе Трояна...* – по-видимому, Троян – божество славян.

¹⁰ *...того внука...* – внука Олега.

¹¹ *...внук Велеса...* – Велес (Волос) – славянское божество, покровитель скота и искусств.

¹² *Игорь ждет милого брата Всеволода.* – Игорь со своими войсками ожидал брата Всеволода, князя курского (ум. 1196 г.), два дня у реки Оскол.

¹³ *Див* – мифическое существо восточных народов, предупреждающее половцев о походе русских.

¹⁴ *...Тматороканский идол.* – Тматорокань – город на Таманском полуострове, входивший в состав Черниговского княжества, а затем захваченный половцами; там стояли две большие статуи божеств Санерга и Астарты.

¹⁵ *Гзак, Кончак* – половецкие ханы.

¹⁶ *...черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца...* – Черные тучи – символ половецких войск; четыре солнца – четыре князя, участвовавших в походе (Игорь, Всеволод, Святослав Ольгович Рыльский – племянник Игоря и Всеволода – и Владимир, сын Игоря).

¹⁷ *Вот ветры, внуки Стрибога...* – славянский бог ветра.

¹⁸ *Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были войны Олеговы, Олега Святославича.* – Автор дает своеобразную периодизацию истории Руси: «века Трояновы» – века язычества (до конца X в.), «годы Ярославовы» – период расцвета Киевской Руси, связанный с именем Ярослава Мудрого (середина XI в.); «войны Олеговы» – начало раздробленности и упадка, связанных с черниговским князем Олегом Святославичем.

¹⁹ *...Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела...* – Борис Вячеславич – внук Ярослава Мудрого и союзник Олега Святославича – погиб в междоусобной битве на Нежатиной Ниве в 1078 г.

²⁰ *...при Олеге Гориславиче...* – Имеется в виду Олег Святославич, прозванный за причиненное русскому народу горе «Гореславичем».

²¹ *Дажь-Божьего внука...* – языческий бог Солнца. Под внуком Дажь-Бога подразумевается русский народ.

²² *Игорь полки заворачивает...* – здесь намек на обстоятельства пленения Игоря. В битве с половцами первыми дрогнули ко-

вуй – черниговские воины, состоявшие из оседлых тюркских народностей. Игорь погнался за побежавшими ковуями, надеясь повернуть их: он даже снял с себя шлем, чтобы его узнали. На обратном пути к своему полку Игорь был взят в плен.

²³ *Тут разлучились братья...* – Игорь был уведен в плен Кончаком, а Всеволод – Гзой.

²⁴ *...сватов напоили...* – Еще до похода Игорь и Кончак были сватами. Дочь Кончака была просватана за сына Игоря – Владимира.

²⁵ *...Карна и Желя...* – поэтическое олицетворение скорби, печали, плача.

²⁶ *...отец их Святослав...* – Святослав Всеволодович, двоюродный брат Игоря и Всеволода, киевский князь. Отцом он назван как феодальный правитель Киевского государства. В 1184 г. Святослав организовал успешный коалиционный поход на половцев. Было взято семь тысяч пленных вместе с ханом Кобяком.

²⁷ *Приунили у городов забрали...* – Забрало – верхняя часть городской стены, где располагались защитники во время осады города. На забралах жители встречали или оплакивали погибших.

²⁸ *А Святослав смутный сон видел...* – Сон Святослава построен на символике похоронного обряда: синее вино, жемчуг – олицетворение слез и печали; доски (помост) разбирали для того, чтобы вынести покойника. В толковании сна бояре называют Игоря и Всеволода соколами, сравнивают их с солнцем, а Олега и Святослава – с молодым месяцем.

²⁹ *...готские... девы...* – Поселения готов находились в Крыму.

³⁰ *...воспевая время Бусово...* – по-видимому, князь антов (предков славян) Бос или Бооз. В 376 г. был разбит готским королем Винитаром и казнен (распят на кресте). Готские девы воспевают это время.

³¹ *...лелеют месть за Шарукана.* – Половецкий хан Шарукан, дед Кончака, был разбит в 1106 г. Владимиром Мономахом. В битве с Игорем внук Шарукана впервые смог отомстить русским за бесславие своего деда.

³² *...О племянники мои, Игорь и Всеволод!* – Святослав Киевский называет Игоря и Всеволода племянниками в соответствии с системой феодально-иерархического подчинения.

³³ *...брата моего Ярослава...* – Ярослав Всеволодович Черниговский, брат Святослава Киевского.

³⁴ *Если сокол в мытях бывает...* – в период линьки (в мытях) сокол никого не подпускает к своему гнезду.

³⁵ *Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами.* – После поражения Игоря половцы устремились на Русь и осадили Переяславль Южный, во время защиты которого был ранен князь Владимир Глебович Переяславский. Дружины Рюрика и Святослава прогнали половцев, которые на обратном пути разорили город Римов.

³⁶ *Великий князь Всеволод!* – Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, владими́ро-сузда́льский князь (ум. 1212 г.). Прославляя могущество Всеволода, автор «Слова...» подчеркивает, что если бы он пришел на помощь южнорусским князьям, то победа над половцами была бы обеспечена.

³⁷ *Ногата и резана* – мелкие монеты Древней Руси.

³⁸ *Ты, буйный Рюрик и Давыд!* – Рюрик Ростиславич (ум. в 1215 г.) – киевский князь, соправитель Святослава Всеволодовича, помог осажденному половцами Переяславлю Южному. Давыд Ростиславич Смоленский (ум. в 1198 г.), брат Рюрика, отказался выступить с ним в поход против половцев в 1185 г.

³⁹ *Галицкий Осмомысл Ярослав!* – Ярослав Владимирович Галицкий (ум. в 1187 г.) – тесть Игоря Святославича.

⁴⁰ *...меча бремена через облаки... стреляешь... салтанов за землями.* – Автор гиперболизирует могущество и силу Ярослава Галицкого, чьи войска участвовали в крестовом походе против египетского султана Саладина.

⁴¹ *А ты, буйный Роман, и Мстислав!* – Роман Мстиславович Волинский (ум. 1205 г.) – деятельный и отважный князь. Относительно Мстислава существуют два предположения: либо это Мстислав Ярославич Пересопницкий, либо Мстислав Всеволодович Городецкий.

⁴² *Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича...* – Ингварь и Всеволод – сыновья Ярослава Изяславича Луцкого. Три Мстислава – по-видимому, Роман, Святослав и Всеволод – сыновья Мстислава Изяславича Волинского.

⁴³ *...Изяслав, сын Васильков...* – Речь идет об Изяславе Васильковиче, представляющем ветвь половецких князей.

⁴⁴ *Ярослав и все внуки Всеслава!* – Предполагают, что в первое издание вкралась ошибка. Видимо, следует читать не «Ярослав», а «Ярославовы», то есть «Ярославовы внуки и все внуки Всеславовы», тогда это звучит как призыв прекратить вековые раздоры между князьями – потомками Всеслава Брячиславича Полоцкого.

⁴⁵ *...кинул Всеслав жребий о девице ему милой.* – Всеслав Брячеславич Полоцкий, правнук полоцкой княжны Рогнеды и

Владимира I Святославича. «Девнца» здесь символ Киева. В 1068 г. Всеслав решил воспользоваться восстанием киевлян, чтобы захватить великокняжеский престол, который сумел удержать всего несколько недель.

⁴⁶ *На Немиге снопы стекут из голов...* – Немига – небольшая река, на которой стоял Минск. На Немиге Всеслав потерпел поражение от трех Ярославичей: Изяслава, Всеволода, Святослава.

⁴⁷ *...великому Хорсу...* – Хорс – славянский бог Солнца.

⁴⁸ *Того старого Владимира...* – Имеется в виду Владимир I Святославич.

⁴⁹ *...но врозь их знамена развеваются.* – Автор подчеркивает несогласие между братьями Рюриком и Давыдом Ростиславичами. См. примеч. 48.

⁵⁰ *...Ярославнин голос...* – Ефросинья Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла Галицкого, была второй женой Игоря Святославича.

⁵¹ *Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобыкова.* – Ярославна вспоминает удачный поход русских князей на половцев в 1184 г. под предводительством Святослава Всеволодовича.

⁵² *Овлур* – половец, бежавший на Русь вместе с Игорем.

⁵³ *...опутаем мы соколенка красной девицей...* – Сын Игоря Владимир, находясь в плену, женился на дочери Кончака. С женой и ребенком вернулся из плена в 1187 г.

⁵⁴ *Сказали Боян и Ходына...* – испорченное место в «Слове...».

⁵⁵ *...ко святой Богородице Пирогощей.* – Церковь Богородицы Пирогощей (башенной) построена в Киеве в 1132–1136 гг., названа по иконе Богоматери, привезенной из Константинополя.

Вопросы и задания

1. На какие размышления наводит вас сочетание в произведении описания похода Игоря, имеющего местное значение, с обращением к широкомасштабным делам давно минувших дней всей Киевской Руси? (Ответ подтвердите цитатами из текста.)

2. Перечитайте «Золотое слово» Святослава. Покажите силу его мысли и чувства, глубину переживаний, умение достойно и уважительно вести речь с князьями.

*3. Сравните образы князей: Владимира Мономаха в его «Починении», Игоря и Святослава в «Слове о полку Игореве». Что у них общего в мировоззрении, отношении к Родине, в характере и какая между ними разница?

4. Как вы думаете, кто является главным героем «Слова...»?

ИЗЛОЖЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» Н. КАРАМЗИНА

Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: «Хочу преломить копье на их дальнейших степях, положить там свою голову или шлемом испить Дону!» Многочисленная рать собирается: «Коня ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле, как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы». Игорь, вступив в золотое стремя, видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозой, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы клекотом своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, золото и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах вместо мостов для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком серебряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: «ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет золотой шишак его, там лежат головы половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дня пылает битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: кровавого вина не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом». Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «Ты можешь Волгу раскропить веслами, а Дон вычерпать шлемами»; Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы, позлащенные издавна, обогрываются кровию; ваши мужественные витязи ярятся, как дикие волы, уязвленные саблями калеными»; Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные»; сыновьям Ярослава

Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «О вы, славного гнезда шестокрыльцы! заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого Осмомыслом, прибавляя: «Сидя высоко на престоле златокованном, ты подпираешь горы Карпатские железными своими полками, затворяешь ворота Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то же время, сочинитель оплакивает гибель одного кривского князя, убитого литовцами: «Дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил жемчужную душу свою из мощного тела чрез золотое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «На берегах Немиги стелют они снопы головами, молотят цепями булатными, веют душу от тела... О времена бедственные! Для чего нельзя было пригвоздить старого Владимира к горам Киевским (или сделать бессмертным)!»

Между тем, супруга Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный, легкими крылами своими наваял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и лелеять корабли на зыбях его?... О Днепр славный, ты пробил горы каменные, стремясь в землю половецкую; ты нес на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!... О солнце светлое! ты для всех тепло и красно! почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?...» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзom коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится на ладью и плывет Донцем в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: «Не мало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле веселия». Князь отвечает: «Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах серебряных, одеваешь меня теплыми мглами под сенью дерева зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить Всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы: «худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игореву. Слава князьям и дружине!»

Вопросы и задания

1. Вы прочитали «Слово» в пересказе известного русского историка Н. М. Карамзина. Подумайте, чем помог вам этот пересказ для уяснения содержания произведения?

2. Назовите действующих лиц, картины, явления, исторические детали, которые есть в поэме «Слово о полку Игореве» и отсутствуют в пересказе Карамзина -- и наоборот: обратите внимание на детали, которые Карамзин для ясности добавляет в свой текст.

*3. Покажите разницу авторской позиции и настроения в поэме и изложении Карамзина.

ПОХОД ИГОРЯ СЕВЕРСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ (из Ипатьевской летописи¹)

В лето 6693 (1185). Князь Святослав послал Романа Неодиловича с Берендеями на поганых половцев: Божьей помощью взяли половецкие вежи², много пленных и коней в 21-й день апреля месяца, на самый великий день (Светлое Христово Воскресение)³...

В то же время Игорь Святославич, Олегов внук, поехал из Новгорода (Северского) в 23 день апреля, во вторник, взяв с собою брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля, и у Ярослава испросил себе в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с черниговскими коуями; и так шли они тихо, собирая свою дружину; кони у них были очень тучны (и потому не могли идти быстро). И в то время, как они шли к реке Донцу, под вечер, Игорь взглянул на небо и, видя солнце, стоящее подобно месяцу, сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли вы это знамение?» Они посмотрели и увидели все, и поникли головами, и сказали: «Князь, не на добро нам это знамение!» Игорь же сказал: «Братья и дружина! тайны Божией никто не знает, а знамение точно так же, как и весь мир, от Бога сотворено; что Бог сотворил на добро или на зло нам, то все увидим». И сказав это, переправился он вброд через Донец, и так пришел к Осколу и ждал два

дня брата своего Всеволода, который шел иным путем из Курска; и оттуда вместе пошли к Сальнице, тут к ним и разъезды те приехали, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Виделись мы с ратными людьми (неприятельскими), и нашли их наготове; так уж вы или поезжайте на них поскорее, или домой возвратитесь, потому не время нам теперь (нападать)». Игорь же стал говорить со своими братьями: «Коли мы, не бившись, возвратимся, то и срам нам будет хуже смерти; пусть будет как нам Бог даст!» И так подумавши, ехали они всю ночь, и на другой день, когда настала пятница, в обеденное время, встретили полки половецкие; те изготавились к бою против них, вежи свои оставили за собою, а сами собравшись от мала до велика, стояли по ту сторону реки Сяурлия. И русские устроили шесть полков: Игорев полк посредине, а по правую руку — полк брата его Всеволода; по левую — племянника его Святослава; наперед — его сын Володимер и другой полк Ярославов, те коуи, что были с Ольстином, а третий полк, также наперед, стрельцы, которые были выбраны из (отрядов) всех князей; так-то устроили полки свои. И сказал Игорь к братьям своим: «Братья! этого мы искали, ударим же дружно!»; и так пошли на неприятеля, положив свое упование на Бога, и когда подошли к реке Сяурлию, то выехали из половецких полков стрельцы, пустили по стреле на русских и усакали, тогда как русским еще не удалось и перебраться через реку Сяурлию; (побежали вслед за первыми) и те половецкие силы, которые стояли далеко от реки. Святослав же Ольгович, Володимер Игоревич и Ольстин с коуями, и стрельцы погнались за ними, и Игорь и Всеволод полегоньку пошли вслед, не распуская своего полка; между тем как те русские, что впереди были, били половцев и ловили; половцы же пробежали вежи, и русские, дойдя до вежей, обогатились пленниками, иные даже и ночью только уже вернулись к полкам своим с пленниками.

И когда (после того) половцы все (вновь) собрались, Игорь сказал братьям своим и мужам: «Вот Бог силою Своею возложил на врагов наших победу, а на нас честь и славу; видели мы много полков половецких, а тут уж чуть ли не все они собрались! нынче же ночью поедем, а кто завтра поедет, вслед за нами, то если и все поедут, однако же одни лучшие из всадников наших переберутся; а самим-то нам, как Бог даст». И сказал Святослав Ольгович мужам своим: «Я далеко гонялся за половцами, кони мои изнемогли; коли я нынче поеду, то мне придется остаться на дороге», - и

Всеволод поддержал его также в том, чтоб тут же остановиться. И сказал Игорь: «Не дивно, братья, и умереть разумея», — и остановились тут.

На рассвете же, в субботу, начали выступать полки половецкие, словно леса; недоумевали князья русские, кому на который из них нападать, ибо их было бесчисленное множество. И сказал Игорь: «Мы должны были ожидать, что на нас соберется вся земля (половецкая): Кончак и Козубурнович и Токсобич, Колобич, и Етебич и Терьтробич». После этого все спешили, ибо хотели, сражаясь, пробиться к реке Донцу; они говорили (между собою): «Ежели побегим и уйдем сами, а черных людей оставим, то перед Богом будет нам грешно уйти, предавши их; нет! или умрем, или живы будем, не сходя с места». И сказав это, все сошли с коней, и ударили на врага; и так по Божьему попущению ранен был Игорь в руку и не мог владеть левою рукою своею, и весь полк его был (этим) опечален, и воеводу того полка взяли в плен, после того как он ранен был в передних рядах. И так крепко бились они весь тот день до вечера, и многие были ранены и убиты в числе русских; настала ночь субботы, а битва все продолжалась; на рассвете, в воскресенье, дрогнули коуи и побежали Игорь в то время был на коне, так как он был ранен, и поскакал к полку их, думая возвратить его к другим полкам; но, сообразив, что далеко уклонился от своих, снял с себя шлем и опять погнал назад к полкам (русским) для того, чтобы, узнав князя, и они воротились (т. е. коуи); но никто так и не воротился, кроме Михаила Юрьевича, который воротился, узнав князя; добрые (воины) однако же не смутились вместе с коуями, разве только немногие из простых и из слуг боярских; добрые же (воины) все бились пешие — и посреди их Всеволод показал немало мужества. И как приблизился Игорь к полкам своим, то (половцы) перерезали ему дорогу, и тут он был взят на расстоянии одного перестрела от полка своего. И в то время, как Игоря держали, он видел, как брат его крепко боролся (с врагами), и просил душе своей смерти, дабы не увидеть падения брата своего; Всеволод же до того бился, что и оружие не выдержало в его руке, и бились (воины его), идучи вокруг озера. И так, в день св. Воскресенья Господь навел на нас гнев свой, радость сменил плачем и веселье печалью, на реке на Каяле.

(За этим следует в летописи описание того впечатления, которое произвели на Руси слухи о гибели русского войска и о пленении князей; после того рассказывается о набеге половцев на

русские княжества, а потом — о пребывании Игоря в плену у половцев.) Игорь же Святославич в то время (т. е. после половецкого побега) был у половцев и говорил: «Я вполне заслуживал того поражения, которое понес, по повелению Твоему, Владыко Господи, и не поганская дерзость надломила силу рабов Твоих; не жалею я о том, что за все злое, сделанное мною, принял всю ту нужду, которую пришлось принять». Половцы же, как бы стыдясь воеводства его, не делали ему ничего дурного, но приставили к нему 15 сторожей из сынов своих, да господичей 5, а всех-то 20; однако же давали ему волю ездить, где хочет, и с ястребами охотиться. А своих слуг с ним ездило 5 или 6; и те сторожа (половцы) слушали Игоря и почет ему оказывали, куда кого он посылал, без возражения исполняли повеленное им. Попа же привел он себе из Руси, со святою службою; ибо не знал он Божьего Промысла, и полагал, что ему там придется долго быть. Но Господь избавил его за молитву христиан, так как многие о нем жалели и проливали за него слезы.

В то время, как он был у половцев, там нашелся муж, родом половчин именем Лавор: тому пришла в голову благая мысль, и сказал он: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему; он помышлял о том, чтобы бежать в Русь, захватив с собою мужей своих, и говорил: «Я тогда ради славы не бежал от дружины, и ныне не пойду бесславным путем». С ним же был (в плену) сын тысяцкого и конюший его, и те понуждали его и говорили: «Пойди, князь, в Русскую землю, если Богу угодно будет избавить тебя», — и все не удавалось ему найти такого времени, какое ему было потребно. Половцы же, как мы уже выше говорили, возвратились от Переяславля (из набега), и сказали Игорю его думцы: «Ты в себе держишь мысль высокую и неуютную Господу; ты ищешь случая взять с собой одного из мужей своих и с ним бежать; а почему же не подумал о том, что придут половцы с войны и, как мы слышали, избыют всех вас князей и всех русских? Тогда не будет тебе ни славы, ни жизни». Князь Игорь принял к сердцу совет их, стал тревожиться о приезде их (половцев) и (в то же время) искал случая к побегу. Нельзя было ему бежать ни днем, ни ночью, так как сторожа (постоянно) стерегли его; время для побега нашел он на закате солнца. И послал Игорь к Лавору своего конюшаго сказать: «Перейди на ту сторону Тора с конем в поводу», — он с ним уговорился бежать на Русь. В то время половцы напился кумыса, и дело было вечером; пришел конюший и сказал князю, что ждет его Лавор. И вот князь встал

в страхе и трепете, и поклонился образу Божию и Кресту Честному, говоря: «Господи, Сердцевидец, спасешь ли Ты, Владыко, меня недостойного?» – и, взяв с собою крест и икону и подняв стену (шатра), вылез вон. Между тем, сторожа его играли и веселились, и считали князя спящим. Князь же пришел к реке и перешел ее вброд, и сел на коня: и так прошли они чрез все вежи. Это избавление (от плена) Господь сотворил в пяток, вечером. И шел князь пешком 11 дней до города Донца, а оттоле пошел в свой Новгород (Северский) – и все обрадовались ему; из Новгорода пошли к брату Ярославу в Чернигов, прося, чтоб он помог ему на Посемье; Ярослав же обрадовался ему и обещал дать ему помощь; Игорь же оттуда поехал к Киеву, к великому князю Святославу, и рад был ему Святослав, а также Рюрик, сват его.

Примечания

¹ Ипатьевская летопись – южнорусский летописный свод, созданный, по-видимому, в Пскове и дошедший в списке начала XV в. Принадлежал Костромскому Ипатьевскому монастырю. Был открыт Н.М. Карамзиным.

² Вежи – половецкие шатры.

³ Готовя общерусский поход против половцев, великий князь Киевский Святослав послал боярина Романа Нездиловича в боевую разведку как раз накануне похода Игоря, откуда боярин вернулся с большой добычей. Поэтому в «Слове» говорится: «Кони (половецкие) ржут за Сулою – звенит слава в Киеве...».

Вопросы и задания

1. Перечитайте в летописи обращение Игоря к дружине: «Братья и дружина! тайны Божией никто не знает, а знамение точно так же, как и весь мир, от Бога сотворено; что Бог сотворит на добро или на зло нам, то все увидим», – и сравните со «Словом...», где Игорь говорит: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть, так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон».

Как характеризует Игоря обращение к дружине в летописи и в «Слове...»? Покажите разницу в расстановке авторских акцентов.

2. В летописи сказано, что Игорь не послушал своих ратных людей, которые были посланы в разведку «ловить языка», и не повернул назад. Как это характеризует князя?

В «Слове...» нет таких эпизодов (данных в летописи), как эпизод с разведкой, описания стратегии боя, расстановки полков союзников, начала битвы, военного совета после первого дня сражения и других. Почему отсутствие различных эпизодов, описаний картин сражения не является утратой в художественном воплощении основных событий и замысле Автора «Слова...»?

3. Перечитайте в летописи подробное описание поведения Игоря в бою. Почему в «Слове...» этого нет, а только говорится «Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода»?

4. Как в летописи раскрывается личное мужество, человеческое благородство Игоря (а также его союзников), его способность к искреннему сопереживанию, раскаянию и покаянию?

5. Чем (по летописи) можно объяснить проявление повышенного уважения Кончака к своему пленнику («приставили к нему 15 сторожей из сынов своих, да господичей 5, а всех 20... А слуг с ним ездило 5 или 6...»)?

6. Сравните концовку летописи (Игорь, собирая князей, хочет организовать общую оборону от половцев) и «Слова...». Как летопись дополняет «Слово...»?

7. Подводя итоги анализа «Слова...» и летописи, сделайте выводы:

а) Объясните смысл полного заголовка поэмы «Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова». Как уточнение в заголовке родословной Игоря дополнительно проливает свет на художественный замысел Автора?

б) Почему в «Слове...» опущены подробности похода Игоря, описание его душевного состояния? Как Автор «Слова...» относится к своему «герою»? (Аргументируйте свой ответ примерами из текста.)

в) Почему, несмотря на провал похода Игоря, урон, нанесенный им Русской земле, Автор заканчивает поэму мажорной нотой: «Солнце светит на небе – Игорь князь в Русской земле... Страны рады, города веселы»?

*г) Сравнив три текста: Карамзина, Ипатьевской летописи и «Слова...», покажите истинный пафос «Слова...», его целеустремленность и художественную силу.

*д) Как вы думаете, почему «Слово о полку Игореве» считается величайшим памятником славянской литературы, средневековой мировой культуры?

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПОЭЗИИ

В. Брюсов

Певцу «Слова...»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде юн.
Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклатье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!

И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.
Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто «Слово» спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты – Наташа, ты – и Лиза, и Татьяна – ты!*
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца – в века!

Н. Заболоцкий

Слово о полку Игоре

Вступление

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоровом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его –
В похвалу трудам его и ранам –
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.

* Имеются в виду: Наташа Ростова, героиня романа Л.Н. Толстого «Война и мир», Лиза Калитина – героиня романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», Татьяна – героиня романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вешему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятков.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей косожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Мы же по иному замысленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вешему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;

Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, –
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет,
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные –
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,

Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе!
Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганных полонёну!
Сядем, братья, на ликих коней
Да посмотрим синего мы Дона!»
Вспала князю эта мысль на ум –
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.

Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы –
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червлёный брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном.
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Грудю аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега –
Далеко подвинулось оно!

Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин –
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон – половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шолом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки –
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с боем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту – и степь загородил.

Славный яр тур Всеволод! С полками
 В обороне крепко ты стоишь,
 Прыщешь стрелы, острыми клинками
 О шеломах ратные гремишь.
 Где ты ни проскачешь, тур, шеломах,
 Золотым посвечивая, там
 Шишаки земель аварских с громом
 Падают, разбиты пополам.
 И слетают головы с поганных,
 Саблями порублены в бою,
 И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
 Если жизнь не ценишь ты свою!
 Если ты на ратном этом поле
 Позабыл о славе прежних дней,
 О златом черниговском престоле,
 О желанной Глебовне своей!

Были, братья, времена Трояна,
 Миновали Ярослава годы,
 Позабылись правнуками рано
 Грозные Олеговы походы.
 Тот Олег мечом ковал крамолу,
 Пробираясь к отчому престолу,
 Сеял стрелы и, готовясь к брани,
 В злат стремя вступал в Тмуторокани,
 В злат стремя вступал, готовясь к сече.
 Звон тот слушал Всеволод далече,
 А Владимир за своей стеною
 Уши затыкал перед бедою.

А Борису, сыну Вячеслава,
 Зелен саван у Канина брега
 Присудила воинская слава
 За обиду храброго Олега.
 На такой же горестной Каяле,
 Укрепив носилки между выюков,
 Святополк отца увез в печали,
 На конях угорских убаюкав.

Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе.
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь с гаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят.
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять
Бились день, рубились день другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили --

Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.
И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебязьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.

И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный –
Святослава храбрые сыны –
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозой
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил –
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал – и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного кланут.
И смеется гость земли немецкой,
Что когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кашеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, –
Молвил князь, поникнув головою, –
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада,
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тматорокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилия.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились –
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.

И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время – без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:

«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво старцу – мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовым кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, –
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, –
Продавали б девок по ногате,
А рабов – по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремя
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
 Высоко стоит под облаками.
 Оседлал вершины ты Карпат
 И подпер железными полками.
 На своем престоле золотом
 Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
 И народ зовет тебя кругом
 Осомыслом – за великий разум.
 Дверь Дуная заперев на ключ,
 Королю дорогу заступая,
 Бремена ты мечешь выше туч,
 Суд вершишь до самого Дуная.
 Власть твоя по землям потекла,
 В киевскиеходишь ты пределы,
 И в салтанов с отчего стола
 Ты пускаешь княжеские стрелы.
 Так стреляй в Кончака, государь,
 С дальних гор на врага ударь
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны –
 Удалого сына Святославича!

Вы, князя Мстислав и буй Роман!
 Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
 И несетесь вы на вражий стан,
 Соколом ширясь сквозь туман,
 Птицу в буйстве одолеть желая.
 Вся в железе княжеская грудь,
 Золотом шелом латинский блещет,
 И повсюду, где лежит ваш путь,
 Вся земля от тяжести трепещет.
 Хинову вы били и Литву;
 Деремела, половцы, ятвяги,
 Бросив копья, пали на траву
 И склонили буйную главу
 Под мечи булатные и стяги.

Но уж прежней славы больше с нами нет.
 Уж не светит Игорю солнца ясный свет.

Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Олеговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из лясской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганных в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обогранный,
Упал на щит червлёный, простонав:
«Твою дружину, княже, придели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.

Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем –
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на риге –
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом – мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,

И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав –
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими – Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер – в Киеве, до зорь – в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересечь.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вешая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый; ни удалый
Не минуют Божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти – Рюрик носит, те – Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:

«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонюсь».

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возледей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному –
Сам Господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит –
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула.
Вздогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.
Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратись».
«О река! – ответил князь. – Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою.
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

Не сороки во поле стрекочут,
 Не вороны кличут у Донца —
 Кони половецкие топчут,
 Гзак с Кончаком ищут беглеца.
 И сказал Кончаку старый Гзак:
 «Если сокол улетает в терем,
 Соколенок попадет впросак —
 Золотой стрелой его подстрелим».
 И тогда сказал ему Кончак:
 «Если сокол к терему стремится,
 Соколенок попадет впросак —
 Мы его опутаем девицей». —
 «Коль его опутаем девицей, —
 Отвечал Кончаку старый Гзак, —
 Он с девицей в терем свой умчится,
 И начнет нас бить любая птица
 В половецком поле, хан Кончак!»

И изрек Боян, чем кончить речь
 Песнотворцу князя Святослава:
 «Тяжко, братья, голове без плеч,
 Горько телу, коль оно безглаво».
 Мрак стоит над Русскою землей:
 Горько ей без Игоря одной.

Но восходит солнце в небеси —
 Игорь-князь явился на Руси.
 Вьются песни с дальнего Дуная,
 Через море в Киев долетая
 По Боричеву восходит удалой
 К Пирогощей Богородице святой.
 И страны рады,
 И веселы грады.
 Пели песню старым мы князьям,
 Молодых настало время славить нам:
 Слава князю Игорю,
 Буй тур Всеволоду,
 Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

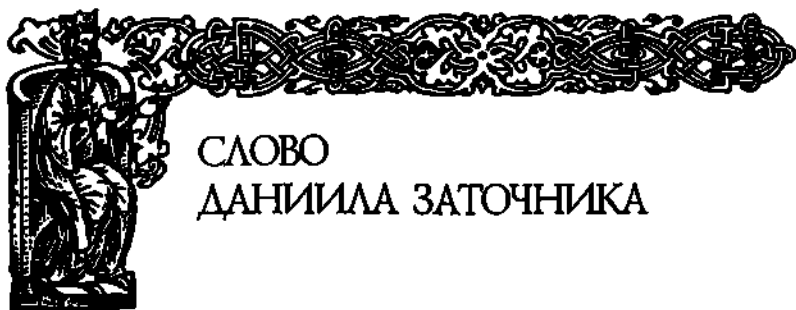
Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям и дружине слава!

Вопросы и задания

*1. Как вы думаете, почему В. Брюсов адресовал свое стихотворение «Певцу», хотя в основном речь идет о Ярославне?

2. Вы прочитали литературное переложение «Слова о полку Игореве», сделанное поэтом XX в. Н. Заболоцким. В русской литературе много переводов и переложений «Слова...»: В. Жуковского, А. Майкова, И. Козлова и других замечательных поэтов. Как вы думаете, что притягивает внимание поэтов XIX, XX вв. к «Слову...»? Почему писатели делают литературные переложения самого «Слова о полку Игореве», а не рассказа о походе князя Игоря из «Ипатьевской летописи»?

3. Сравните текстуально несколько отрывков из прозаического и поэтического переводов (по данной книге): вступление к «Слову...», начало похода и первый день битвы, плач Ярославны, побег Игоря из плена. В чем своеобразие каждого (прозаического и поэтического) текста: живописность картины, точность в передаче настроения героев, внутренняя напряженность или замедленность в описании действия и т. д.?

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

«Слово Даниила Заточника» считается одним из наиболее загадочных произведений Древней Руси: по сей день споры ученых ведутся вокруг адресата «Слова...», личности автора, в частности, его социального происхождения, а также литературных достоинств памятника. Точно не установлено и время написания: его относят к литературе XII–XIII в.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ*

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри¹ и гусях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотой и мудростью.

Был язык мой как трость² книжника-скариписца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я напи-

* Печатается по: О, Русская земля! / Сост. В.А. Грихин. М., 1982. С. 257–262.

сать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние – младенцев о камень³.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я, как та смоковница проклятая⁴: не имею плода покаяния; ибо имею сердце – как лицо без глаз; и ум мой – как ночной ворон, на развалинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием⁵; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона⁶.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры,⁷ госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: «Просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь Царствия Небесного»; ибо писано: «Возложи на Бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки».

Ибо я, княже господине, как трава сорная, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оллотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных – не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютее; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а мне и утлы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и ближние отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многообразными яствами. Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мной в солонку, а в несчастье как враги обретаются и даже помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Поэтому-то не имей веры к другу и не падейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав⁸ когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, Господи: если буду богат – гордостью вознесусь, если же буду беден – задумаю воровство или разбой...»

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, сын великого царя Владимира⁹, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом – и на чужой стороне друзей держит, а бедный в своей стороне ненавидим ходит. Богатый заговорит – все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит – все на него закричат. Чьи ризы светлы, тех и речь честна.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ветви и в огонь мечут; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек – когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может смыслить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в печали обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери: весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой, как плод райский.

Когда веселишься за многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в незаветренном месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи цепенеющего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подавание бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды,

а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает, так и ты, княже, многими своими людьми честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекиль перед послами царя вавилонского¹⁰ и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов, ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин¹¹, когда шел на Царьград с небольшой дружиною: «Братья, нам ли от города погибнуть, или городу от нас быть плененну?» Как Бог повелит, так и будет: погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на Господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш – твоим управлением.

Ибо щедрый князь – отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться свободы, а злему господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь – как река, текущая без берегов через дубравы, утоляющая жажду не только людей, но и зверей; а скупой князь – как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый – как колодезь с пресной водой при дороге: многих напивает; а боярин скупой – как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его – как огонь, на осине разоженный, а рядовичи¹² его – что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устережться и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба мудрого нищего, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый – что золото в навозном сосуде, а богатый разодетый да глупый – что шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом

обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напоят душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай – и мало ему объясняй, а глупого посылай – и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого – пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели указания глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых ни сеют, ни жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить: ибо псам, свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому – мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд искусственных, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князь и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не взывал. Девушка ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество – воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры, не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для женок повоз возить¹³.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видел жену безобразную, приникшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало – увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней – заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кошунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, засада от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые лживые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкою болеть и да будет он проклят.

Вот посмотрите, братья, на злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда и смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и опускаюсь на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: «Крест – глава церкви, а муж – жене своей. Жены, стойте в церкви и молитесь Богу и святой Богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни церкви не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный¹⁴ в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли¹⁵, где львы ему ноги лизали. О злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена; он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела – припадая к разным цветам, собирает она мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как мех воды морские.

Скажу немного еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновом, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная поволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона¹⁶, храбрость Александра¹⁷, разум Иосифа¹⁸, мудрость Соломона, искусность Давида¹⁹ и умножь, Господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава и ныне, и присно, и вовеки.

Примечания

¹ *Псалтырь* – здесь имеется в виду музыкальный инструмент.

² *Трость* – отточенный кусок тростника, являвшийся одним из инструментов для письма в Византии, возможно, и в Древней Руси XI–XII вв.

³ *...как древние – младенцев о камень.* – Библейский символ величайшего народного бедствия.

⁴ *...как та смоковница проклятая...* – Согласно Евангелию, Иисус Христос при входе в Иерусалим проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

⁵ *...и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием...* Имеется в виду событие, связанное с осадой евреями ханаанского города Иерихона. Согласно Библии, стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов осаждающих.

⁶ *...Как Красное море фараона.* – Предводимые пророком Моисеем, евреи бежали из Египта через Красное море, которое по воле бога Яхве расступилось и позволило беглецам перейти его. Преследовавший евреев фараон с египтянами вступил вслед за ним на дно морское, но был поглощен со всем войском сомкнувшимися водами.

⁷ *...как рабыня Агарь от Сарры...* – Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять на ложе рабыню Агарь. Та забеременела, начала ссориться с хозяйкой и была изгнана из дома.

⁸ *Не ляг мне князь Ростислав...* – Здесь Даниил передает слова переяславского князя Андрея Владимировича Доброго (Лаврентьевская летопись под 1139 г.), приписывая их сыну Юрия Долгорукого – Ростиславу.

⁹ *...сын великого царя Владимира...* – по-видимому, речь идет о Владимире Мономахе.

¹⁰ *Некогда ведь похвалился царь Иезекиль перед послами царя вавилонского...* – Согласно Библии, Иезекиль вместо того, чтобы прославить Бога за чудесное выздоровление, начал хвастаться своими богатствами послам вавилонского царя, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Иезекилю пророк Исайя и предрек, что все это богатство достанется вавилонянам и даже дети его будут отведены в Вавилон.

¹¹ *...князь Святослав, сын Ольгин...* – Имеется в виду Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приписываемые здесь Святославу слова в летописи не отражены.

¹² *...ибо тиун его – как огонь, на осине разожженный, а рядовичи...* – Рядовичи – закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский тиун (управляющий), как огонь, сыплющий искры, распространяет вокруг себя рабство.

¹³ *...повоз возить.* – Обязанность доставлять дань в назначенное место.

¹⁴ *...из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен...* – Согласно Библии, Иосифа Прекрасного пыталась соблазнить жена его господина. Столкнувшись с непреклонностью юноши, она оклеветала его, и Иосифа заточили в темницу.

¹⁵ ...из-за жены пророка Даниила в ров свергли... – Здесь неточность. Согласно Библии, пророк Даниил был действительно свергнут в ров со львами, однако причиной этого была не женщина.

¹⁶ ...силу Самсона... – Один из героев Ветхого Завета, иудейский богатырь и судья, отличавшийся огромной физической силой.

¹⁷ ...храбрость Александра... – Александр Македонский (356–326 гг. до н. э.), царь и полководец, прославившийся своим мужеством и храбростью.

¹⁸ ...разум Иосифа... – Согласно Библии, Иосиф Прекрасный отличался разумом, за что египетский фараон сделал его своим справителем.

¹⁹ ...искусность Давида... – Речь идет об иудейском царе Давиде, который благодаря своей хитрости удачно спасался в молодости от преследований Саула.

Вопросы и задания

Ученые признают, что еще далеко не завершено осмысление исследователями интересной фигуры автора и героя (в одном лице) – Даниила Заточника.

Давайте вместе поработаем над текстом и составим, опираясь на мнения ученых, собственное представление о Данииле Заточнике.

1. Что мы можем сказать о Данииле, прочитав его «Слово...»? Подтвердите выдержками из текста, что Даниил Заточник:

а) молодой человек, бывший приближенный князя, хорошо знакомый с нравами жизни княжеского окружения;

б) некогда принимавший участие в военных походах князя;

в) в данный момент очень беден и уже довольно долго находится в ссылке (обратите внимание, от какого слова образовано «Заточник»); назовите место ссылки;

г) навлек на себя гнев господина неудачным литературным творением, которое пришлось или уничтожить, или отречься от него (перечитайте второй абзац, где есть явный намек на это обстоятельство).

2. Как описывает Даниил князю свое нищенское существование? Почему считает это несправедливым? О чем молит князя?

3. Какие достоинства Заточник видит в самом себе и каким образом пытается привлечь к ним внимание князя?

4. Какую должность он хотел бы занять при своем господине (слуги, дипломата, мудрого советника, дружинника, усердного исполнителя приказов князя)? Докажите свое мнение.

5. Даниил готов служить князю, но не всякому (несмотря на свое жалкое положение и заточение), а тому, который обладает рядом несомненных достоинств. Назовите их.

6. Д. С. Лихачев считает Даниила своего рода «интеллигентом» Древней Руси XII–XIII веков. Покажите образованность Даниила Заточника, его начитанность: приведите примеры цитируемых автором библейских книг, летописей, народных изречений, пословиц, притч, афоризмов, ярких развернутых сравнений.

*7. Какие вопросы и проблемы социальной жизни и русского быта затрагиваются в «Слове...»? К каким выводам приходит автор?

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЬЕМ

«Повесть о разорении Рязани Батыем», по мнению ученых, была создана в конце XIII – начале XIV вв., но стала известна по спискам XVI и XVII вв. Источниками ее были народные сказания, рязанская летопись, княжеский рязанский поминальник. Таким образом, повесть представляет собой своеобразный «свод» разножанровых произведений, оформленный автором в единое литературное произведение.

В основе повести действительные трагические события – разгром и разорение Рязанского княжества монголо-татарскими полчищами.

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни¹. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый² со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингоровичу³ Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому⁴, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтоб сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингоровичем Муромским⁵, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским⁶, и за князем Олегом Красным⁷, и за Всеволодом

Пронским⁸, и за другими князьями. И стали совет держать – как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского⁹ к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекрасней она красотою телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича. Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое – князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингорович об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство

свое и расставлять полки. И увидел князь Юрий Ингоревиич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, Боже, от врагов наших. И от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук Господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью жизнь вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Вот я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича¹⁰». И пошел в церковь Успения¹¹ Пресвятой Владычицы Богородицы. И плакал много перед образом пречистой Богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование княгине Агриппине Ростиславовне¹¹, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошли против нечестивого царя Батые, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ними крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева Божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и необоримы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингоревиич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингоревиич, брат его князь Давыд Ингоревиич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревиич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные и воеводы крепкие, и воинство: удалыцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел Бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингоревиича захватили еле живого. Царь же, увидев многие полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасать-

ся, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец¹³ разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингоревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингоревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан¹⁴, принял венец страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганные на город – одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами – и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную Пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали – во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их – князей киевских и черниговских – захватили. И храмы Божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего – ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пле-

нить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваричем¹⁵. И услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых, и множество народа polegшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распалаясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семисот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполнен силою и рассек Хостоврула на-попы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батиевых побил, одних пополам отсекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий креп-

кий исполин. И навели на него множество пороков¹⁶, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются один с тысячею, а два – с тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня – держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингореви́ч был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского¹⁷, сохранен Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингореви́ч великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно вскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру, и с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингореви́ч нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых Бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо

псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингорович туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингорович Рязанский, брат его князь Давыд Ингорович, брат его Всеволод Ингорович, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалыцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тел их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингорович великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая братия моя и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой гибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревшие? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единой грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где сила ваша? Над многими землями государями были

вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уж не повеселюсь я с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит Бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погубило столько государей и многое узорочье рязанское – удалыцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести моей души язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая Владычица, Матерь Христа, Бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страсто-терпцы и сродники наши братья Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших – на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингоревич тела мертвых, и взял тела братьев своих – великого князя Юрия Ингоревича, и князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и других князей местных – своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И похоронив так, пошел князь Ингварь Ингоревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингоревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингоревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положил в

одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингорович на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича – отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и Богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок Бога возлюбили. О церквах Божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, с добрыми только беседовали, и Божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, – помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную

давали и ласкою своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благодарный князь Ингварь Ингоревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Игоря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и прищельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господин Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

Примечания

¹ «Повести о разорении Рязани» предшествует сказание о перенесении чудотворной иконы Николы из Корсуни на Русь, в Рязань.

² *Батый (Бату)* (1208–1255) – хан Золотой Орды, внук Чингисхана (ок. 1155–1227). Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу в 1236–1243 гг. При нем возникло государство Золотая Орда.

³ *Юрий Ингоревич* – сын рязанского князя Игоря Глебовича (ум. 1194), великий князь рязанский, погиб при нашествии Батыя в 1237 г.

⁴ *Ярослав и его брат Юрий* – сыновья Всеволода Большое Гнездо. Ярослав Всеволодович (1191–1246) – великий князь владимирский, отец Александра Невского. Юрий (Георгий) Всеволодович (1188–1238) княжил во Владимире до него, погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити 4 марта 1238 г.

⁵ *Давыд Ингоревич Муромский* – в летописях не упоминается.

⁶ *Глеб Ингоревич Коломенский* – некоторые исследователи полагают, что имеется в виду Роман Ингоревич – либо брат, либо племянник Юрия Ингоревича.

⁷ *Олег Красный* – Олег Ингоревич (ум. 1258), сын Ингваря, брата Юрия Ингоревича, внук Игоря Глебовича, находился в плену у татар до 1252 г.

⁸ *Всеволод Пронский* – вероятно, Всеволод Глебович Пронский, но по летописным данным он погиб в 1208 г.

⁹ *Федор Юрьевич Рязанский* – этот князь, как и его жена Евпраксия и их сын Иван, известны только по данной повести.

¹⁰ *Ингварь Святославович* – скорее всего, имеется в виду Ингварь Глебович, отец Юрия Ингоревича.

¹¹ Каменный рязанский Успенский собор.

¹² *Агрипина Ростиславовна* – видимо, мать Юрия Ингоревича.

¹³ *Пронск* – город на реке Прони; *Бел* – Белгород в Рязанской земле; *Ижеславец* – видимо, перестал существовать после разгрома татаро-монголами, в летописях не упоминается.

¹⁴ *Стефан* – святой Стефан (I в.) был побит камнями за исповедание христианской веры.

¹⁵ *Ингварь Ингварич* (даты жизни неизвестны) – ниже говорится, что он оплакивает свою мать Агриппину Ростиславовну. Отсюда можно заключить, что он брат Юрия Ингоревича, но, возможно, имеется в виду не он сам, а его сын (ум. ок. 1252).

¹⁶ *Пороки* – стенобитные орудия.

¹⁷ *Михаил Всеволодович Черниговский* (80-90-е годы XII в. – 1246) – княжил в Чернигове и Новгороде, во время нашествия Батыя бежал в Венгрию.

Л. Мей

Песня про боярина

Евпатия Коловрата

(отрывок)

10

Ходенем пошло поле окрестное,
И сыр-бор зашатался вот словно под бурю...
Налетела ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки татарские,
Только ломаются ставки и валятся,
Только стон поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремели мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья и бердыши;
От брони и кольчуг искры сыплются;
Полилася рекой кровь горячая...
Варом так и варит всю орду нечестивую:
Рубят, колют и бьют – кто? – неведомо.
Тут ордынцы совсем обеспамятели,
Точно пьяные или безумные.

156

Кто ничком лежит – мертвым прикинулся,
Кто бежит вон из стана – коней ловить,
А и кони по полю шарахнулись –
Ржут и носятся тоже в беспамятстве.
Тут все стадо ревет – всполошилось;
Там ордынки развылись волчихами;
Здесь костер развели, да не вовремя:
Два намета соседние вспыхнули.
А наезжая сила незримая
Бьет, и рубит, и колет без устали –
Слышно только, что русские витязи,
А нельзя полонить ни единого...
Вопят батыри в страхе и ужасе:
«Мертвецы, мертвецы встали русские,
Встали с поля рязанцы убитые!»
Сам Батый обоялся... А Нездила*
Уж у хана в шатре, уж опомнился
От того от ночного видения,
Говорит: «Только взять бы какого: разведем –
Мертвецы или люди живые наехали?»
Говорит он, а дрожь-то немалая
Самого пронимает, затем что всё близятся
Стон и вопли к намету Батыеву,
Все бегут в перепуге улусники
От невидимой силы, неведомой...
«Повели, хан, костры запалить скоро-наскоро
И трубить громче в трубы звончатые,
Чтобы все твои батыри слышали,
Да пошли поскорее за шурином
Хоздоврулом», – Батыю советует Нездила.
Хан послушался: трубы призывные грянули,
И зарей заиграло в поднебесье зарево.
В пору в самую близко от ставки Батыевой
Пронеслася толпа русских витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча под копытами конскими;
Да вдогонку ей стрелы, что ливень, посыпались, –

* Нездила – русский боярин, предатель, перебежчик, перешедший на сторону Батыя.

И упали с коней наземь пятеро.
Подбежали ордынцы к ним, подняли
И к Батыю свели. Хан их спрашивает:
«Вы какой земли, веры какой, что неведомо
Почему мне великое зло причиняете?»
И ответ ему держат рязанские витязи:
«Христианской мы веры, дружинники
Князь Юрья Рязанского, полку Евпатия
Коловрата; почтить тебя посланы –
Проводить, как царю подобает великому».
Удивился Батый их ответу и мудрости
И послал на Евпатия шурина
И полки с ним татарские многие.
Хоздоврул похвалялся: «Живьем возьму,
За седлом приведу к тебе русского витязя».
А ему подговаривал Нездила:
«За седлом!.. Приведешь его к хану у стремени».
И поехали оба навстречу к Евпатию...
А заря занималась на небе,
И оступились полки... У Евпатия
Всей дружины-то было ль две тысячи –
Вся последняя сила рязанская, –
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядом, не то чтоб доведаться –
Сколько их?.. Впереди Хоздоврул барсом носится.
Молодец был и батырь: коня необгоннее
И вернее копы у ордынцев и не было.
И сступились полки... На Евпатия
Налетел Хоздоврул, только не в пору:
Исполин был Евпатий от младости силою –
И мечом раскроил Хоздоврула он на-попы
До седла, так что все, и свои, и противники,
Отшатнулись со страхом и трепетом...
Рать ордынская дрогнула, тыл дала,
А всех прежде свернул было Нездила,
Да коня под уздцы ухватил Аполоница.
Только глянул боярин Евпатий на Нездilu,
Распалился душой молодецкою
И с седла его сорвал. А Нездила
Стал молить его слезным молением:

«Отпусти хоть мне душу-то на покаяние!»
Отвечает Евпатий: «Невинен ты ...
Мать сырая земля в том виновница,
Что носила такое чудовище:
Пусть и пьет за то кровь твою гнусную...
Ты попомни княгиню Евпраксию
И колей, старый пес, непокаянно!»
Тут взмахнул над шеломом он Нездилу
И разбил его о землю вдребезги;
Сам же кинулся вслед за ордынцами
И погнался до самой до ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгневался,
Как узнал, что Евпатий убил его шурина,
И велел навести на Евпатия
Он пороки, орудия те стенобитные...
И убили тогда крепкорукого,
Дерзосердого витязя; тело же
Принесли перед очи Батыевы.
Изумился и хан, и улусники
Красоте его, силе и крепости.
И почтил хан усопшего витязя:
Отдал тело рязанским дружинникам
И самих отпустил их, примолвивши:
«Погребите вы батыря вашего с честью,
По законам своим и обычаям,
Чтоб и внуки могиле его поклонялись...»

Вопросы и задания

1. Кратко перескажите сюжет повести. Проследите динамику разворачивающихся действий, отметьте быструю смену картин.
2. За что быются насмерть рязанцы? Назовите защитников города.
3. Как вы понимаете выражение «испить чашу смертную»? Подберите синонимы. Что придает трагическую величественность и торжественность его звучанию? В чем его символическое значение?
4. С помощью каких художественных приемов создает автор картину гибели людей и страшного опустошения города (звуки, краски, запахи)? «Плачи» и «славы» – какова их роль в идейно-композиционном замысле автора?

***5. Каким видится автору образ идеального русского князя
Роль эпилога в идейно-художественной системе произведения.**

***6. Найдите в повести черты летописи (стремление автора к документальности, точности изображения событий) и устного народного творчества (постоянные эпитеты, гиперболизация, инверсия, напевность и т. д.). Как сочетание этих черт обогащает произведение Древней Руси?**

7. Прочитайте отрывок из поэмы поэта XIX в. Л. Мея о Евпатии Коловрате. Как вы думаете, почему автор назвал свое произведение песней? Сравните описание подвига Евпатия Коловрата в повести и поэме, найдите общее и различное (в картине боя схватке Евпатия с противниками, отношении авторов к событиям, использование средств художественной выразительности и т. д.).

Ваше мнение: какую ценность имеет литературное художественное переложение?

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Преподобный Сергей Радонежский (1314–1392 гг.) – выдающаяся личность в истории духовной и государственной жизни Руси. Под Москвой, недалеко от старинного г. Радонежа, он основал Троицкую Лавру, воспитал целое поколение игуменов, ставших основателями многих крупных монастырей. Преп. Сергей стремился помочь в деле сплочения князей вокруг Москвы, считая единение Руси задачей общей и первостепенной. Именно он благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Сергей как святой канонизирован церковью в 1447 г., что стало событием общерусского значения.

«Житие Сергея Радонежского» было написано Епифанием, прозванным Премудрым за огромную эрудицию и высокую образованность, примерно в 1417–1418 гг. Он почти четверть века собирал материал к Житию преп. Сергея. Однако созданное им «Житие», стиль которого был признан монахами слишком цветистым, витийственным, было переработано и частично дописано сербом Пахомием Логофетом. Это во многом способствовало популяризации св. Сергея и текстов о нем. До нас дошел «сборный текст, в полной мере отражающий принципы народной культуры – это коллективное создание без точного авторства»^{*}.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО, ИГУМЕНА СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА НАПИСАНО ПРЕМУДРЕЙШИМ ЕПИФАНИЕМ** (в сокращении)

Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется великое и трисвятое имя, которое и вечно прославляемо! Слава Богу вышнему, в Троице славному, который упование,

^{*} См.: Колесов В.В. Сергей Радонежский: художественный образ и символ культуры // Жизнь и житие Сергея Радонежского. М., 1991. С. 324.

^{**} Печатается по: Сергей Радонежский / Сост. В.А. Десятников. М., 1991. С. 8–25, 33–37, 50–53, 62–68, 70–72, 81–82, 85–87, 91–98.

свет и жизнь наша, в которого мы веруем, ради которого мы крестились. И мы живем, и движемся, и существуем! Слава показавшему нам жизнь мужа святого и старца духовного!..

Благодарим Бога за великую Его благодать, сошедшую на нас, как сказал апостол: «Благодарность Богу за неизреченный Его дар!» Ныне же мы должны особенно благодарить Бога за то, что даровал Он нам такого старца святого, – говорю о господине преподобном Сергии, – в земле нашей Русской, в стране нашей полунощной, в дни наши, в последние времена и годы. Гроб его находится у нас и перед нами, и, приходя к нему с верой всегда, великое утешение душам нашим мы получаем и большую пользу; воистину великий это нам от Бога дар дарован. <...>

Теперь же, если Бог поможет, хочу уже приступить к рассказу, начиная от рождения Сергия, и поведать о его младенчестве, и детстве, и юности, и об иноческой жизни его, и об игуменстве, и до самой кончины его, чтобы не забыты были великие деяния его, чтобы не забыта была жизнь его, чистая, и тихая, и богоугодная. <...>

Начало жития Сергия. Благослови, Отче!

Преподобный отец наш Сергий родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такой младенец, который должен был воссиять, родился от неправедных родителей. Но сначала создал Бог и предуготовил таких праведных родителей его и потом от них произвел своего угодника. О достойная чета! О добрейшие супруги, бывшие такому младенцу родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это неким добавлением будет к похвалам и почестям ему. Ведь нужно было, чтобы дарован был Сергий Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителей, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в ут-

робе матери, однажды – дело было в воскресенье – мать его вошла в церковь как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика – преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем, как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз; так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым!» – младенец снова, в третий раз, громко закричал.

Мать же его чуть на землю не упала от сильного страха и, ужаснувшись, в великом трепете, начала тихо плакать. Остальные же благоверные женщины подошли к ней, стали спрашивать ее, говоря: «Что это – не ребенок ли у тебя за пазухой в пеленках, а мы его детский крик слышали, раздававшийся по всей церкви?» Она же в растерянности из-за обильных слез не могла ничего им сказать, но только ответила: «Ищите, – сказала она, – в другом месте, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, и искали, и не нашли. Снова они обратились к ней, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать же его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он и кричал». Женщины же сказали ей: «Как может быть дарован голос до рождения младенцу, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я тому и сама удивляюсь, вся объята страхом, трепещу, не понимая случившегося».

И женщины, вздыхая и бия себя в грудь, возвращались каждая на свое место, так говоря про себя: «Что же это будет за ребенок? Да будет с ним воля Господня». Мужчины же в церкви, все это слышавшие и видевшие, в ужасе стояли молча, пока иерей совершил святую литургию, снял ризы свои и отпустил людей. И разошлись все восвояси; и страшно было всем, слышавшим это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было это знамение и происшествие, с тех пор пребывала благополучно до родов и ко-

сила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный... Была она добродетельна и весьма богобоязненна, так как уже до рождения ребенка поняла и уразумела такое знамение и явление, достойное удивления. И советовалась она с мужем своим, говоря так: «Если родится у нас мальчик, дадим обет принести его в церковь и отдать его благодетелю всех Богу»; что и сбылось. О вера славная! О любовь благая! Еще до рождения ребенка обещали родители привести его и отдать дарователю благ Богу...

Когда настал срок родов, родила она своего младенца. И, весьма радостно рождение его встретив, родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей, предались веселью, славя и благодаря Бога, давшего им такое дитя...

И пришел день исполнения обета его матери: после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божию, отдавая то, что получили от Бога, поскольку они обещали отдать ребенка Богу, даровавшему его; к тому же иерей повелевал, чтобы ребенок получил крещение Божественное. Иерей же, приготовив ребенка к таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа – именем Варфоломей в святом крещении назвав его. Он вынул ребенка, принявшего обильно благодать Святого Духа, из купели, и почувствовал иерей, осененный духом Божественным, понял, что сосудом избранным будет этот младенец. <... >

Рос ребенок в следующие годы, как и полагается в этом возрасте, мужала его душа, и тело, и дух, наполнялся он разумом и страхом Божиим, и милость Божья была с ним; так он жил до семи лет, когда родители его отдали учиться грамоте.

У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй – этот Варфоломей, третий Петр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи Ты меня и вразуми меня».

О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей

Поэтому сильно печалились родители его; а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания Божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с этим отроком, что не оставит Господь неподобного Своего. Так по усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил, а не от людей; что и сбылось. Скажем же и о том, как, благодаря Божественному откровению, научился он грамоте. <...>

Когда он послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некоего черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом сидящего и прилежно со слезами молящегося. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, когда тот кончит молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным Святого Духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь – это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от меда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: «Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше меда устам моим»; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня

дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодovitая и плодоносная, семена принявшая в сердце свое, стоял он, радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой; отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец; они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошел в молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока. И начал он «Часы» петь, а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: «Вот Я дал слова Мои в уста твои». Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Когда они со старцем вышли из часовни, те поставили перед ним пищу. Старец отведал пищи, благословил родителей и хотел уйти. Родители же умоляли старца, спрашивая его и говоря: «Отче, господин! Подожди еще, чтобы мы могли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил скудоумие наше и печаль нашу. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь, которому предсказываешь ты многие блага. Но он удивляет нас, и печаль о нем весьма огорчает нас, потому что случилось с ним нечто страшное, удивительное и непонятное – вот что: когда он был в утробе матери, незадолго до рождения его, когда мать была в церкви, трижды прокричал он в утробе, при народе, в то время когда святую пели литургию. Нигде в другом месте такое не слышано, не видано; и мы этого боимся, не понимая, чем кончится это или что случится в будущем?»

Старец же святой, уразумев и поняв духом будущее, сказал им: «О блаженная чета! О прекрасные супруги, ставшие родителями такого ребенка! Зачем вы уstraшили страхом там, где нет страха. Напротив, радуйтесь и веселитесь, что смогли такого ребенка родить, которого Бог избрал до рождения его, которого Бог отметил еще в утробе материнской. Вот последнее слово я скажу и потом умолкну: будет вам знамение истинности моих слов то, что после моего ухода вы увидите – отрок хорошо знает всю грамоту и все святыe книги понимает. А вот второе мое знамение вам и предсказание – будет отрок славен перед Богом и людьми из-за своей добродетельной жизни». И, сказав это, старец ушел, промолвив им такие непонятные слова: «Сын ваш будет обителем Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей». Так сказав, старец ушел от них. Родители же провожали его до ворот; он же внезапно стал невидимым.

Они же, недоумевая, решили, что это ангел послан был даровать отроку знание грамоты. Отец и мать, приняв от старца благословение и слова его сохранив в сердцах своих, возвратились в дом свой. После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг, изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо ее читает и понимает ее. Достоин был даров духовных добрый сей отрок, который от самых пеленок Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был. Он жил, во всем повинаясь своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чем не ослушаться их, как и Святое Писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле».

О юных годах

И еще об одном деянии этого блаженного отрока скажем, как он, молодой, проявил разум, достойный старца. Через несколько лет он стал поститься строгим постом и от всего воздерживался, в среду и в пятницу ничего не ел, а в прочие дни хлебом питался и водой; по ночам часто бодрствовал и молился. Так вселилась в него благодать Святого Духа.

Мать же его своими материнскими словами увещевала, говоря: «Чадó! Не погуби свою плоть излишним воздержанием, как бы тебе не заболеть, -- ведь ты еще мал, тело твое растет и расцветает. Ведь никто такой молодой, в таком юном возрасте, как ты, столь жестокого поста не соблюдает; никто из братьев твоих

и сверстников твоих так строго не воздерживается от еды, как ты. <...>

Прекрати, чадо, такое длительное воздержание, ты не достиг еще зрелости, не настало еще для этого время. Все ведь хорошо, но в свое время». Прекрасный отрок отвечал ей, одновременно умоляя ее и говоря так: «Не уговаривай меня, мать моя, чтобы не пришлось мне невольно послушаться тебя, разреши мне делать так, как я делаю». <...>

Сказав так, он больше прежнего придерживался своего правильного пути, и Бог помогал ему в его благом намерении. <...>

О пострижении Варфоломея, которое стало началом иноческой жизни святого

Преподобный отец наш не принял ангельский образ до тех пор, пока не изучил все монастырские дела: и монашеские порядки, и все прочее, что требуется монахам. И всегда, в любое время, с большим прилежанием, и с желанием, и со слезами он молился Богу, дабы удостоиться принять ангельский образ и приобщиться к иноческой жизни. И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. Варфоломей просит и умоляет его, смиренно кланяясь, перед ним радостно преклоняет голову свою, желая, чтобы Митрофан в иноки его постриг. И повторял ему святой: «Отче! Сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин, ведь я с юности моей давно очень хочу этого, но воля родителей удерживала меня. Сейчас же, от всего освободившись, я так жажду этого, как олень стремится к источнику водному; так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни».

Игумен немедленно вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергей: ведь так в то время давали случайные имена, не считаясь с мирским именем; но какого святого память отмечалась в тот день, когда постригали, такое имя и давали постригающемуся. Было святому, когда он стал иноком, двадцать три года. А в церкви, о которой я говорил, самим Сергием созданной и названной в честь святой Троицы, в этой церкви игумен тот вместе с чином пострига отслужил и Божественную литургию. Блаженный же Сергей,

только что постриженный инок, когда совершен был постриг, причастился Святых тайн, вкусил пречистое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, как достойный сподобился такой святости. Так вот, после святого причащения или во время самого причащения, снизошла на него и вселилась благодать и дар Святого Духа. Откуда же это известно? Были некие люди здесь в то время, поистине правдивые свидетели того, что, когда Сергей причастился Святых тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием: не только в церкви, но и вокруг чувствовался запах благовонный. И все видевшие и ощутившие этот запах прославили Бога, так прославляющего своих угодников.

Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Первый в начинании, но высший мудростью; первый числом, но высший трудами. Я скажу, что он был и первый, и высший: ведь многие в той церкви постриглись, но ни один из них не смог достичь его совершенства; многие так начинали, но не все так окончили свое дело; многие потом в том месте – и при жизни Сергея, и после него – были иноками, поистине все они славными были, но не все могут сравниться с ним. Это был в том месте первый инок, он положил начало подвигам; всем другим монахам, живущим здесь, он примером был. Ведь когда он постригался, он не только постригал волосы на голове своей, но вместе с бесчувственными волосами он плотские отсекал желания; а когда одежды мирские сбрасывал, он с ними отвергал от себя эти желания. Это был тот, кто с себя прежнего человека сogleкал и удалял, а в нового превращался. И крепко подпоясавшись, приготовился он подвиги духовные мужественно начать, оставив мир и отрекшись от него и от всего, что в миру, от имущества и всех остальных житейских благ. И, попросту говоря, все узы мирские он разорвал, – как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает – так и этот преподобный оставил мир и все мирское, бежал от всех житейских благ, оставив род свой и всех близких и родственников, дом и отечество, подобно древнему патриарху Аврааму.

Находился блаженный в церкви семь дней, ничего не ел он, только лишь просфору, взятую из рук игумена; от всего отстранившись, только лишь в посте и молитве пребывал. Песня Давида постоянно была на устах у него, слова псалмов, ими он себя утешал, ими же и Бога хвалил. Пел он про себя и так благодарил Бога: «Господи! Я возлюбил красоту дома Твоего и место вселения славы Твоей; в доме Твоем пребудет святость Господня долгие дни. <...>

И птица находит себе жилье, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих. Блаженны живущие в доме Твоем; во веки веков будут они восхвалять Тебя. День один во дворах Твоих лучше тысячи дней; лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели в жилище грешников».

Когда же провожал Сергей игумена, который постриг его, со многим смирением сказал ему: «Вот, отче, уходишь ты теперь отсюда, а меня, смиренного, как я и хотел, одного оставляешь. Долгое время я всеми помыслами моими и желаниями стремился к тому, чтобы жить мне одному в пустыне, без единого человека. Издавна я этого просил у Бога в молитвах, всегда слыша и вспоминая пророка, восклицающего и говорящего: «Я удалился, убежав, и остался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от малодушия и от бури. И поэтому услышал меня Бог и внял гласу моления моего. Благословен Бог, который не отверг молитвы моей и не отвратил милости своей от меня». И сейчас я благодарю Бога, сделавшего все по моему желанию, за то, что он дал мне одному в пустыне жить в одиночестве и безмолвии. Ты же, отче, ныне уходя отсюда, благослови меня, смиренного, и помолись о моем уединении, а также и научи меня, как жить мне одному в пустыне, как молиться Богу, как без напасти прожить, как противиться нашему врагу и гордым его помыслам. Ведь я, новопосвященный, только что постригся и стал иноком, поэтому я должен обо всем расспросить тебя».

Игумен, охваченный ужасом, ответил, удивляясь:

«И ты меня, — сказал он, — спрашиваешь о том, что ты много лучше нас знаешь, о достойный человек! Ведь привык ты всегда таким образом пример смирения показывать. Но все же ныне и я отвечу, как подобает мне словами молитвы отвечать тебе, так Господь Бог, еще раньше избравший тебя, пусть щедро одарит тебя, вразумит тебя, научит тебя и радости духовной да исполнит тебя». И, немного о духовном побеседовав с Сергием, он хотел уже уйти. Но преподобный Сергей, поклонясь ему до земли, сказал: «Отче! Помолись за меня Богу, чтобы помог Он мне терпеть плотские искушения, и бесовские нашествия, и зверей нападения, и труды в пустыне». Игумен же в ответ сказал: «Говорит Павел-апостол:

«Благословен Господь, который не даст нам сверх сил искушений». И еще сказал: «Все могу, если укрепит меня Бог». И снова, уходя, игумен поручает его Богу и оставляет его в пустыне одного безмолвствовать и жить в одиночестве. <...>

Следует также вот что знать читающим житие: в каком возрасте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по Божественной благодати. После ухода игумена преподобный Сергей в пустыне подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне? Невозможно нам рассказать, с каким трудом духовным и с многими заботами он начинал начало жизни в уединении, сколь продолжительное время и сколько лет он в этом лесу пустынном мужественно оставался. Стойкая и святая его душа мужественно выносила все вдаль от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно не спотыкаясь и оставаясь чистой.

Какой ум или какой язык желания святого, и его изначальное первое рвение, и любовь его к Богу, тайные добродетели его подвига сможет представить себе или передать – и как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к Богу обращал; кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь – того не было. Ко всему же этому прибавлялась борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения, борьба, столкновения, устрашения демонов, дьявольские наваждения, страшилища пустыни, неизвестных бед ожидание, нападение зверей и их свирепые поползновения. Но несмотря на все это при всем том бесстрашен был Сергей душой и смел сердцем, и ум его не ужасался перед такими вражескими кознями, и лютыми нападениями, и устремлениями: многие тогда звери часто приходили к нему, не только ночью, но и днем; а были эти звери – стаи волков, которые выли и ревели, а иногда и медведи. Преподобный Сергей, хотя немного и боялся, как всякий человек, но, однако, молитву прилежно к Богу обращал и ею укреплялся; и таким образом, по милости Божьей, остался не тронут ими: звери отходили от него, а зла ему никакого не причиняли. Ведь когда только начинало устраиваться место то, тогда преподобный Сергей много огорчений и зла претерпел от бесов, и от зверей, и гадов. Но никто из них не прикоснулся к нему и не обидел его:

потому что благодать Божия охраняла его. И пусть никто не удивляется этому, зная воистину, что если Бог живет в человеке и если Дух Святой осеняет его, то все ему покоряются, как в древности Адаму первозданному до нарушения им заповеди Господней; также и Сергию все покорялись, когда он жил один в пустыне. <...>

О начале игуменства святого

И пришел преподобный отец наш игумен Сергий в свой монастырь, в обитель Святой Троицы. Братия же встретила его и поклонилась ему до земли, радостью исполнившись. Он же, войдя в церковь и пав ниц на землю, со слезами молился невидимому Царю, взирая на икону Святой Троицы, на помощь призывал Святую Богородицу. <...>

И начал блаженный учить братию, так передавая сказанное Господом: «Старайтесь, братья, войти в узкие ворота; «силой берется Царство Небесное, и употребляющие усилие восхищают Его». <...>

И, благословив братию, сказал Сергий им: «Молитесь, братья, обо мне: ведь грубости и неразумия я исполнен. Я талант принял от Небесного Царя и за это ответ должен держать, ведь пекусь о стаде словесных овец». <...>

Ежедневно он служил Божественную литургию, утренние и вечерние молитвы легко произносил – и за смирение всего мира, и за долговечность святых церквей, и за православных царей, и князей, и за всех православных христиан. Говорил он братьям: «Подвиг великий должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом: ведь он как лев рыкающий ходит, стремясь каждого растерзать». Наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами.

Кто может правдиво поведать о добродетельной жизни его, о благодати, цветшей в душе его? Все больше вооружался он на враждебные силы, а ему силы давала Святая Троица. Часто дьявол хотел утратить Сергия, – иногда в зверей, а иногда в змей преображаясь. И в собственном облике либо в келье, либо в лесу, когда блаженный дрова собирал для нужд монастырских, – внезапно враг разными злыми способами старался мысли Сергия отвлечь от молитвы и от добродетельных трудов его. Богоносный же отец наш Сергий все враждебные его наваждения и козни раз-

гонял, как дым, и как паутину разрывал, силой креста вооружаясь, евангельское слово в сердце сохранял, сказанное Господом: «Я дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всю силу вражию».

В начале игуменства его было братии двенадцать человек монахов, не считая самого игумена, тринадцатого. В числе двенадцати человек собрались монахи, и так они жили и два года, и три, ни больше их не становилось, ни меньше. Если один из них или умирал, или уходил из обители, то другой брат на его место приходил, так, чтобы число их не уменьшалось. Но только лишь в числе двенадцати они жили, так что некоторые об этом говорили: «Что же будет? Или всегда двенадцать монахов будет на месте этом, по числу двенадцати апостолов, как написано: «Призвал Господь учеников своих, и избрал из них двенадцать, и апостолами назвал их», – или по числу двенадцати племен израильских; или по числу двенадцати источников воды; или по числу избранных камней драгоценных двенадцати, бывших на ризах архиерейских по чину Аарона?» И так монахи жили, пока не пришел к ним Симон, архимандрит смоленский, и он разрушил число двенадцать; и с тех пор, с того дня, братия умножалась все более, и уже они исчислялись большим числом, чем двенадцать. <...>

О бедности одежды Сергия и о некоем крестьянине

Рассказывали некоторые из монастырских старцев о преподобном Сергии, что одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное, – ни синего цвета, ни багряного, или коричневого, ни других многих различных ярких цветов, ни белая или пышная и мягкая одежда: «Мягкие одежды носящие, – сказано, – находятся в домах царских». <...>

Однажды нашлось у братьев сукно некое негодное – и плохое, и некрасивое, так что оно даже полиняло, – и вся братия с презрением гнушалась им и отворачивалась. И если какой-нибудь брат это сукно брал, то, немного подержав его, назад возвращал и бросал; так делал и другой, и третий, вплоть до седьмого. Преподобный же не отвернулся, но аккуратно взял сукно, благословил, и начал кроить, и шить, и сделал рясу, которую не погнушался надеть. И не захотел снять ее и выбросить ее, но, напротив, начал

с благодарностью на теле своем носить ее, пока через один год она, обветшав, не разорвалась и не распалась. Отсюда можно понять, сколь усерден был Сергей в своем смирении, если ходил в облачении нищего. <...>

Когда слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его приходили, желая увидеть его, и те, кто видел его, возвращались восвояси и, друг другу рассказывая о Сергии, удивлялись. Услышав об этом, некий человек, христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пахущий землю плугом своим и своим трудом питающийся, живший в отдаленных краях, слышав много о Сергии, желанием возгорелся увидеть его. Однажды, освободившись от работы, пришел он в монастырь Сергия; а до этого он никогда не видел святого. В то время получилось так, что преподобный мотыгой работал, в огороде копал землю для насаждения какой-то огородной зелени. Когда пришел усердный земледелец этот, чтобы увидеть Сергия, начал он искать святого и спрашивал: «Кто здесь Сергей, и где чудесный и славный этот муж, о котором я слышал столько? И как мне увидеть его?» И у каждого из братьев он допытывался, спрашивал и умолял, чтобы ему показали того, кого он ищет. Братья же сообщили ему: «В огороде он, один уединившись, копает землю. Немного потерпи, пока он не придет». Тот в большом нетерпении не дождался, но, прикинув к щели, увидел блаженного в бедной одежде, весьма рваной и залатанной, в поте лица трудящегося. Он никак не мог подумать, что это тот, кого он хотел увидеть, которого он ищет, и никак не верил, что это тот, о котором он слышал. Снова земледелец приставал к братьям, досаждая им и говоря: «Почему вы не укажете мне того, к которому я издалека поклониться пришел? — и дело важное у меня есть к нему». Они же сказали: «Мы показали тебе его, и ты его видел в щель. Если же не веришь нам, то убедись в этом, увидев его снова». Он же упрямо не хотел верить, но около дверей стоял, неизвестно откуда ожидая Сергия.

Когда же преподобный, сделав дело свое, из-за ограды в монастыре появился, монахи быстро указали на него земледельцу, говоря: «Вот тот, кого ты желал увидеть». Но этот земледелец отвернул лицо свое от блаженного, и начал смеяться, и гнушаться им, говоря: «Я пророка увидеть пришел, вы же мне сироту показали. Издалека я шел, надеясь получить пользу, а вместо пользы, ничего не получил. Хотя я и в честный монастырь пришел, но никакой здесь пользы не получил; вы глумитесь надо мной, думаете,

что я обезумел. Я святого мужа Сергия, как я слышал о нем, надеялся увидеть в большой чести, и славе, и величии. Ныне же из всего этого в человеке, указанном вами, ничего не вижу, — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежды красивой и дорогой, ни отроков, служащих ему, ни спешащих слуг, ни множества рабов, прислуживающих или честь воздающих ему; но все на нем бедное, все нищенское, все сиротское. И думаю я — не он это». Так говорил монахам поселянин этот, земледелец, — и поистине он поселянин, потому что невежда и не смотрит внутренними глазами, но внешними, не знает книжной мудрости, как премудрый Сирах сказал: «Человек смотрит на лицо, а Бог зрит в сердце». Этот земледелец внешние вещи видел, а не внутренние, и, на теле блаженного бедную одежду увидев, убедившись, что тот трудами земледельческими занимается, он добродетель старца и нищету хулил, никак не веря, что это тот, о ком он слышал. В мыслях его было какое-то недоверие, и он думал про себя так: «Не может такой муж, честный и славный, в нищете и бедности жить, а я о его многом величии, чести и славе рассказы прежде слышал».

Братия же игумену сказала: «Не смеем и боимся сказать тебе, честный отче, а гостя твоего мы бы отослали отсюда как человека негодного и бесчестного, потому что он невежа и поселянин: он тебе не поклонился, ни чести достойной не воздал, а нас укоряет и не слушает, считая, что мы лжем. Хочешь, мы выгоним его?» Божий человек Сергий, посмотрев на братию, увидел их смущение и сказал: «Ни в коем случае, братья, не делайте этого, ведь он не к вам, но ко мне пришел. Зачем вы обижаете его? Ведь он доброе дело сделал мне; и я вины не нахожу за ним. Если вы находите за ним вину, услышите Павла-апостола, говорящего: «Если человек впадает в некое прегрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости»; и подобает таких людей смирением и кротостью исправлять». И, сказав это, не дождавшись от крестьянина поклона, Сергий сам опередил его, подошел и поцеловал земледельца старательно и послешно. И с великим смирением Сергий поклонился ему до земли, и с большой любовью по-христиански поцеловал его, и, благословив, весьма похвалил крестьянина, который так о нем подумал. Этот случай дает понять, сколь великое смирение внутри себя имел Сергий, ибо такого поселянина, невежду, который негодовал и гнушался им, святой сверх меры полюбил: потому что насколько гордые почестям и похвалам радуются, настолько радуются смиренные своему бесчестию и осуждению. И не только поцеловал его, но взял его за руку пре-

подобный и посадил справа от себя, едой и питьем насладиться предлагая ему, с честью и любовью обходился с ним. Крестьянин же печаль свою объяснял: «Сергия ради я постарался сюда прийти и его увидеть, но не исполнилось желание мое». Преподобный же Сергей сказал ему: «Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чем ты печалишься, что ищешь и чего желаешь – тотчас даст тебе Бог».

И в то время, пока еще Сергей говорил, вдруг князь некий подошел к монастырю в великой гордости и славе, и полк великий окружал его, бояре, и слуги, и отроки его. Идущие впереди телохранители князя и подвойские крестьянина этого взяли за плечи руками своими и далеко куда-то отбросили его от лица князя и Сергия. И еще издалека князь поклонился Сергию до земли. И Сергей благословил его; и поцеловались они, и сели вдвоем только, а все стояли. Крестьянин же тот бегал вокруг. И кем он прежде пренебрегал и гнушался, к тому теперь стремился, – где бы только посмотреть на него, – и не находил места. И спросил он одного из стоящих там: «Кто этот монах, который сидит справа от князя, скажи мне?» Тот посмотрел на крестьянина и сказал ему: «Разве ты не здешний? Не слышал ли ты о преподобном отце Сергии? Говорящий с князем он и есть». Услышав это, крестьянин ощутил стыд и трепет.

Когда же князь из монастыря ушел, тогда этот крестьянин взял с собой некоторых из братии и за себя их молить попросил, и сам с ними и перед ними кланялся до земли игумену, говоря: «Отче! За все мои нечестия и прегрешения прости меня и помоги в моем неверии. Теперь я узнал истину о тебе, отче; что слышал, то и увидел». Преподобный же Сергей простил его, и благословил, и побеседовал с ним душеполезными, утешительными словами, и отпустил его домой. С тех пор человек этот великую веру имел в Святую Троицу и в преподобного Сергия до своей смерти. И через несколько лет он пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монахи, и, прожив несколько лет в покаянии, и исповедавшись, и исправляясь, отошел он к Богу.

Об изведении источника

Хочу вам, возлюбленным, рассказ продолжить о славных чудесах, которые творил Бог через угодника своего. Как мы раньше говорили про этого великого пастыря и мудрого человека, когда

он в пустыню пришел и один хотел на том месте безмолвствовать, тогда воды не было вблизи от обители. После того как братия умножилась, неудобно весьма было издалека воду приносить. И по этой причине некоторые возроптали на святого: «Зачем, – говорили они, – ты, не подумав, решил на этом месте, где воды нет поблизости, обитель создать?» Так многократно они с упреками говорили; а святой им отвечал: «Ведь я один на этом месте хотел безмолвствовать, Бог же захотел такую обитель воздвигнуть, чтобы прославлялось святое Его имя. Так просите в молитве своей и не отчаивайтесь! Ведь если Бог непокорным людям еврейским из камня воду источил, то вас, работающих для Него днем и ночью, разве оставит Он?» И отпустил он монахов в их кельи.

Сам же он вышел из монастыря, одного брата взяв с собой, и зашел в глушь леса около монастыря, – а не было здесь нигде проточной воды, как старые люди определенно сказали. Нашел святой в одной канаве немного воды, оставшейся после дождя, и, преклонив колени, начал молиться, говоря так:

Молитва: «Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и вся видимая и невидимая, создавший человека из небытия, не желающий смерти грешников, но жизни! Молимся Тебе, и грешные, и недостойные рабы Твои: услышь нас в этот час и яви славу Свою. Как в пустыне чудодействовала крепкая Твоя десница через Моисея, который из камня по Твоему повелению воду источил, так и здесь яви силу Твою. Ведь Ты неба и земли Творец; даруй нам воду на месте сем! И пусть узнают все, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воздающих. Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

И когда это сказал святой и место указал, внезапно источник большой появился, который и до сих пор все видят и из которого черпают для всяких нужд монастырских, благодаря Бога и Его угодника Сергия. Многие исцеления происходят от воды той для приходящих с верой, и различными недугами страдающие исцеление получают. И не только те, кто к самой этой воде приходит, исцеляются, но и те, кто из дальних мест присылают людей, которые черпают воду эту и к себе уносят, и больных своих поят или кропят, – и те исцеление получают. Таких не один или два, но бесчисленное множество есть даже и донныне. И с тех пор источник называли именем Сергия лет десять или пятнадцать. Разумный же этот человек, поскольку он не любил славы, из-за этого

негодовал, говоря: «Чтобы я никогда не слышал, как вы моим именем источник этот называете. Ведь не я дал воду эту, но Господь даровал нам, недостойным».

О воскрешении отрока молитвами святого

Некий благочестивый человек, живущий в окрестностях монастыря того, имел веру великую в святого Сергия. Сын же человека этого, малолетний отрок, единственный ребенок его, от болезни страдал. Отец отрока, зная Сергия добродетель, понес сына в монастырь к святому, размышляя так: «Если только живым донесу его к человеку Божьему, он обязательно выздоровеет». Принес он сына в монастырь, умоляя святого помолиться.

Но пока человек эту просьбу излагал, отрок, жестокой болезнью страдавший, ослабел и испустил дух. Когда увидел человек этот, что умер сын его, он всякую надежду утратил и заплакал: «Увы! – говорил он. – О, человек Божий! Я с верой и слезами в безмерной печали к тебе пришел, надеясь утешение получить, а теперь вместо утешения вверг себя в большую печаль. Лучше бы мне было, чтобы в моем доме отрок мой умер! Увы мне! Что делать? Что этого страшнее или хуже?» Пошел человек приготовить гроб, чтобы положить умершего сына, а тело ребенка оставил в келье. Святой же сжалился над человеком этим, преклонил колени и начал молиться за умершего. И внезапно отрок ожил, и душа к нему возвратилась, и начал он двигаться.

Пришел отец отрока, неся все, что нужно для погребения; увидев его, святой сказал ему: «Зачем ты, человек, трудишься, неверно помыслив: отрок твой не умер, но жив». Тот же не мог поверить: ведь был убежден он, что сын его умер. И пришел он, и нашел сына живым, как сказал святой; и припал он к ногам человека Божьего, благодарность ему принося. Святой же ему сказал: «Ошибся ты, о человек, и не знаешь, что говоришь: потому что отрок твой, когда нес ты его сюда, по пути от холода ослабел, и тебе показалось, что он умер. Теперь же он в теплой келье согрелся, а ты думаешь, что он ожил. Ведь не может ожить никто до общего воскресения». Но человек упорствовал, говоря: «Он твоими молитвами ожил». Святой же запретил ему так говорить, сказав: «Если разгласишь это, сам себе навредишь и отрока окончательно лишишься». Тот обещал никому не говорить; и, взяв отрока здорово-

го, ушел в дом свой. Молчать он не мог, а разглашать не смел; но только про себя удивлялся, хвалу воздавая Богу, совершающему удивительные и славные вещи, «которые видели, — как сказано, — глаза наши». Известно же стало чудо это от ученика святого. <...>

О создании общежительства

Потом однажды пришли греки из Константинополя, патриархом посланные к святому. Они поклонились ему, говоря: «Вселенский патриарх Константинопольский, владыка Филофей благословляет тебя». Также от патриарха подарки они подарили ему: крест, и параманд, и схиму; затем и послание отдали ему. Святой же сказал им: «Подумайте, не к другому ли вы посланы: кто я такой, грешный, недостойный такие дары получить от святейшего патриарха?» Они же сказали: «Мы, отче, ничуть не ошиблись относительно тебя, святой Сергей. К тебе мы посланы». Старец поклонился им до земли. Затем поставил перед ними трапезу, и, хорошо угостив их, он повелел разместить их на отдых в обители. Сам же пошел к митрополиту Алексею, относя послание, полученное от патриарха, и отдал его митрополиту, и сообщил о принесших его. Митрополит же послание повелел прочитать; а написано было следующее.

Послание: «Милостью Божьей архиепископ Константинополя, вселенский патриарх владыка Филофей в святом духе сыну и сподвижнику нашего смирения Сергию. Благодать и мир и наше благословение пусть будет с вами! Слышав о твоей в Боге жизни добродетельной, весьма восхвалили и прославили Бога. Но одной вещи еще недостает — общежительство у вас не устроено: потому что все, о преподобный, и сам прародитель Бога пророк Давид, который все охватил разумом, ничто другое так не хвалят, только вот что: «Что может быть лучше и прекрасней, чем жить братьям вместе». Поэтому и я совет добрый даю вам, чтобы вы устроили общежительство. И милость Божья и наше благословение пусть будет с вами».

Старец же спрашивает митрополита: «Ты, святой владыка, что повелеваешь?» Митрополит же в ответ старцу сказал: «Поскольку, преподобный, ты таких благ сподобился, так как Бог прославляет славящих Его, поскольку дальних мест достигла слава жизни твоей — поэтому тебе великий и вселенский патриарх дает совет для великой пользы. Мы также настоятельно советуем так сделать и весьма славим тебя».

С этого времени устанавливается в обители святого общежитие. И распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием; в церкви же ставит пономарей и других. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся.

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько странничество увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительность, и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: «Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется, и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа». Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время они оставался здесь из-за такого ненастья – все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жизни в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца, и до сих пор все так сохраняется. <...>

О победе над Мамаем и о монастыре на Дубенке

Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли дер-

жавшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить; ведь знал он, что Сергей – муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря, и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утрущаясь, – обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь. «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого Твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. <...>

Святой же, как было сказано, пророческим обладая даром, знал обо всем, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, все предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергей, и службу за них все милостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над враждебными варварами одержав, возвращался весело в радости большой в свое отечество. И незамедлительно

он пришел к старцу святому Сергию, благодарность принести ему за добрый совет, и всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся все рассказывал – как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает о своем желании великий князь старцу и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить – в честь пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергей пошел и, поискав, нашел место подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергей церковь поставил Успения Владычицы нашей Богородицы, в честь пречистой Богоматери. В скором времени благодаря помощи необходимой великого князя возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему, по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежительство на удивление хорошо, как подобает для славы Божьей. И многочисленное братство собралось, а необходимое они достаточно по милости пречистой Богородицы и до сих пор имеют. Об этом все. <...>

О посещении Богоматерью святого

Однажды блаженный отец молился по своему обычаю перед образом матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто обращая взор к иконе, говорил: «Пречистая Мать Христа моего, покровительница и заступница, верная помощница рода человеческого! Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли Сына своего и Бога нашего, чтобы не оставил святого места этого, которое создано для похвалы и чести святого имени вовеки. На твою, Мать любимого мною Христа, защиту и молитвы мы надеемся, ибо великую смелость имеют рабы Твои перед Богом, который для всех – упокоение и пристанище спасения». Так он молился и пел благодарственный канон Пречистой Богоматери, то есть акафист, а когда он завершил канон и сел немного отдохнуть, сказал ученику своему, по имени Михей: «Чад! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное будет нам в сей час». И пока он это говорил, вдруг глас раздался: «Се Пречистая грядет!» Святой, услышав, быстро вышел из кельи... в сени. И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого, и видит он Пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в несказанной светлости блистающую. И ког-

да увидел ее святой, он упал ниц, не в силах вынести нестерпимый этот свет.

Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей – и не скорби больше; ибо отныне всего будет здесь в изобилии – и не только при жизни твоей, но и после твоего к Господу ухода не покину я обители твоей, все нужное подавая в изобилии, и снабжая всем, и защищая». Сказав это, стала она невидима. Святой же в смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда он понемногу в себя пришел, увидел Сергей ученика своего лежащим от страха, словно мертвого, и поднял его. Тот же бросился к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, Господа нашего ради; что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от радости той, но ничего не мог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне дух мой трепещет от чудесного видения».

О кончине святого

Жил святой долгие годы в совершенном воздержании, труде, и непередаваемые, несказанные чудесные дела совершил, и старости глубокой достиг, никогда от божественного пения или службы не уклоняясь. И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии божественных подвигов мужественно и с любовью упражняясь, и никак его старость не побеждала. Но ноги его костенели день ото дня, как будто по ступеням приближались к Богу. Предвидел он за шесть месяцев свою кончину и, призвав братию, вручил игуменство своему самому любимому ученику, в добродетелях совершенному и во всем без исключения следующему своему учителю, и хотя возрастом был он молод, ум его был весьма сединами убелен; впоследствии он чудесами прославился, о которых следующая повесть расскажет, по имени Никон. Сергей повелел ему пасти стадо Христово внимательно и праведно, ибо ответ ему придется держать не за себя, но за многих. И с тех пор Сергей, этот великий подвижник в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славным именем, безмолвствовать начал.

И в сентябре месяце недугом телесным был поражен и, видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же любимому Иисусу предать, он призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повел подобающую, и полезным вещам учил, неуклонно в православии оставаться веля, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя, страннолюбия не забывать, от противоречия уклоняться, и ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения. И другому многому Сергей поучал, говоря: «Поскольку Бог зовет меня, я уйду от вас, а вас передаю всемогущему Господу и Его Пречистой Богоматери, чтобы Она была для вас прибежищем и стеной от сетей вражеских и козней их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он тела и крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простер к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1592) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

Распространилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. А братия вся собралась и в плаче и рыдании сокрушалась; и, в гроб честное и трудолюбивое тело положив честно, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали слез ручьи, кормчего лишившись, с учителем разъединенные; с отцом разлуки не вынося, плакали они и, если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым, как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в обители, которая им была создана. Сколько после смерти и после кончины Сергея чудесных дел произошло и происходит: расслабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбатых выпрямление – только от приближения к его раке. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила. <...>

Таково было житие отца, таковые дарования, таковые чудеса его проявления, – причем не только при жизни, но и после смерти, – о которых нельзя написать; потому что чудеса его до сих пор все видят.<...>

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,

И человек отчаянно тоскует...

Он к свету рвется из ночной тени

И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,

Невыносимое он днесь выносит...

И сознает свою гибель он,

И жаждет веры – но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,

Как ни скорбит пред замкнутою дверью:

«Впусти меня! Я верю, Боже мой!

Приди на помощь моему неверью!...»

Вопросы и задания

1. Составьте краткий рассказ о преподобном Сергии Радонежском (назовите основные вехи его жизни). За что его особенно почитают Православная Церковь и вся Россия (политическая и духовная деятельность)?

2. Преподобный Сергий как «небесный человек и земной ангел» в описании Елифания Премудрого: подберите материал из текста, раскрывающий это определение автора. Покажите символические функции огня, света и свечения – их смысловую роль в воссоздании облика преподобного Сергия.

*3. Как показано в произведении единство миров (небесного и земного)? Как выражено в «Слове о полку Игореве» явление двоемирия? В чем отличие изображения от «Жития Сергия Радонежского»?

4. В чем видит автор «сладость» жизни? Кого он считает врагом духа человека? Приведите примеры (по тексту) борьбы тела и духа, видимого и невидимого.

*5. Что вы можете сказать о стиле произведения? Одни ученые считают, что «Житию...» присуща излишняя витиеватость, «плетение словес»; другие же – наоборот, что стиль продуман. Какая точка зрения вам ближе? Докажите на двух-трех примерах.

6. Найдите строки, свидетельствующие о том, что для древнего русича истинная красота человека заключалась в сердце, а не во внешности.

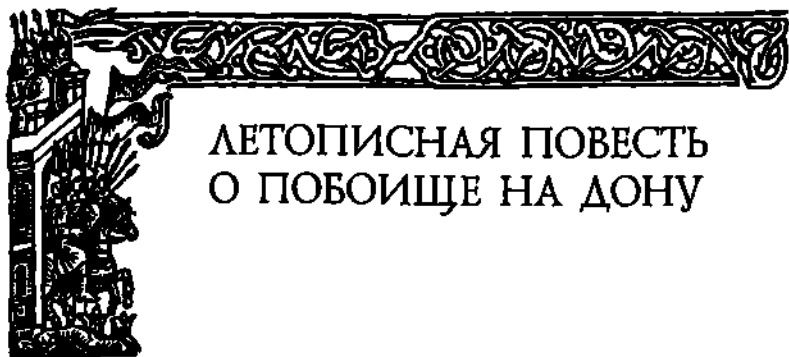
7. Прочтите стихотворение Ф. И. Тютчева «Наш век». Ответьте на вопросы:

а) В чем заключается противоречие во внутреннем мире человека?

б) Почему светла, ясна и покойна душа преп. Сергия Радонежского и невыразимо душевное страдание современника Тютчева?

в) Вспомните ранее прочитанные стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» и И.С. Никитина «Новый Завет». Каково их настроение? В чем отличие от стихотворения Ф.И. Тютчева?

г) Стихотворение Ф.И. Тютчева написано в XIX в. Может ли оно быть адресовано человеку XXI в.?

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ

«Летописная повесть о побоище на Дону» входит в цикл воинских повестей (наряду с «Задонщиной», «Сказанием о Мамаевом побоище»), посвященных победе русских войск над татаро-монголами в 1380 г. на поле Куликовом. Ученые предполагают, что ее создание относится к первой четверти XV в.

О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ И О ТОМ, КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ БИЛСЯ С ОРДОЮ*

Той же осенью пришел ордынский князь Мамай¹ с единомышленниками своими, и со всеми прочими князьями ордынскими, и со всей силой татарской и половецкой, да еще, кроме того, отряды нанял басурман, армян, фрягов, черкесов, ясов и буртасов. Также с Мамаем в единомыслии и в единой думе был и литовский Ягайло² со всею силою литовскою и польскою. С ними же в союзе был князь Олег Иванович³ Рязанский, и со всеми этими сообщниками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича⁴ и на брата его Владимира Андреевича⁵. Но хотел человеколюбивый Бог спасти и освободить род христианский молитвами Пречистой Его Матери от рабства измаильянского, от поганого Мамаю, и от

* Печатается по: О, Русская земля! / Сост. В.А. Грихин. М., 1982. С. 265–275.

сообщества нечестивого Ягайла, и от велеречивого и худого Олега Рязанского, который не соблюл своего христианства: придет ему день великий Господень для суда в аду. Окаянный же Мамай, возгордившись и считая себя царем, начал осуществлять злой замысел, темных своих князей⁶ звать. И сказал им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые было, христианство уничтожим, и церкви Божии спалим, и кровь их прольем, и законы их погубим». Это из-за того, что нечестивый люто гневался за своих друзей и любимцев, князей, убитых на реке Воже⁷. И начал свирепый вдруг силы свои собирать, и в ярости двинулся с силой большой, намереваясь поработить христиан. Тогда двинулись все племена татарские. И начал он посылать в Литву к поганому Ягайлу и к лживому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от Сына Божия, омраченному тьмою греховною... Олегу Рязанскому, поборнику басурманскому, лукавому сыну... И устроил старый злодей Мамай сговор нечестивый с поганою Литвою и с душегубцем Олегом, чтобы стать им у реки Оки на Семенов день⁸ на благоверного князя. <...>

Это было в месяце августе. Пришли из Орды такие вести к христоролюбивому князю, что поднимается на христиан измаильтязский род⁹. Олег уже нарушил тогда долг свой перед Богом, задумал злой умысел с погаными и послал к князю Дмитрию известие ложное: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя; и пусть будет известно тебе, что и литовский идет на тебя Ягайло со всею силою своею». Дмитрий же князь, услышав в невеселое то время, что идут на него все царства, совершающие беззаконие... пошел в соборную церковь Матери Божией Богородицы, пролил слезы и сказал: «О Господи, Ты всемогущий, всесильный, крепкий в битвах, воистину Ты царь славы, сотворивший небо и землю, помилуй нас молитвами Пречистой Твоей Матери, не оставь нас, когда унываем. Ты ведь Бог наш и мы люди Твои, пошли руку Твою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших, и помилуй нас, и оружие их притупи; силен Ты, Господи, кто противится Тебе? Помяни, Господи, милость Свою, какую от века оказываешь роду христианскому. О многоименитая Дева, госпожа, Царица небесных чинов, Госпожа, всегда всей вселенной и всей жизни человеческой Кормительница, подними. Госпожа, руки свои пречистые, которыми носила ты Бога воплощенного, не презри христиан этих, избавь нас от сыроядцев этих и помилуй меня». Встав после молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром, и за всеми князьями рус-

скими, и за воеводами великими. И сказал брату своему Владимиру, и всем князьям русским, и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и темного сыроядца Мамаю, за правую веру христианскую, за святые церкви, за всех младенцев, и старцев, и за всех христиан». <...>

И соединившись со всеми князьями русскими и со всею силою, пошел против них скоро из Москвы, намереваясь оборонять свою отчину, и пришел в Коломну, и собрал воинов своих 150 тысяч, кроме войска княжеского и воевод местных. От начала мира не бывало такой силы русских князей, как при этом князе. Было всей силы и всех войск с полтораста тысяч или с двести. Да еще к тому подоспели в ту пору военную издалека великие князья Ольгердовичи¹⁰, чтобы поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий и брат его, князь Дмитрий Брянский, со всеми своими воинами.

В то время Мамай стал за Доном, буйствуя, возгордившись и гневаясь со всем своим царством, и стоял три недели. Снова пришла князю Дмитрию другая весть. Сообщили, что Мамай за Доном собрался и в поле стоит, ожидая к себе на помощь Ягайла с Литвою, чтобы, когда соберутся вместе, победу одержать сразу. И начал Мамай посылать к князю Дмитрию дани просить... Христоролюбивый же князь, не желая кровопролития, хотел ему дань дать по христианской силе и по своему соглашению, как он соглашался с ним; а он не захотел, но думал гордо: ожидал своего нечестивого сообщника литовского. Олег же, отступник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, начал дань ему давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия. Князь же Дмитрий, узнав об обмане хитрого Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, что на своего владыку бесится, вздохнув из глубины сердца своего, сказал: «Господи, замыслы неправедных разрушь, а зачинающих войны погуби, не я начал кровь проливать христианскую, но он, Святополк новый¹¹; воздай ему, Господи, семью семь раз, потому что во тьме ходит и забыл благодать Твою; заостри, как молнию, меч мой, и будет судить рука моя, воздам месть врагам, и ненавидящим меня воздам, и напою стрелы мои кровью их. <...>

Кто Бог великий, кто Бог наш? Ты Бог, творящий чудеса, один». И окончив молитву, пошел он к Пречистой и к епископу Герасиму¹² и сказал ему: «Благослови меня, отец, пойти против окаянного этого сыроядца Мамаю, и нечестивого Ягайла, и отступника нашего Олега, отступившего от света в тьму». Святи-

тель же Герасим благословил князя и всех воинов пойти против нечестивых агарян. И пошел он из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа, возлагая надежду на милосердие Божие и на Пречистую Его Мать Богородицу, Приснодеву Марию, призывая на помощь чтимый крест. И пройдя свою отчину, великое свое княжение, стал у Оки при устье Лопасни, перехватывая вести от поганных. Тут приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич, и все воины остальные, которые были оставлены в Москве. И начали они перевозиться через Оку за неделю до Семенова дня в день воскресный и, переехав через реку, вошли в землю Рязанскую. И сам князь, в понедельник перешел брод со своим двором¹³, а в Москве оставил воевод своих у великой княгини Евдокии и у сыновей своих Василья, Юрья и Ивана – Федора Андреевича¹⁴.

Когда услышали в городе Москве, в Переяславле, в Костроме, во Владимире и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, настало в городе Москве унынье большое, и по всем пределам города поднялся плач горький, раздались рыдания. <...>

И кто не заплачет, слыша рыдания тех женщин и горький их плач? Ведь глядя на детей своих, каждая из них сама себе говорила: «Увы мне, бедные наши дети! Лучше было бы нам, если бы вы не родились, мы не страдали бы от горькой печали из-за вашей гибели. Почему мы виноваты в гибели вашей?»

Великий же князь пришел к реке Дону за два дня до Рождества Святой Богородицы¹⁵. И тогда подоспела грамота от преподобного Сергия¹⁶ и от святого старца благословение, в ней было написано благословение биться с татарами: «Чтобы ты, господин, пошел, поможет тебе Бог и Святая Богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем; победу дай нам, Господи, над врагами и помоги мне, оружием креста покори врагов наших, на Тебя надеясь, побеждаем, молясь Пречистой Твоей Матери». И сказав это, начал он полки устанавливать и одевал их в одежду праздничную, как великих ратников, а воеводы вооружали свои полки. Пришли они к Дону, стали тут и много раздумывали. Одни говорили: «Пойди, князь, за Дон», а другие сказали: «Не ходи, так как умножились враги наши, не только татары, но и Литва, и рязанцы». Мамай же, услышав о приходе князя к Дону и видя своих перебитыми, разъярился взором, помутился умом и распалялся лютою яростью, как змея некая, гневом дышащая. И сказал Мамай: «Двинь-

тесь, силы мои темные, власти и князья, пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия, пока не подоспеет к нам сообщник наш Ягайло со своею силою». Услышав о похвальбе мамаевой, князь сказал: «Господи, ты не повелел вступать в чужой предел, и я, Господи, не нарушил, а этот, Господи, окаянный Мамай, нечестивый сыроядец, как змей, к гнезду подошел, дерзнул на христианство, намереваясь кровь мою пролить, всю землю осквернить и святые Божии церкви разорить». И сказал: «...яви мне, Боже, славу Свою, и теперь, Господи, преврати печаль мою в радость и помилуй меня...»

Все это высказав, он сказал брату своему, и всем князьям, и воеводам великим: «Подошло, братья, время битвы нашей и пришел праздник Рождества Царицы, Матери Божьей Богородицы, всех небесных чинов Госпожи и всей вселенной; если оживем — мы для Господа, если же умрем за мир этот — мы для Господа».

И велел мосты мостить и о бродах разузнавать в ту ночь накануне праздника Пречистой Матери Божьей Богородицы. На следующий день, в субботу рано, 8 сентября, в самый праздник во время восхода солнца была тьма великая по всей земле, мгла, не было света от утра до третьего часа. И повелел Господь тьме отступить и дал свету прийти. Князь же великий приготовил свои полки великие, и все его князья русские свои полки подготовили, и великие его воеводы оделись в одежды праздничные, и случайности смертельные уничтожались. Трясение земли было страшное и ужас у людей, собравшихся издалека, с Востока и Запада. Пошли они за Дон в дальние части земли и быстро перешли за Дон, лютый и свирепый вдруг, так как основание земли сдвинулось от множества сил. Когда князь перешел за Дон в чистое поле, в Мамаеву землю на устье Непрядвы¹⁷, Господь Бог один вел его, и не было с ним Бога чужого. О, крепкое и твердое дерзание мужества! О, как он не испугался; не дрогнул от такого множества войск? Ведь поднялись на него три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. Однако всех этих он не испугался, нисколько не утешился, но вооружившись верой в Бога, укрепившись силой чтимого креста, оградившись молитвами Пресвятой Богородицы, помолился Богу. <...>

И было это в шестой час дня, начали появляться поганые измаильяне в поле: было ведь поле чистое и очень большое. И тут приготовились татарские полки против христиан, и встретились полки; и великие силы, увидав, пошли, и гудела земля, горы и холмы тряслись от множества воинов бесчисленных. Извлекли

они оружие обоюдоострое. И стали орлы собираться, как писано: «Где трупы, тут и орлы». Когда пришло время, прежде всего начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же великий князь сначала в сторожевых полках наехал на поганого царя Теляка¹⁸, названного воплощенным дьяволом Мамай; затем, недолго спустя, поехал князь в великий полк. И вот пошло великое войско Мамаево и вся сила татарская, и теперь великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, построив полки, пошел против поганых половцев со всеми войсками своими. Взглянул на небо умильными очами и вздохнув из глубины сердца, сказал он слово псаломское; «Братья, Бог нам прибежище и сила». И тотчас сошлись обе силы великие вместе надолго, и покрыли полки поле на десять верст от множества воинов, и была сеча ожесточенная и великая и бой упорный, сотрясение весьма великое: от начала мира сечи такой не бывало у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. Когда бились они с шестого часа до девятого, пролилась, как дождевая туча, кровь обоих – русских сыновей и поганых; пало бесчисленное множество трупов мертвых обоих; много русских было побито татарами и Русью татар, падал труп на труп и падало тело татарское на тело христианское. В другом месте видно было, как русини гнался за татаринном, а татарин этот настигал; смешались и перемешались, каждый ведь своего противника стремился победить.

И сказал Мамай сам себе: «Волосы наши разрываются, глаза наши не могут огненных слез источить, языки наши немеют, гортань моя пересыхает, и сердце останавливается, внутренности мои разрываются, колени мои изнемогают, а руки цепенеют». Что нам сказать или говорить, видя пагубную смерть? Одних разрубали мечом, других прокалывали сулицами¹⁹, третьих брали на копья. И оттого рыдания овладели москвичами. <...>

В девятый час дня взглянул Господь милостивыми очами на всех князей русских, и на крепких воевод, и на всех христиан, осмелившихся стать за христианство и не испугавшихся, как великие ратники. Видели верующие, как во время боя в девятый час ангелы помогали христианам и полк святых мучеников, воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки и трижды солнечный полк и пламенные их стрелы, которые летели на них; безбожные же татары от страха Божия и от оружия хрис-

тианского падали. И вознес Бог нашего князя на победу над ино-племенниками. А Мамай, в страхе затрепетав и сильно застонав, сказал: «Велик Бог христианский и велика сила его; братья Измаиловичи, незаконные агаряне, бегите непроторенными дорогами». И сам, обратившись в бегство, быстро побежал обратно к Орде. И услышав это, все его темные власти и князья побежали. Видя это, и прочие иноплеменники, гонимые гневом Божиим и одержимые страхом, от мала до велика бросились в бегство. Христиане, видя, как татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. <...>

У самого же великого князя можно было видеть: все доспехи его избиты и пробиты, но на теле его не было ни одной раны; а бился он с татарами лицом к лицу, став впереди в первой схватке. Об этом многие князья с воеводами много раз говорили ему: «Князь господин, не становись впереди биться, но сзади, или на крыле, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Как я скажу: братья, двинемся все до одного, а сам начну скрывать свое лицо и прятаться сзади? Не могу я так, но хочу как словом, так и делом прежде всех и перед всеми голову свою положить за свою братию и за всех христиан, чтобы и прочие, видя это, с готовностью проявляли смелость». Как он сказал, так и сделал: бился с татарами, став тогда, впереди всех; справа и слева от него дружину его били, самого его обступили вокруг, как обильная вода по обе стороны; много ударов ударило по голове его, и по плечам, и по животу, но от всех этих ударов Бог защитил его в день битвы <...> и таким образом среди многих воинов он сохранен был невредимым. «Не на лук мой надеюсь, и оружие мое не спасет меня, — как сказал пророк Давид, — Всевышнего сделал ты прибежищем твоим, не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телу твоему, так как ангелам своим велит Он о тебе — сохранить тебя на всех путях твоих, и ты не испугаешься стрелы, летящей днем».

Это произошло из-за наших грехов: вооружаются иноплеменники на нас для того, чтобы мы отступили от своих неправд, братоненавидения, сребролюбия, несправедливого суда и насилия; но милосерд Бог человеколюбец, не до конца прогневается на нас, не на веки враждует. <...>

Князь Дмитрий с братом своим Владимиром и с князьями русскими, воеводами, и прочими боярами, и со всеми оставшимися воинами, став в ту ночь на месте стана поганых, на костях та-

тарских, утерев пот свой и отдохнув от труда своего, великое благодарение принес Богу, давшему ему такую победу над погаными. <...> И многие князья русские и воеводы хвалебными похвалами прославили Матерь Божию Богородицу. И еще христоробивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплемениками, твердо боролась, мужественно проявляла храбрость и дерзнула по Боге встать за веру христианскую.

И возвратился он оттуда в богохранимый град Москву, в свою отчину, с победой великой... И многие воины его возрадовались, так как получили добычу большую, пригнали ведь с собою много стад коней, и верблюдов, и волов без числа и захватили вооружение, одежду и имущество. Сообщили князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реке разломал мост, а кто поехал с Донского побоища домой через его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, тех велел он задерживать, грабить и отпускать нагими. Князь Дмитрий за это хотел на Олега войско послать. Но вот неожиданно приехали к нему бояре рязанские и сообщили, что Олег бросил свою землю, а сам побежал с княгиней, с детьми и боярами, и очень умоляли они, чтобы он не посылал на них войска, а сами изъявили ему покорность и заключили с ним условия. Князь послушался их; принял их просьбу, войска на них не посылал, а на рязанское княжение посадил своих наместников. Тогда же Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с небольшой дружиной, видя себя побитым и бежавшим, посрамленным и поруганным. И снова гневался он, приходя в большую ярость, волновался, собрал оставшуюся свою силу и захотел еще сделать набег на Русь. Когда он так задумал, пришла к нему весть, что идет на него царь некий с востока Тохтамыш из Синей Орды²⁰. Мамай, который уже приготовил войско на нас, с этим войском готовым пошел против него, и встретились они на Калках²¹, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. <...>

Таков был конец Мамаю. А сам Тохтамыш, двинувшись, взял орду Мамаеву, и царицу его, и казну его, и улус весь взял, и богатство Мамаево разделил дружине своей. И тут же послов своих отпустил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, сообщая им о своем приходе, о том, как воцарился и как противника своего и их врага Мамаю победил, а сам, двинувшись, сел на царстве Волжском. Князья же русские посла его отпустили в Орду с почетом и дарами многими...

Примечания

¹ ...ордынский князь *Мамай*... – Татарский военачальник («темник») при золотоордынском хане Бердибеке (1357–1361 гг.). В 1379 г. захватил власть и стал фактическим правителем Золотой Орды до 1380 г.

² ...*Ягайло*... – Великий князь Литовский с 1377 г. В союзе с Мамаем выступил в 1380 г. против объединенных русских сил во главе с Дмитрием Донским.

³ ...*Олег Иванович*... – Рязанский князь, вступивший в сговор с Мамаем и Ягайлой против объединенных русских сил.

⁴ ...*Князя Дмитрия Ивановича*... – Великий Московский князь Дмитрий Иванович (1362–1389 гг.). За участие в Куликовской битве прозван Донским.

⁵ ...*брата его Владимира Андреевича*. – Владимир Андреевич Храбрый, князь Серпуховской и Боровский, двоюродный брат Дмитрия Ивановича.

⁶ ...*темных своих князей*... – Темными князьями, или темниками, у ордынцев назывались начальники больших отрядов. Тьма – десять тысяч.

⁷ ...*на реке Воже*. – Битва русских с татарами на реке Воже произошла в 1378 г. Это была первая победа русских над кочевниками...

⁸ ...*на Семенов день*... – 1 (14) сентября, день памяти Симеона Столпника.

⁹ ...*измаильянский род*. – Русские книжники называли так ордынцев, причисляя их, как и половцев, к потомкам библейского Измаила, сына Авраама и Агари.

¹⁰ ...*князя Ольгердовичи*... – Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились на службе у великого князя Московского. Андрей был князем Полоцким, Дмитрий – Брянским.

¹¹ ...*Святополк новый*... – Так назван Олег Рязанский, который презрительно сравнивается с князем Святополком Владимировичем, который после смерти отца своего захватил власть в Киеве и приказал убить своих братьев Бориса и Глеба.

¹² ...*пошел он к Пречистой и к епископу Герасиму*... – Речь идет об Успенском соборе в г. Коломне. Герасим – коломенский епископ.

¹³ ...со своим двором... - Имеется в виду дворовое войско, находившееся при особе великого князя.

¹⁴ ...Федора Андреевича. - Федор Андреевич Кошка, один из крупнейших московских бояр.

¹⁵ ...за два дня до Рождества святой Богородицы. - Праздник Рождества Богородицы отмечается 8 (21) сентября.

¹⁶ ...от преподобного Сергия... - Сергей Радонежский, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, видный церковный и политический деятель второй половины XIV в. Активно поддерживал национально-освободительную и объединительную политику Дмитрия Донского.

¹⁷ ...На устье Непрядвы... - Непрядва - приток Дона, впадающий в него с запада.

¹⁸ ...царя Теляка... - Золотоордынский хан с таким именем неизвестен.

¹⁹ ...сулицами... - Сулица - короткое метательное копье.

²⁰ ...Тохтамыш из Синей Орды. - Русские источники Синей Ордой называли Ак-Орду, занимавшую обширные степи в Казахстане и Западной Сибири. Тохтамыш был одним из ордынских царевичей.

²¹ ...на Калках... Место битвы с Тохтамышем «на Калках» точно не установлено.

Вопросы и задания

Дайте анализ «Летописной повести о побоище на Дону» примерно по следующему плану:

1. Какие силы встретились на Куликовом поле (состав лагерей противников)? Кто явился «Святополком новым» на Руси? В чем состоял «злой замысел» «окаянного Мамая» и «темных его князей»? (Сравните с замыслом Батыя в «Повести о разорении Рязани Батыем»).

2. Кто благословил Дмитрия Донского на битву? Как вы думаете, почему святые отцы, глашатаи и поборники мира, пошли на нарушение евангельской заповеди «не убий» и благословили русского полководца-христианина на кровавое побоище?

3. Когда началась и когда закончилась «вселенская» битва? Накануне какого великого православного праздника пришел на Дон князь Дмитрий Иванович?

Внимательно прочитайте описание «вселенской» битвы – земной и небесной. Как показывает автор участие в битве небесных сил бесплотных (тьма и свет в этот день, состояние земли и реки Дона накануне и во время сражения; помощь ангелов и святых мучеников)? Почему в тексте несколько раз отмечается праздничность одевания русских воинов?

Прокомментируйте описание кровопролитной сечи, ее жестокость.

4. Дайте анализ действий великого князя Дмитрия Ивановича накануне и во время битвы. Почему он «нисколько не утрашился» «множества войск», представляющих собой «три земли, три рати»? Как Господь Бог уберег славного полководца, великого князя Дмитрия Ивановича? Какими словами прославляет автор мужество князя Дмитрия Ивановича? (Сравните с похвалой великому князю Владимиру в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона.) Назовите средства художественной выразительности для прославления подвига Дмитрия Донского.

*5. Сопоставьте авторские характеристики Дмитрия Донского, Мамаю и его сообщников.

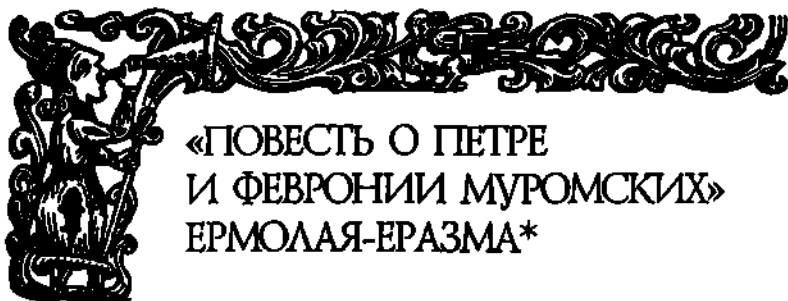
В чем греховная сущность Мамай, его низкое коварство?

Приведите факты, доказывающие христианский характер действий и помыслов князя Дмитрия Ивановича.

Какие литературные приемы использует автор, показывая непримиримость полководцев?

6. Каковы исторические и политические результаты Куликовской битвы?

7. Какие выводы о происшедшем великом событии делает автор: за что так страдает русский народ (сравните с мнением автора «Повести о разорении Рязани Батыем»)?

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» принадлежит известному писателю, публицисту XVI в. Ермолаю-Еразму, человеку очень образованному и талантливому. Интересна его судьба: вначале он был протопопом Дворцового Собора в Москве, а позже ушел в монастырь и постригся в монахи.

«Повесть о Петре и Февронии» основана на житийном рассказе XV в. Известно, что до середины XVI в. Петр и Феврония почитались как святые в городе Муроме, а в 1547 г. решением Московского Царского Собора были признаны общерусскими святыми.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

I

Есть в русской земле город, называемый Муромом¹. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел². Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею. Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть

* Печатается по: Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев; Под. ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. С. 305–313.

этого злодея. Не знаю – как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам, от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилоставишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою – какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал – что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его – не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч и пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат у нее сидит. И, пойдя от нее назад,

встретил он одного из слуг брата и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя, сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я отсюда, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпами, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжелой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц³.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где

хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимны плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимны плакать, про брата же сказала – «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И не единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к домуходишь, и стал бы лаять на тебя: это уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя тебя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это – очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец и мать пошли взаимны плакать – это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать – это плач взаимны. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат – древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется, поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь – кто может потребовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если

будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему обо всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно – князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей, пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ей хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же захотел испытать он в ответах – так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки⁴ поленце, принеси сюда». Он послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца, и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А разве возможно – взрослому

мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит – все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как в первый день.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божей заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, – говорил он, – окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она по-

обедала вместе с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не полагаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она ответит».

Лживые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатства, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещаю я вам, что, чего ни попросите – получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум – каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил... Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые бояре эти приготовили для них суда на реке – под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраниваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княжения отказался?» Правдивая же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и Заступник всех не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков, большие деревья с ветвями и листвою.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Муром, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая

все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божиим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда пришло время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих между собой тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышила лики святых на воздухе⁵ для соборного храма Пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, вот дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз послал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: однако у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала; и послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления решили люди тело блаженного Петра похоронить в городе у соборной церкви Пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и

поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме Пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которых они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви Пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами – в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: принадлежащие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им...

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая – писали о вас другие, сведующие более моего, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты Его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим.

Примечания

¹ *Муром* – один из древнейших русских городов, расположен на левом берегу Оки в пределах Владимирской области.

² Имена муромских князей Павла и Петра из других источников неизвестны. Некоторые исследователи предполагают, что имеются в виду князья – братья Владимир и Давид, правившие в Муроме с 1175 г., после смерти старшего брата Владимира (1203) на княжеском престоле остался Давид (ум. 1228).

³ В славянском обрядовом фольклоре *заяц* – один из атрибутов свадебной и любовной тематики.

⁴ *Грядка* – две жерди над печью для сушки лучины.

⁵ *Воздух* – покров для церковных сосудов.

Вопросы и задания

1. О чем рассказывается в «Повести...»? Из скольких частей состоит произведение? Озаглавьте каждую из них.

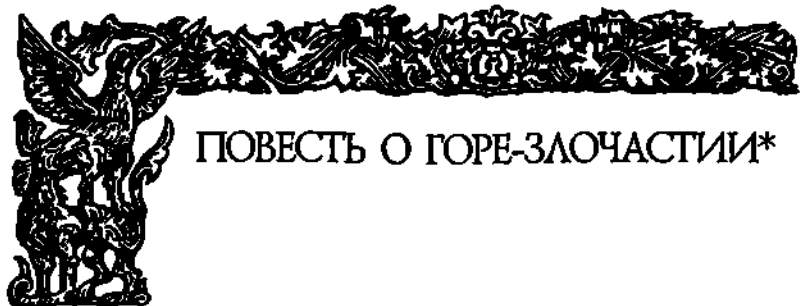
2. Почему Феврония выбирает себе в мужа князя Петра? Как вы думаете, какие чувства руководят ее поступками: любовь, страсть, голый расчет или что-то другое?

3. Что отличает Февронию от простых крестьянских девушек? Почему ей всегда удается достичь поставленной цели?

4. Каким предстает в «Повести...» князь Петр? Расскажите о его отношении к Павлу, о сражении со змеем. Как Петр относится к Февронии в начале «Повести...» и в конце?

5. Как рассказывается в «Повести...» о правлении Петра и Февронии в Муроме? Почему после смерти происходят чудеса на их похоронах и на могиле?

*6. Назовите черты, сближающие «Повесть» с народной сказкой и житием святых.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ*

«Повесть о Горе-Злочасти» написана неизвестным автором в XVII в. Это первое произведение русской литературы, которое широко решает задачи художественного обобщения, затрагивает «вечные» темы человеческой жизни и судьбы.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа Вседержителя
от начала века человеческого.

А в начале века сего тленного
сотворил Бог небо и землю,
сотворил Бог Адама и Еву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь Божественну:
не повелел вкушати плода виноградного
от едемского** древа великаго.

Человеческое сердце немысленно и неуимчиво:
предстился Адам со Еввою,

* Текст и примечания печатаются по: Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Дмитриев Л.А.; Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. С. 428–488.

** райское

позабыли заповедь Божию,
 вкусили плода виноградного
 от дивнаго древа великаго.
 И за преступление великое
 Господь Бог на них разгневался,
 и изгнал Бог Адама со Евою
 из святого раю из едемскаго,
 и вселил их на землю на нискую,
 благословил их раститися-плодиться
 и от своих трудов велел им сытым быть, от земных плодов.
 Учинил Бог заповедь законную:
 велел он браком и женитьбам быть
 для рождения человеческого и для любимых детей.
 Ино* зло племя человеческо;
 вначале пошло непокорливо,
 ко отцову учению зазорчиво,
 и к своей матери непокорливо,
 и к советному другу обманчиво.
 А се роди пошли слабы, добру убожливи**,
 а на безумие обратились
 и учили жить в суете и в неправде,
 в ечерине*** великое,
 а прямое смирение отринули.
 И за то на них Господь Бог разгневался, –
 положил их в напасти великия
 попустил на них скорби великия
 и срамныя позоры немерныя,
 безживотие**** злое, сопостатныя находы,
 злую немерную наготу и босоту,
 и безконечную нищету и недостатки последние,
 все смиряючи нас, наказуя
 и приводя нас на спасенный путь.
 Тако рождение человеческое от отца и от матери.
 Будет молодец уже в разуме, въ беззлобии,
 и возлюбил его отец и мать,

* но

** скудные на добро

*** в распре

**** нищета

учить его учили, наказывать,
 на добрые дела наставлять:
 «Милое ты наше чадо,
 послушай учения родительского,
 ты послушай пословицы добрая,
 и хитрая, и мудрая,
 не будет тебе нужды великия,
 ты не будешь въ бедности великой.
 Не ходи, чадо, в пиры и в братчины¹,
 не садися ты на место большее,
 не пей, чадо, двух чар за едину,
 еще, чадо, не давай очам воли,
 не прелшайся, чадо, на добрых красных жен,
 отеческия дочери,
 Не ложися, чадо в место заточное*,
 не бойся мудра, бойся глупа,
 чтобы глупыя на тя не подумали,
 да не сняли бы с тебя драгах порт**,
 не доспели бы*** тебе позорства и стыда великаго
 и племени укору и поносу безделнаго****
 Не ходи, чадо, к костарем² и корчемникам,
 не знайся, чадо, з головами кабацкими,
 не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми,
 не думай украсти-ограбिति,
 и обмануть-солгать, и неправду учинить.
 Не прелшайся, чадо, на злато и серебро,
 не збирай богатства неправого,
 не буди послух³ лжесвидетелству,
 а зла не думай на отца и мать
 и на всякого человека,
 да и тебе покрывает Бог от всякого зла.
 Не безчествуй, чадо, богата и убога,
 а имей всех равно по единому.
 А знайся, чадо, с мудрыми,
 и с разумыми водися,

* пустынное

** одежд

*** не причинили бы

**** поношения бесчестного

и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
Залез* он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла.
Друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг,
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными**,
завел его на кабацкий двор, завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и кружку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей, ты братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие.
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, –
я сяду стеречь и досматривать,
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему¹ сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, –
не хотелось ему друга послушатца:
принимался он за питья за пьяныя

* приобрел

** обманными

и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился,
понадеялся он на брата названного.

Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждается,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чары* и чулки все поснимано,
рубашка и портки – все слуплено**,
и вся собина*** у него ограблена
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою⁵ кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белый ноги,
учал молодец наряжаться:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое,
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое –
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полуденги,
так не стало ни друга, ни полдруга,
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.

* башмаки

** украдено

*** собственность

Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в избе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чудным образом*,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он крестится,
ведет он все по писанному учению, —
емлют его люди добрыя под руки.
посадили ево за дубовый стол,
не в большее место, не в меньшее, —
садят ево в место среднее,
где сядят дети гостинные**.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца,
молодец на пиру невесел сидит,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца,
и ни ем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец,
зачем ты на пиру невесел седиш,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
ни пьешь ты, ни тешишся,
да ничем ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или место тебе не по отчине твоей,
или малые дети тебя изобидили,
или глупыя люди немудрыя
чем тебе, молотцу, насмеялися,
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, добрый молодец:

* иконам

** купеческие

«Государи вы, люди добрыя!
 Скажу я вам про свою нужду великую,
 про свое ослушание родительское,
 и про питье кабацкое,
 про чашу медвяную,
 про лестное питье пьяное.
 Яз как принялся за питье за пьяное,
 ослушался яз отца своего и матери, —
 благословение мне от них миновалось;
 Господь Бог на меня разгневался
 и на мою бедность вели великия
 многая скорби неисцелныя
 и печали неутешныя,
 скудость и недостатки, и нищета последняя.
 Укротила скудость мой речистый язык,
 изсушила печаль мое лице и белое тело.
 Ради того мое сердце невесело,
 а белое лице уныливно,
 и ясныя очи замутились;
 все имение* и взоры** у мене изменилися,
 отечество*** мое потерялося,
 храбрость молодецкая от мене миновалася.
 Государи вы, люди добрыя!
 Скажите и научите,
 как мне жить на чужей стороне, в чужих людех,
 и как залести мне милых друзей?»
 Говорят молотцу люди добрыя:
 «Доброй еси ты и разумный молодец!
 Не буди ты спесив на чужей стороне,
 покорися ты другу и недругу,
 поклонися стару и молоду,
 а чужих ты дел не объявлявай,
 а что слышишь или видишь, не сказывай,
 не лсти ты межъ други и недруги,
 не имей ты упатки вилавья****,
 не вейся змиею лукавою,
 смирение ко всем имей и ты с кротостию,

* имущество

** вид, облик

*** достоинство

**** хитрые увертки

держиcя истинны с правдою,
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают*
и учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,
названныя братья надежныя».
О отуду пошел, пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума
наживал он живота** болшы старова,
присмотрил невесту себе по обычаю –
захотелоя молотцу женитися.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу
и по Божию попущению,
а по действи дияволю, –
пред любовными своими гостми и други
и названными братья похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочаствие
хвастанье молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудрея тебя и досужае***,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочаствие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочасти позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,

* узнают

** богатство

*** более искусные

и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось
а злочастье на их въ могиле осталось.
Еще възгряло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусе же жить –
хочю я, Горе, в людях жить
и батагом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой –
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и серебра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное*,
надежи** ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца.
да то злое Злочастье останетца***
за нагим-то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодец не поверовал,
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
по-прежнему явилось,
еще вновь Злочастье привязалось:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,

* купеческое

** надень

*** отстанет

а ты, удал молодец, и так живешь.
 Да не бьют, не мучат нагих-босых
 и из раю нагих-босых не выгонят,
 а с тово свету сюды не вытепут*,
 да никто к нему не привяжется,
 а нагому-босому шумить розбой!»
 Тому сну молодец он поверовал,
 сошел он пропивать свои животы,
 а скинул он платье гостинное,
 надевал он гунку кабацкую,
 покрывал он свое тело белое.
 Стало молотцу срамно появиться своим милым другом
 Пошел молодец на чужу страну, далну, незнаему
 На дороге пришла ему быстра река,
 за рекою перевошки,
 а просят у него перевозного,
 ино дать молотцу нечево,
 не везут молотца безденежно.
 Седит молодец день до вечера,
 миновался день до вечера, ни дообеднем,
 не едал молодец ни полу куса хлеба.
 Вставал молодец на скоры ноги,
 стоя, молодец закручинился,
 а сам говорит таково слово:
 «Ахти мне, Злочастие горинское!
 До беды меня, молотца, домыкало:
 уморило меня, молотца, смертью голодную –
 уже три дни мне были нерадошны,
 не едал я, молодец, ни полукуса хлеба.
 Ино кинусь я, молодец, в быстру реку –
 полощь мое тело, быстра река,
 ино еште, рыбы, мое тело белое!
 Ино лутчи мне жития сего позорного,
 уйду ли я, я у Горя злочастного?»
 И в тот час у быстри реки
 скоча Горе из-за камени:
 босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
 еще лычком Горе подпоясано.
 Богатырским голосом воскликало:

* не вытолкают

«Стой ты, молодец,
меня, Гора, не уйдеш никуда!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое,
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала!
О чем* тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучу я, Горе злочастное,
не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаряться».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Гора, мудрея на сем свете,
и ты будеш перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучую,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику.
Идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудрецы розчесывала,
драгими порты меня одеяла

* почему

и отшед под ручку посмотрела —
хорошо ли мое чадо в драгих портах?
А въ драгах портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила!
Ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату⁶ без мастера,
не утешити детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славе доброй:
Завечен⁷ я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою^{*}.
Услышали перевозики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взяли у него перевозного,
напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися^{**} ты с своими родителями,
со отцем и матерью,
возьми от них благословение родительское».
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистом поле молотца вьстретило,
учало над молодцем грятти,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злостное, привязалось,
хоть до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,

^{*} головешкою

^{**} попроси прощения

все мы гладкие, умильные,
а кто в семью к нам примешается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и летчая
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми выжлецы*.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастье над молотцем насмехался:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастье насмеялося:
«Быть тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с камнем в воду посадили.
Спомятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастырь пошел постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь, не привяжетца.
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай там, Господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

* собаками

Примечания

- ¹ *Братчина* – праздничный пир вскладчину.
 - ² *Костарь* – игрок в кости.
 - ³ *Послух* – свидетель, дающий показания в суде.
 - ⁴ *Ишем* – хмельной напиток из меда.
 - ⁵ *Гуля* – верхняя ветхая одежда, обноски.
 - ⁶ *Скарлат* – название дорогой ткани.
 - ⁷ *Завеченный* – рожденный по заветному желанию, вымоленный у Бога.
-

Вопросы и задания

1. Прочитайте «Повесть...», стараясь себе представить все ее эпизоды и сцены в лицах. Составьте план, озаглавив каждую часть. Назовите героев и персонажей. Дайте краткий пересказ сюжета.

2. Давайте рассмотрим несколько сюжетно-тематических линий повести.

Первая. Молодец и родители.

Покажите, что все повествование согрето взаимной любовью Молодца и родителей, назовите эпизоды, где это наиболее ярко выражено.

Обратите внимание на песенку, которую напевает Молодец. Какая бытовая зарисовка в этой песенке делает чувство любви родителей и сына ощутимым, наглядным для читателя?

Вторая. Молодец и окружающие его люди.

Люди, с которыми встречается Молодец, как вы видите, делятся на две резко противоположные категории: добрых, которые наставляют молодого человека на путь истинный, и злых, постоянно обкрадывающих его. Добрые люди нигде не встречаются с родителями Молодца, но незримыми нитями они связаны с ними и с Богом. Как вы обнаруживаете эти связи в тексте?

Обозначьте внутренние связи, существующие между недостойными людьми и Горем-Злочиастием.

Некоторые мудрецы утверждают: вне нас нет ничего такого, чего бы не было внутри нас. Внешнее равно внутреннему. Если

следовать этому положению, помнить, какая борьба за душу Молодца разгорается вокруг него, — то что же за битва происходит в душе героя? Расскажите о ней.

Третья. Молодец и Горе-Злочастье.

Докажите, что Горе-Злочастье — это темные, бесовские силы. В каких действиях это выражается? Кроме того, найдите строки, где Горе-Злочастье, выступающее как одно лицо, вдруг разделяется на два: Горе и Злочастье. Такое внезапное разделение, характерно для бесов. Об этом нам рассказывают произведения фольклора и духовной литературы.

Проследите, как скрытно, воровски подкрадывается Горе-Злочастье к Молодцу и исподволь овладевает его душой и сознанием.

Как вы думаете, почему Горе-Злочастье одержало победу над Молодцем, хотя к этому времени Молодец стал взрослее, самостоятельнее, разумнее, нежели он был раньше?

Какой путь выбирает Молодец, чтобы избавиться от своего смертельного врага?

3. Теперь давайте вместе разберемся в одном очень важном вопросе: чем по смыслу связаны начало и конец произведения?

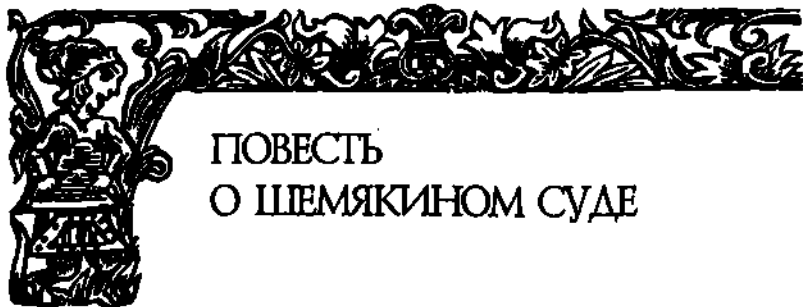
а) Обратите внимание на зачин «Повести», определите границу между концом зачина и непосредственно началом повествования. Разделите зачин на смысловые части. За что и как Господь наказывает людей?

б) Почему Молодец самостоятельно не может избавиться от Горе-Злочастья? Чем ему поможет жизнь в монастыре? (Не будем забывать, что жизнь человека в монастыре настраивает его на искреннее покаяние.)

Теперь постарайтесь ответить на вопрос: как же связаны начало и конец повести?

4. Как вы думаете, почему в повести нет ни одного имени собственного?

5. Как автор относится к своему беспутному герою?

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

Эта повесть датируется XVII в. По мнению ученых, она возникла, видимо, на основе записей устных русских сказок. В то же время сюжет повести относят к так называемым «бродячим», т. е. кочующим из страны в страну. Однако «Повести о Шемякином суде» придают черты именно русского национального быта и общественной жизни этого времени.

В некоем месте проживали два брата земледельца: один богат, другой убог и беден. Богатый ссужал много лет убогого, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени приходит бедный к богатому просить лошадь — на чем бы себе дров привести. Брату же не хотелось давать лошадь и говорит ему: «Много тебе, брате, ссужал, а поправить не мог». И когда дал ему лошадь, он же, взяв, начал у него и хомут просить. И обиделся на него брат, начал поносить убожество его, говоря: «И того у тебя нет, что (даже) своего хомута». И не дал ему хомут.

Пошел убогий от богатого, взял свои дровни, привязал ко хвосту лошади, поехал в лес (за дровами) и привез (их) ко двору своему. И, забыв выставить подворотню, ударил лошадь кнутом. Лошадь же изо всей мочи бросилась через подворотню с возом и оторвала у себя хвост.

И привел убогий к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего отчитывать, что лошадь, у него выпросив, испортил. И не взяв лошадь, пошел на него бить челом в город к Шемяке судье.

Брат же убогий, увидев, что брат его пошел на него бить челом, пошел и сам за братом своим, зная, что будут за ним из города посылать, а не идти, то будет пошлину за проезд приставам платить.

И приходят оба к некоему селу, не доходя до города.

Богатый пошел ночевать к попу того села, поскольку (был он) ему знаком. Убогий пришел к тому же попу, а придя, лег у него на полати. А богатый начал рассказывать о гибели своей лошади — чего ради в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, убогого же не позвали с собою есть. Убогий же стал с полатей смотреть, что поп с братом его едят, и сорвался с полатей на колыбель и придавил попова сына до смерти. Поп так же поехал с братом в город бить челом на убогого за смерть сына своего.

И приходят к городу, где жил судья. Убогий же за ними идет. Пошли через мост в город. Некто из жителей этого города вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, думая себе, что погибель ему будет от брата и от попа, умыслил себя смерти предать: бросился прямо с моста в ров, желая разбиться насмерть. Бросившись, упал на старика, придавил отца у сына до смерти. Его же схватили, привели к судье.

Он же размышлял, как бы ему напастей избавиться и судье что бы дать. И ничего у себя не найдя, придумал: взял камень, завернул в платок и положил в шапку, (с тем и) стал перед судьею.

Принес же брат его челобитную на него исковую в лошади и стал на него бить челом судье Шемяке.

Выслушал же Шемяка челобитную, говорит убогому: «Отвечай!» Убогий же, не зная, что говорить, вынул из шапки тот завернутый камень, показал судье и поклонился. Судья же надеялся, что убогий ему по делу посулил (взятку), говорит брату его: «Коль он лошади твоей оторвал хвост, ты у него лошади своей не бери до тех пор, (пока) у лошади вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время у него лошадь свою возьми».

И потом начался другой суд. Поп стал искать за смерть сына своего, что сына у него придавил. Он же опять вынул из шапки тот же завернутый платок и показал судье. Судья же увидел и подумал, что по второму суду другой узел злата сулит, говорит попу: «Коль-де у тебя ушиб сына, (то) ты-де отдай ему свою жену попадью до тех пор, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время и возьми у него попадью с ребенком».

И потом начался третий суд: что, бросившись с моста, ушиб сына отца. Убогий же, вынув из шапки тот же завернутый в платок камень, показал втретье судье. Судья, понадеясь, что по третьему суду третий узел ему сулит, говорит тому, у кого убит отец: «Взойди ты на мост, а убивший отца твоего станет под мос-

том, и ты с моста кинься сам на него – так же убей его, как он отца твоего».

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа. Стал богатый у убогого просить свою лошадь. Он же ему отвечает: «По судейскому указу как-де у нее хвост вырастет, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богатый дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы только отдал и без хвоста. Он же взял у брата своего пять рублей и лошадь его отдал.

Тогда же убогий начал у попа просить попадью по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтобы у него попадьи не взял. Он же взял с него (за это) десять рублей.

Тогда убогий стал и третьему истцу говорить: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и на меня так же бросься, как и я на отца твоего». Он же размышляет про себя: «Броситься мне – и его-де ушибить, и себе разбиться». Стал и тот с убогим мириться: дал ему мзду, чтобы броситься на себя не велел.

И со всех троих себе взял. Судья же выслал человека к ответчику и велел у него показанные три узла взять. Человек судьи стал у него (убогого) показанные три узла требовать: «Дай-де то, что ты из шапки судье показывал в узлах, велено у тебя то взять». Он же вынул из шапки завязанный камень и показал. И человек у него спрашивает: «Что-де ты камень показываешь?» Ответчик же говорит: «То судье и показывал. Я-де того ради этот камень судье показывал, что кабы он не по мне судил, то хотел я тем камнем его зашибить». И вернулся человек и рассказал о том судье. Судья же, услыша (то) от человека своего, молвил: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил. Кабы я не по нем судил, то он бы и меня зашиб».

Вопросы и задания

1. Назовите героев и персонажей повести, истцов и ответчика. В чем заключается конфликт произведения?

2. Обратите внимание на композицию повести: покажите, как три разные анекдотические ситуации, завязавшись в один узел, находят свое разрешение.

3. Как вы считаете, почему бедный человек, ответчик на суде, постоянно называется убогим? Дайте его характеристику. Чем вы можете объяснить явную симпатию к нему народа?

*4. В чем вы видите комедийный характер первой ситуации и трагико-комедийный двух последующих?

5. Дайте свои варианты по-настоящему справедливых судебных решений. Как бы вы поступили на месте судьи Шемяки?

6. Почему сцену суда и повесть в целом можно назвать сатирической? Кто и за что довольно зло высмеивается в повести? Почему выражение «шемякин суд» стало на Руси уже очень давно нарицательным? Что оно означает?

7. Прочитайте поэтическую сказку, созданную на фольклорной основе, писателем XIX в. Ф. Б. Миллером. Какие конкретные детали дополнительно вносит автор в сцены быта и суда, обрисовку характеров героев и персонажей?

8. Прочитайте басню И. А. Крылова «Крестьянин и лисица». Что в ней общего с «Повестью о шемякином суде»?

О суде и судьях

Ф. Миллер

Судья Шемяка

«Помоги мне, братец, – просит брат убогой, –
Не оставь, родимый, милостью премногой!
Вот уж наступают выюги с холодами;
Одолжи лошадку съездить за дровами».
– «Ох, как надоело мне с тобой возиться!
Век ты будешь плакать, век ты будешь биться.
Видно, сам уж плох ты, пропил, знать, деньжонки,
Что купить не можешь клячи-лошаденки.
Счастлив, что пришел ты, как иду к обедни;
Так и быть, возьми уж, только знай – в последний!
Приведешь – и больше к моему порогу
Ни ногою, слышишь? Прогоню, ей-богу».
Взял бедняга лошадь. «Дай уж оголовок», –
Просит он у брата. «Ишь ты, больно ловок!
За него вечор лишь деньги отдал сам я;
Оголовок знатный, нет, его не дам я –
Изорвешь, испортишь, буду я в изъяне».–
«Дай, ведь не к хвосту же привязать мне сани».
«Делай там как знаешь, людям поклонися;
Где-нибудь достанешь, только отвяжися».

Так сказав, богатый бедняка оставил;
Бедный, взявши лошадь, путь домой направил.
Думает он думу: как бы сани справить,
Чтоб дрова из лесу до дому доставить?
Повезет ли лошадь? Ведь без хомута-то
Воз тащить тяжелый будет трудновато.
Ну, да уж устрою – я ведь парень ловкой;
Ей к бокам оглобли привяжу веревкой,
А чтоб не съезжали, я свяжу ремнями
Как-нибудь покрепче хвост ее с санями,
Справил – и поехал в рощу за дровами.
Нагрузивши дровни, по дороге гладкой
Тянет их до дому рядышком с лошадкой.
Всё идет как надо, вот и дотащились;
Только вдруг за что-то сани зацепились.
«Эй, ну-ну! – кричит он, – вывози, родная!
Тут уж недалечко, дам тебе сенца я».
Палкой замахнулся: «Ну же, ну, тащися!»
Конь рванул всей силой – хвост и оборвися.

Как наутро лошадь увидал богатый, –
«Что ты с нею сделал? Что в ней без хвоста-то? –
Закричал он грозно. – Это, брат, неладно;
Этак одолжать вас будет мне накладно.
Мы пойдем к Шемяке: пусть он нас рассудит
И тебя за лошадь заплатить принудит».
И пошел к Шемяке с братом брат убогой.
Путь их был не близок: снежною дорогой
Шли они всё утро и, устав немало,
Завернули оба в сельское кружало.
Богача хозяин встретил с уважением:
Кланяется в пояс – с нашим, мол, почтеньем;
И вина, и пива гостю предлагает,
Бедняка же будто вовсе и не знает.
К богачу подсевши, пьет он с ним, гуторя;
А бедняга на печь завалился с горя,
Чтоб заспать свой голод. Слушая их речи,
Он вздремнул немного – и свалился с печи.
Как на грех, ребенок спал тут той порою;
Он его, упавши, придавил собою...
«Ах ты, душегубец! ах, беспутный Каин!
Что ты тут наделал? – кричал хозяин. –

Этого, брат, дела так я не оставлю,
И на суд к Шемяке я тебя представлю». -
«Что ж, пойдем к Шемяке, знать такая доля, --
Отвечал бедняга, - буди Божья воля!»
И пошли все трое; а меж тем дорогой,
Закручинясь, думу думает убогой:
«Что ж теперь мне делать? Ведь меня засудят!
Пропаду я, бедный! Эх, уж будь, что будет:
Брошусь-ка я с моста и покончу разом!»
(У бедняги с горя ум зашел за разум.)
Вот подходят к мосту; он перекрестился
И через перила вдруг перевалился.
Под мостом в ту пору сани проезжали.
Двое мужичков в них песни распевали.
Вдруг на них свалился будто куль тяжелый -
И замолкли звуки песни их веселой.
Крик бедняга слышит: «С нами крестна сила!»
Голову приподнял - перед ним верзила,
Парень здоровенный, в бок его толкает,
И ругает крепко, и с саней пихает;
А под ним, уткнувшись в сено головою,
Кто-то тяжело стонет и хрипит порою.
Понял он, в чем дело, - и давай Бог ноги;
Но верзила парень стал середь дороги.
«Глянь, что ты наделал, лиходеи треклятый!
Ведь пришиб до смерти моего отца ты.
Ты за это дело мне ответишь, милый,
И тебя к Шемяке потащу я силой». -
«Что ж, пойдем к Шемяке: пусть он нас
рассудит! -
Говорит убогой. - Двух смертей не будет».
Идут они в город вчетвером. Дорогой
Грустно так повесил голову убогой:
Думает, гадает, как бы умудриться,
Чтоб от наказания строгого отбиться.
Он с дороги камень поднял с думой злою
И, в мошну засунув, спрятал под полою.
На высоком стуле важно заседает
В храмине Шемяка и свой суд вещает.
И с благоговеньем пред судьей строгим,
Кланяясь, предстали три истца с убогим.

Первый свою просьбу изложил богатый.
«Что ответить можешь на слова истца ты?» -
Вопросил Шемяка. Тот, взамен ответа,
Лишь потряс мошною: посмотри, мол, это!
«А! - смекнул Шемяка. - Это он сотнягу
Мне за суд мой сулит. Выручу беднягу!»
«Вот мое решение, - говорит. - От брата
Ты с хвостом, не так ли, получил коня-то?
Посему и должен ты радеть о том же,
Чтоб ему скотину возвратить с хвостом же.
Того ради конь сей должен находиться
При тебе, доколе хвост не отрастится».

Тут судье хозяин сельского кружала
Жалобу представил. Не смутясь нимало,
На вопрос Шемяки бедный, без ответа,
Лишь потряхнул мошною: посмотри, мол, это.
И Шемяка сметил: «Вот еще сотнягу
Мне за суд он сулит. Выручу беднягу!»
И сказал: «Вот слушай, как в случае оном
Поступить ты должен, следуя законам:
У него ребенка ты убил родного,
Так с его хозяйкой приживи другого».

Тут с поклоном третий подает прошение
И судью Шемяку молит о решение.
На вопрос Шемяки бедный, без ответа,
Вновь трясет мошною: посмотри, мол, это!
И Шемяка сметил: «А, еще сотнягу
Мне за суд он сулит. Выручу беднягу!»
И сказал в раздумье: «В преступление оном,
Знай, сугубо винен ты перед законом:
Срамно посягая на себяубийство,
Ты, живым оставшись, совершил убийство.
А как отца сыну уж не возвратишь ты,
То за преступление смерти подлежишь ты.
Ляг же ты под мостом; он же, на мост ставши,
Пусть тебя задавит, на тебя упавши».

Весело выходит от судьи убогой;
Те ж в душе Шемяку всё клянут дорогой.
«Что ж, любезный братец, - говорит бедняга, -
Подавай коня-то!» - «Нет, зачем, сердяга;

Я уж передумал. Нам бы помириться!
Конь, хоть и бесхвостый, всё ж мне пригодится.
Дам тебе деньжонок -- разживайся с Богом,
И вперед, пожалуй, пригожусь во многом».
Бедный согласился, с братом помирился,
А потом к другому с речью обратился:
«Ну, тебе с хозяйкой надо, знать, расстаться». –
«Нет, я передумал; что с тобой возжаться!
Мне детей не надо, – с ними только горе;
Лучше помиримся и, со мной не споря,
Вот возьми кобылу – славная лошадка –
Да рублёв десяток, так уж, для придатка». --
«Нет, я не согласен: подавай полсотни
Иль отдай хозяйку, – что тебе вольготней».
Но расстаться с нею было не под силу,
Отдал он бедняге деньги и кобылу.
Тут убогий с третьим начал разговоры:
«Ох, как горько слушать мне твои укоры!
Видно, на сем свете не жилец я боле!
Ну, ступай-ка на мост да скачи оттоле». –
«Нет, я передумал! Что с тобой возиться:
На тебя скакавши, сам могу убиться.
Убирайся с Богом!» – «Нет, родимый, дудки!
Мы с тобой ходили в суд ведь не для шутки:
Ты хотел обидеть горького беднягу,
Так скачи, брат, с моста иль подай сотнягу».
Как ни спорил парень, как он ни бранился,
Всё ж таки на сотне с бедным помирился.

Вот домой приходит бедный развеселый.
Уж не будет знаться он с нуждой тяжелой.
Станет жить как люди, голод позабудет
И в миру считаться хуже всех не будет.
А меж тем Шемяка дани поджидает
И к нему за нею парня посылает.
«Что ж, приятель, так-то держишь обещанье?
Что сулил Шемяке ты за оправданье?» –
«Что ж ему сулил я?» -- «Три мошны с казною,
В каждой по сотняге». -- «Что ты! Бог с тобою!
У меня в мошне той грош не заводился,
А лежал вот камень – им я и грозился;

Коль меня в ту пору он не оправдал бы,
Я вот этим камнем в гроб его вогнал бы».
Как узнал Шемяка о таком ответе,
Отслужил молебен, что живет на свете.

1873

И. Крылов

Крестьянин и лисица

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть

Кур красть?» –

Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.

«Я, право, о тебе жалею!

Послушай, мы теперь вдвоем,

Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём

Ни на волос добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грех и стыдно

И что бранит тебя весь свет;

Да дня такого нет,

Чтоб не боялась ты за ужин иль обед

В курятнике оставить шкуры!

Ну, стоят ли того все куры?» –

«Кому такая жизнь сносна?»

Лисица отвечает:

«Меня так всё в ней столько огорчает,

Что даже мне и пища не вкусна.

Когда б ты знал, как я в душе честна!

Да что же делать? Нужда, дети;

Притом же иногда, голубчик-кум,

И то приходит в ум,

Что я ли воровством одна живу на свете?

Хоть этот промысел мне точно острый нож». –

«Ну, что ж?»

Крестьянин говорит: «коль вправду ты не лжешь,

Я от греха тебя избавлю

И честный хлеб тебе доставлю,

Наймись курятник мой от лис ты охранять:

Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?

Зато ни в чем не будешь ты нуждаться

И станешь у меня как в масле сыр кататься».

Торг слажен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса,
Пошло у мужика житье Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
 Лисица стала и сытей,
 Лисица стала и жирней,
 Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночьку потемней,
У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть, и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.

ИЗ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА*

«Житие», созданное протопопом Аввакумом (1621–1682) о собственной жизни и страданиях за свою веру, – произведение уникальное. Оно знаменует собой окончание эпохи Средневековья в древнерусской литературе, разрушает ее вековые каноны и одновременно открывает первую страницу литературы Нового времени.

«Житие» написано в 1672–1675 гг., в смутное время царствования «тишайшего» царя Алексея Михайловича (XVII в.) в адовых условиях подземного сруба на краю земли за Полярным кругом [В 1646–1647 гг. протопоп Аввакум выступил против реформ Никона. В 1653 г. сослан с семьей в Тобольск, затем в Даурию. В 1663 г. возвращен в Москву, где продолжил борьбу с официальной церковью. В 1666–1667 г. осужден на церковном Соборе и сослан в Пустозерск. По царскому указу сожжен вместе с единомышленниками в срубе в апреле 1682 г.]

[«Всесвятая Троице Боже и Содетелю
всего мира!.. управи ум мой...»]

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием¹, – понеж отец ему духовный инок, – да не забвению предано будет дело Божие; – и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему. Аминь.

* Текст и примечания печатаются по кн.: Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. С. 487–487, 506–512, 514, 521–523.

Текст «Жития» предлагается в извлечениях. Для удобства работы в школьных условиях материал разделен на части и условно озаглавлен (сост. ... В. П.).

Всесвятая Троице Боже и Содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хошу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: упрavi ум мой и утверди сердце мое приготовится на творение добрых дел, да добрыми делы просвещен, на судище* десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. <...>

[«Твой корабль!»]

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове². Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока** Марфа. Отец же мой прилежаще пития хмельно-ва; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той нощи возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, и я осиротел малод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божий тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвиже велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в полах осмь лет и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадцать лет минуло; и всего тридцать лет, как имею священство.

А егда в полах был, тогда имел у себя детей духовных много — по се время сот с пять или шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране сибирской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретьятцеть.

* на Страшном суде

** в монашестве

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою³, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошед в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришел во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяжело, неудобно носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забывшся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвечали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодные. А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, – его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидя на нем отвечал: «Твой корабль! на, плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах и, седше, разсуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?» <...>

[«А я по городам паки людей Божиих учия...»]

<...> Царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить, любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был; «Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку

опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталось тут, токмо с женою и детьми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей Божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

[«Соединись с нами, Аввакумушко!»]

Полтора года держав, паки одново к Москве възяли, да два сына со мною – Иван да Прокопей – съехали же, а протопопица и прочий на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь⁴. И туды присылка была, – тож да тож говорят: «Дольго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску им тут з бранью з большою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма – та не знаю коего духа человек; въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты старова-тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпиш; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молить*, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна: болши тово нечева мне делать с ним, ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеппи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стяжався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьяконе Феодора⁵, потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь⁶. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? Вольки-то есть, не жалуют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лъбу. <...>

* молить -- сказать

[«И царь приходил в монастырь...»]

Держали меня у Николы в студеной полатке семнадцать недель. Тут мне Божие присечение бысть; чти в цареve послании, тамо обряшеши. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постовав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля Божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху* у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленкая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставшихся. Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынский⁷, бедной князь Иван, тут же без царя молитца приезжал: а ко мне просился в темницу, ино не пустили горюна; я лишю, в окошко глядя, поплакал на него. Миленький мой! Боится Бога, сиротинька Христова: не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря-те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь зделаеш, коли Христос попустил! Князь Иван миленкова Хованьскова⁸ и батожем били, как Исаию сожгли. А боярону-то Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужем развели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленких! Мучася, Небеснаго Жениха достигнут. Всяко-то Бог их перепроводит век сей суетный и присвоит к себе Жених Небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала. <...>

[«Бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос!»]

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов,

* во дворце

и наши все тут же, что лисы, сидели, – от Писания с патриархами говорил много. Бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша палестина – и серби, и альбанасы, и волохи⁹, и римляне, и ляхи, – все-де тремя перьсты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорьстве и крестисся пятью прьсты! Так-де не подобает!» И я им о Христе отвещал еще: «Вселенъстии учителяи! Рим давно упал и лежит несклонно, и ляхи с ним же погигбли, до конца враги быша христианом. А и у вас православие пестро стало от насилия турьскаго Магмета, – да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержьство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон – вольк со дяволом предали трема перьсты креститца, а первые наши пастыри, яко же сами пятью перьсты крестились, также пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших. <...> И патриарьси задумались; а наши, что вольчонки, вскоча, завьили и блевать стали на отцов своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоны-де люди были, – чему им верить? Оне-де грамоте не умели!» О, Боже святой! Како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!» Так на меня и пуши закричали: «Возми, возми его! Всех нас обезчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было, – велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров¹⁰ да потащил, и я закричал: «Постой, – не бейте!» Так оне все отскочили. И я тольмачю-архимариту¹¹ говорить стал: «Говори патриархам, – апостол Павел пишет: – таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, ... и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать* станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям, да набок повалился: «Посидите вы, а я полежу», – говорю им. Так оне смеются: «Дурак-де протопол-от! И патриархов не почитает!»

* совершать литургию

И я говорю: «Мы уроди* Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы силни, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуя стали говорить со мною. <...>

Да и повели меня на чеп.

[«Увы, бедные никонияня!»]

Потом полуголову царь прислал со стрелками, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же – священника Лазоря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и путче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава.

[«...со отступниками не соединюся!»]

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многожды присыланы были, Артемон и Дементей¹² и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоего благословения и с царицею и с чады, – помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня, – соединишь со вселеньскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрети ми Бог изволит, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесняя, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-де ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем Бога молю.

* глупцы

[«И за вся сия присланы к нам гостинцы...»]

Таже, братию казня¹³, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богзнамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание¹⁴ послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных, – преждедеченного Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов христовых. Лука-та московской жилец, у матери-вдовы сны был единочаден, усмарь^{*} чинном, юноша лет в полтретьятцеть, приехал на Мезень по смерть з детми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, спросил его Пилат¹⁵: «Как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренно-мудро: «Я так верую и крещуся, слагая перьсты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум».

Пилат же повеле его в темницу затворите, потом, положи петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная възде. Болши тово что ему могут зделать? Аше и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко Владыке. Хотя бы и старой так догадаться! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерти! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть – недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, изшед вон, плакася горько, и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

^{*} кожевник

[«Дивна дела Господня и неизреченны судьбы Владычни!»]

По сем той же полуголова Иван Елагин¹⁶ был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сие реченно: год и месяц, и паки, — мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестиньскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многогко, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место.

По сем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопровит тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней восм и болши, да братья паки есть велели.

По сём Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из гортла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Также, положи правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама перьсты по преданию и долго лежала так пред народы, исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третьей день у нево во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все — без языка, а не болит. Дал Бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая...

Дивна дела Господня и неизреченны судьбы Владычни! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человею во мгновении ока воскресит. Да кто о том разсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем! <...>

Также осыпали нас землею: труб в земле, и паки около земли другой труб, и паки около всех общая ограда за четырьми замьками: стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящий в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном Божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирьсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

[«Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить...
...волею зовет Христос...»]

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаню сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят прийти; огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апастолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апастолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но Господ ем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарьской Бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны, яко шиши* антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? <...> Ну-тко, правоверие, нарцы** имя Христово, стань среди Москвы, перекрестися знаменiem Спасителя нашего Христа пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе Царство Небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перьст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умерети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть... А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить, — крест на церкви и на просвирах переменить, . . в крещении явно духу лукавому молитца велят, — я бы им и с ним в глаза наплевал, — и около купели против солнца лукаво-ет их водит; такоже и церкви свята, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят, явно противно творят, — а в крещении и не от-

* лазутчики, соглядатаи

** нареки, назови

рицаются сатоны. Чему быть? – Дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! Вся горная долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Арьсен¹⁷, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражушим от них вечная память 3-ж!»

[«Простите же и молитесь о мне...»]

По сем у всякого правовернаго прощения прошу; иное было кажется, яро житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, – апостоли о себе возвещали же, егда что Бог сделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ничто ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной». Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною – или благая, или злая. По аше и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом. <...>

Примечания

¹ *Епифаний* – «соузник», духовный отец Аввакума. Был сожжен вместе с Аввакумом, ему принадлежит собственное автобиографическое «Житие», написанное также в Пустозерске.

² *Григорово* – ныне село с тем же названием Больше-Мурашкинского района Нижегородской области.

³ *Налой* – аналой: высокий, с покатым верхом столик, применяемый в церковном обиходе. На него кладутся богослужбные книги и другие церковные принадлежности.

⁴ *Пафнутьев монастырь* – около города Боровска Калужской области.

* трижды

⁵ Расстрижение Аввакума и дьякона Федора происходило 13 мая 1666 г. Дьякон Федор Иванов, один из видных деятелей старообрядчества, сожжен в Пустозерске вместе с Аввакумом.

⁶ Никольский монастырь на Угреше, под Москвой.

⁷ Князь И. А. Воротынский, ум. 1679 г.

⁸ Князь И. И. Хованский-Большой (1645–1701).

⁹ *Албанасы, волохи* – албанцы, румыны.

¹⁰ *Иван Уваров* – дьяк, доверенный человек и друг Никона.

¹¹ Имеется в виду переводчик у греческих патриархов, которые прибыли на московский собор, – архимандрит афонского Иверского монастыря Дионисий.

¹² *Артемон и Дементий* – А. С. Матвеев (1625–1682), государственный деятель; Д. М. Башмаков (1618–1705), секретарь царя.

¹³ Лазарь и Епифаний перед отправкой в ссылку были подвергнуты жестокому наказанию – им вырезали языки.

¹⁴ *Снискание* – сочинение. Имеется в виду богословско-полемическое сочинение дьякона Федора.

¹⁵ Здесь Пилатом называется стрелецкий подполковник Иван Елагин.

¹⁶ *Иван Елагин* – стрелецкий подполковник из личной охраны царя.

¹⁷ *Арсений Грек* – монах, помощник Никона, переводчик и «справщик» (редактор) церковных книг и богослов, учился в Риме, Венеции, Падуе.

ПИСЬМА К БОЯРЫНЕ

Ф. П. МОРОЗОВОЙ

I

Прежде сих грамоток* за четыре месяца понудил мя Дух Святый сыну нашему о Христе написать благословение к брачному совокуплению: в нощи сжалился дух мой о нем, и возгореся душа моя, да благословен будет к женитве. И стрелцу у бердыша¹ в топорище велел ящичек сделать, и заклеил своимъ беднымъ рукама то посланейце в бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет Богом храним до рук сыне моего, света; а ящичек стрелцу делал старец Епифаний;

* писем

а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоего прошения: у меня он благословен буди Богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретити от святых таин по твоему велению, и ты, бытто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управляти ко Царству Небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пастти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Ведь ты не ведаешь, что клусишь! Я веть знаю, что меж вами с Федором сделалось.

Писал тебе преж сего в грамотке: пора прощатца^{**} – петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Федору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне 1000 литр² злата давай, не обольстишь, не блюлись, яко и Епифания Евдоксия³. Дочь ты мне духовная – не уйдешь у меня ни на небо, ни в бездну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем боло^{***} плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению – и привел боло диавол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, Пресвятая Богородица заступила от диявольскаго осквернения и не дала диаволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, окаянных, к Богу и человеком поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Матридия⁴. Оно лутче со едином оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. Да не носи себя треухов⁵ тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред Богом и человеки. А вы мне все больны: и ты и Федор. Не кручинься на Марковну⁶: она ничево сего не знает; простая баба, право.

II

...Свет моя, государыня! Люблю я правило^{****} ночное и старое пение. А буде обленишься на ночное правило; тот день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским по-

* паясничаеть

** мириться

*** ведь

**** молитву

коем ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам Бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая* по повелению Владычню служат тебе не больши, и мне не меньши. А честь прелетает. Един честен, — тот, кто ночью встает на молитву, да медок перестанет, в квас примешивая, пить.

Еще ли, государыня, браниться?

Мне мнится, обленилась ты на ночную молитву. Того ради тебе так говорю с веселием — Евангелие воспоминаю: «Егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтесь в той день и възиграйте, се бо мзда ваша многа на небесех». Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголах сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не възграла, но заплакала, от утробы исшед матери. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы Божиими и заповедьми его соблюдуще тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя Бог в домовое строение и рассуждение; но и воз веселися, егда, в нощи встав, совершиши 300 поклонов в семь сот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к Богу, и жену мою и дети мои.

Еще же реку ти: егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя, сиречь все помыслы злыя отринь и единому Богу гори душою; воздохни со восклицанием и рцы: «Господи, согрешила, окаянная, прости! Несмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих!» Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начях добро творити». Нощию вставай, — не людем себя приказуй будить, но сама воспряни от сна без лени, — и припадн, и поклонися Сотворившему тя. А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: егда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий придучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Егда совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают. Тако ж и на «Достойне» всегда поклон великий. На святую Пасху и во всю пятидесятницу и нощию —

* все растущее

в пояс. И промеж Рождества и Крещения – в пояс. И во всякую субботу, и неделю*, и в праздники – в пояс. Разве** в Великую субботу против Великого дни – то метание на колену.

Блюдися ты, государыня, льстецов – чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душу твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

Примечания

¹ *Бердыш* – «широкий топор, иногда с гвоздевым обухом и с копьём на длинном ратовище; алебарда, протазан» (Вл. Даль).

² *Литра* – мера веса.

³ Византийской императрице Евдоксии (ум. 404) в борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Кипрского.

⁴ *Мастридия* – святая, выколовшая себе глаза, чтобы избавиться от мирских соблазнов.

⁵ *Треух* – «теплая шапка с тремя онускными лопастями, на бока и на затылок, с ушами и задником, иногда еще с узким передником вроде козырька; малахай» (Вл. Даль).

⁶ *Марковна* – жена Аввакума.

Вопросы и задания

1. Протопоп Аввакум и его эпоха – что вы об этом знаете? Чем знаменательно правление «тишайшего» Алексея Михайловича? Что вы знаете о патриархе Никоне и его реформах?

2. Аввакум называет свое произведение – «житие». Жанр жития, как известно, предполагает повествование о жизни святого от рождения до кончины и описание различных чудесных явлений, творимых Господом в ознаменование Божественной благодати, лежащей на этом человеке.

Как реализуются жанровые особенности житийной литературы в «Житии» протопопа Аввакума? В чем вы видите отличие данного «Жития» от других произведений этого жанра (например, Бориса и Глеба, Сергия Радонежского)?

* воскресенье

** кроме

3. Подготовьте краткий пересказ биографии протопопа Аввакума. Какие черты автобиографии характерны для «Жития»?

Покажите духовную мощь протопопа Аввакума, его высокие нравственные идеалы.

4. Обратите внимание на начало «Жития». О какой конкретной помощи просит протопоп Аввакум у Бога?

Покажите, что обращение к Богу героев древнерусской литературы перед началом большого, жизненно важного дела является не только традицией, но и душевной и духовной потребностью.

***5. Самостоятельная работа.**

Сделайте дома самостоятельно перевод одного из следующих отрывков «Жития» на современный русский язык:

«Твой корабль» (данный текст поделите примерно на две равных части и сделайте перевод любой из них), «Соединись с нами, Аввакумушко!», «И царь приходил в монастырь...», «...со отступниками не соединюся!»

Прочитайте вслух в классе свои переводы, обсудите и внесите в них исправления. Теперь сравните свой отредактированный перевод с оригиналом. Подумайте: что приобретает и что утрачивает текст при переводе?

6. Отмечая особенности стиля своего «Жития», Аввакум (в первой редакции «Жития») писал: «...люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет».

Переведите эти слова на современный русский язык.

Попробуйте на основе этого высказывания Аввакума сделать предварительные выводы о некоторых чертах личности Аввакума, о его отношении к Родине, красоте русского языка, к своему произведению, осознанию собственных творческих возможностей.

Подтвердите примерами из текста, что речение (изложение) протопопа Аввакума действительно просто, незатейливо, очень близко к обывденной речи.

7. Прочитайте еще раз отрывок «Твой корабль». Докажите, что Аввакум с молодых лет с большой ответственностью и сердечным рвением относился к своим обязанностям священнослужителя (приведите строки из текста).

Что за корабль узрели «сердечные очи» Аввакума?

8. Как рассказывает протопоп о своих убеждениях? (Перечитайте отрывки «Бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос!», «Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить...») Как проявляется здесь бунтарский, мятежный дух Аввакума?

9. Идейные противники не щадили Аввакума, подвергая его нечеловеческим пыткам и жесточайшим моральным унижениям, однако они же, по словам самого Аввакума, жаловались, что протопоп замучил их. Как вы считаете, есть ли доля истины в таком утверждении?

10. Приведите примеры по тексту «Жития» и письмам Аввакума к боярыне Морозовой: а) суровой требовательности Аввакума к своим духовным единомышленникам; б) удивительного соединения в личности протопопа, казалось бы, несоединимого: страстного разоблачения идейных противников и искренней жалости к своим мучителям; нежной любви к близким и спокойного отношения к их физическим страданиям, бунтарского духа неповиновения и кроткого терпения своих мытарств, проповеди смирения и гордого убеждения в своей правоте.

11. Прочитайте фрагменты поэмы «Протопоп Аввакум» известного русского поэта М. Волошина (1877–1932). Покажите близость поэмы по содержанию и стилю к «Житию» Аввакума.

С какими новыми эпизодами из жизни Аввакума вы познакомились? Как они могут дополнить литературный портрет Аввакума?

*12. Как решается в «Житии» протопопа Аввакума проблема внутренней свободы личности в нечеловеческих условиях заключения?

*13. Что нового внесло «Житие» в русскую литературу в плане изображения человеческой личности?

АПРЕЛЬ 1682 Г.

Ю. Азаров

*(Отрывок из романа «Печора»)**

Роман «Печора» написан от лица молодого учителя, который после окончания института начал увлеченно работать в школе в городе Печора, на Крайнем Севере.

Он создает единый курс литературы, истории, живописи, раскрывающий основные вехи исторического развития культуры. Ребята исследуют исторические явления, пишут сценарии, рисуют декорации. В процессе сочинительства, по убеждению учителя, в человеке пробуждается творческое, созидающее начало.

* Роман-газета. 1990. № 3, 4

Я просмотрел сценарии, написанные моими девятиклассниками. Ребятишки побывали во многих домах, где имелись хорошие библиотеки. Сценарии были наполнены живыми кусками из сочинений историков, писателей, различных мемуаров и научных отчетов. Но самое главное их достоинство состояло в попытке примериться к временам прошлого, соединить различные времена, чтобы приблизиться к пониманию исторической правды, сегодняшних проблем человеческого бытия.

Я решил устроить неделю конкурса сценариев. Точнее, мы пришли к выводу, что это будет не конкурс в собственном смысле этого слова, а, скорее, прочтение и обсуждение тех событий, которые изложены в сценариях. Эта затея давала <...> замыслу что-то новое, поскольку к сочинительскому и театральному делу прибавлялся исследовательский момент. Во время обсуждения сценариев можно было проговорить те важные идеи, на которых останавливались юные авторы.

Первыми стали читать свой сценарий Саша Надбавцев и Валерий Чернов, написавшие сценарии под названием «Апрель 1682 года».

– Акт первый – «Казнь», – читал Саша. –

Сцена первая.

Действие происходит в зимнюю ночь в избе на берегу Печоры. За столом стрелецкий капитан Иван Лешуков, приехавший казнить «без пролития крови» Аввакума и его товарищей, и воевода Андриан Хоненев.

Л е ш у к о в (*шепотом*). В письмах своих покойного Алексея Михайловича называл безумным цариком. Срамные слова глаголил. Будоражил и подстрекал мятежников, которых по Москве на Крещение было видимо-невидимо. Метали в народ листки при самом патриархе и царе. В кремлевские соборные церкви прокрались, ризы и гробы дегтем измазали. Это все Аввакум и сотоварищи смуту и соблазны сеют на Руси!

Х о н е н е в. Стрельцов у нас мало. Народ на казнь прибывает уже из Малой и Большой тундры. Чуда все ждут.

Л е ш у к о в. А что узники? Шумят?

Х о н е н е в. Где уж там? Троицкие языки выковыривали дважды. Немошнные. Вели сотника позвать. Он расскажет. (*Входит сотник.*) Сруб готов?

С о т н и к. Еще вчера. Цетыре на цетыре аршина. На болоте. Не подступиться всем. Увязнут.

Л е ш у к о в. Сам-то не увязнешь?

С о т н и к. Тропу проложили.

Л е ш у к о в. А народ что?

С о т н и к. Цюда ждут. Аввакум кричит: «Не сгорю. Плоть, может, и сгорит, а душа к небу уйдет. Судьба Божия разрешится».

Л е ш у к о в. Не разрешится. Вот указ царский: «Казнить без пролития крови». За великие на царский дом хулы казним. Поделом вору и мука. Скажи там на посаде, чтобы языки прикусили, иначе худо будет. Плетьми запорем каждого, кто смуту чинить станет. Иди, и чтобы роженье сухое было, вмиг чтоб сгорели.

Сцена вторая

Из тьмы земляных ям на поверхность вытащили протопопа Аввакума, Лазаря, Федора и Епифания.

Л е ш у к о в. Прощайтесь.

А в в а к у м. Прости меня, Федор. Свет мой, батюшко, прости меня. Обижал я тебя. За пятнадцать лет в тундре душой зачерствел. Настал черед очиститься в огне. Иссохла душа моя. Нет в ней ни воды, ни источника слез. Прощай, батюшко.

Ф е д о р. И ты прости меня, свет наш! Чудо должно свершиться. Ужаснится небо и подвигнутся основания земли.

Чтение прервала Соня:

— А как же Федор разговаривает, коль у него дважды язык вырывали?

— Они обрубками языков научились говорить. А потом, в театре условность допустима. Допустима? — это ко мне вопрос.

— Допустима, — отвечаю я. — Меня сейчас другое интересует: насколько бережно вы отнеслись к самим историческим фактам.

— Все выверено по книгам и документам. — ответил Валерий. — Не придерешься.

— А лексика?

— Тут сложнее. Мы слегка обновили лексику.

Саша продолжил чтение:

А в в а к у м (*Лазарю*). Боишься? Огонь не страшен. Повидать бы родненьких моих детишек да Настасьюшку. Страшно уйти, не попрощавшись. А огонь — раз плюнуть. Войдешь — и светлый покой наступит. Огонь только плоть съест, а души не коснется. Огонь — это наш дар Божий. Благословен буди, Господи, во веки веков! Амины! (*Епифанию*.) Благослови, Отче.

Е п и ф а н и й. В чистоте пребывай. Всегда будешь ты для верующих духовным отцом. На славу Христу, Богу нашему. Амины! Прощай, Аввакумушко. Бог дал нам все: твердое сердце и добрую волю, избранныками своими нас сделал. Поспешим и сделаем последний земной шаг.

А в в а к у м. Нет, отче дозвожь мне первому в сруб войти.

— *Сцена третья*, — читал Саша. — В срубе в четырех углах привязывают стрелы приговоренных к сожжению.

Л е ш у к о в. Покрепче прихватывай.

С т р е л е ц п е р в ы й. Да куда уж крепче. Вишь, рука хрустнула.

А в в а к у м. Руки-то можно было и не привязывать. Сожжению предать велено, а не распятию. Руки-то оставь, батенька.

Л е ш у к о в. Оставь руки. Велено сжечь, а не распинать.

Л а з а р ь. Глоточек бы, батюшко, белого вина...

Л е ш у к о в. Чего он просит?

В т о р о й с т р е л е ц. Вина просит.

Л е ш у к о в. В последний час согрешить хочешь? А что Аввакум?

А в в а к у м. Дайте вина. И в Писании написано, что глоток вина не грешно. А в стужу...

Л е ш у к о в. Дать вина белого!

Т р е т ь и й с т р е л е ц. Вот хворост, а вот и огонь. Как приказано будет?

Л е ш у к о в. Слово покаянное даю тебе, вор и разбойник, Аввакум Петров.

А в в а к у м (людям). Держитесь! Не отступайте! Не доверяйтесь царям-иродам! За отеческое предание умирайте. За истину на костер идите! За добрые дела погибнуть не бойтесь. А ежели оступитесь, конец всему.

Ветер подхватил и разнес пламя.

В классе стояла тишина.

— Часть вторая, — продолжал Саша. — Пусть Валерка прочтет дальше, он больше над второй частью корпел.

— Погоди, — попросил я. Что-то подсказывало повременить. Поразмыслить.

В классе стояла тишина. Никто не решался повернуть выключатель. Будто рядом витала святая тень протопопа и его мятежных союзников. Приобщение к великому их духу состоялось.

Кто-то должен был нарушить эту трепетную напряженность.

– Это необыкновенно по чистоте своей, – сказал я. – Но вот этот эпизод с белым вином....

– Вы думаете, кощунство? – вскипел вдруг Саша. – Нет и нет.

Но какая мысль?

А это характерно. И дело не в том, что распоязанный Лазарь любил выпить, К нему даже жена приехала в Пустозерск. На последние гроши она покупала спиртное и через подкупленных стражников переправляла вино в острог. И Аввакум прощал Лазарю, потому что тут тоже великая мысль. Человек – не Господь Бог. Он грешен. Но силен раскаянием своим, жаждой очиститься. И Лазарю прощал суровый протопоп его слабости. Научился прощать – и в этом его величие.

– Нет, ты о другом, о самом главном скажи, – перебил товарища Чернов.

– А самое главное тут вот что, – продолжал Саша. – Цари и военачальники боялись праведников. Лешуков ведет себя точь-в-точь, как вел себя Алексей Михайлович. Царь любил Аввакума. Он и сам бы не прочь стать таким справедливым. Но у него другое назначение. Он должен казнить. Он глава полицейского государства. И будь он семи пядей во лбу, а все равно он должен сжигать, распинать, вешать всех, кто правдой воду мутит в его государстве. Был такой эпизод однажды. Дементий Башмачкин, полупалач, полудьяк страшного Приказа тайных дел, после долгих пыток и истязаний подошел к Аввакуму и ни с того ни с сего сказал:

– Протопоп, велел тебе государь наш Алексей Михайлович передать: «Не бойся никого, надейся на меня».

Изумили эти слова протопопа, который уже и сана-то священного был лишен. Только недавно в Успенском соборе срезали протопопу бороду, оборвали, как собаке, волосы на голове, отлучили от церкви, и он проклял отлучивших. Духовная казнь сопровождалась муками физическими. Накинулись на Аввакума церковники, сторонники Никона, избили непокорного протопопа.

Трижды терял сознание Аввакум, трижды его холодной водой обливали, на ноги ставили и снова били и таскали по полу... И вдруг тайный палач говорит такое Аввакуму. Глазам и ушам своим не верит Аввакум. Переспрашивает он Башмачкина:

– Что же, так и сказал державный свет наш царь-государь и великий князь?

– Приказано тебе памятовать, что царь-государь всегда тебе на помощь придет.

Поклонился Аввакум Башмачкину.

– Передай, говорит, батюшке, прославленному царю нашему, что достоин я, окаянный, грехов ради своих темницы суровой, казней лютых. Только просьба одна: пусть позаботится он, святая душа, о чадах моих, о жене моей, о страдающих всея Великия и Малыя и Бела Руси.

– Передам, передам, – отвечал Дементий шепотом, спускаясь тайным ходом к Москве-реке.

– И вот здесь-то интересно, – продолжал Саша. – Аввакум в «Житии» все время подчеркивает к себе доброе отношение царя. Он говорит, например: «Братию казня, а меня не казня сослали». И такую страшную казнь чинят на глазах у Аввакума. «Лазарю, – рассказывает Аввакум, – взяли да выковыряли весь язык из горла. Мало крови пошло, а потом и совсем перестало. Он же и стал говорить без языка. Потом велели ему положить правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука, отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала перед всеми: исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно... Я на третий день сам рукой во рту у Лазаря, рассказывает Аввакум, щупал и гладил – нет языка, а не болит...»

В знак протеста объявил Аввакум голодовку, десять дней не ел, да товарищи велели принимать пищу. А однажды к его темнице подъехал сам царь. Расспрашивал у стражников, как ведет себя протопоп. Посочувствовал, а не зашел к Аввакуму. И протопоп по этому поводу скажет в своем «Житии»: «Жаль ему меня было».

– Как же это понять? – спрашиваю я.

– Невероятно, – шепчет Оля.

– А разве у Пушкина с царем не так было? – сказал Саша.

– Сравнил!

– Разницы никакой. Поэт только тогда поэт, когда он пророк.

А протопоп и есть настоящий ПРОРОК!

– Это мысль! – поддержал я и прочел строки из Пушкина:

И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык...
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул,

– А что? Сходится.

– Дело не во внешнем, – сказал я. – Аввакум был человеком необыкновенной души... Привыкли считать, что главная особенность Аввакума – неистовость, несгибаемость, а вот Света увидела в нем большую любящую душу. Душу нежную. И в этой нежности великая его сила. Мы прервем чтение сценария. И представим слово Светлане.

– Я еще не написала свой сценарий и могу только зачитать материалы, которые удалось собрать. «Боярыня Морозова, девица фамилия Соковнина, родилась в тысяча шестьсот тридцать втором году. В тысяча шестьсот сорок девятом году семнадцатилетняя Феодосья Соковнина была отдана замуж за боярина Глеба Морозова. В тридцать лет боярыня овдовела, то есть в тысяча шестьсот шестьдесят втором году. В тысяча шестьсот семьдесят первом году Морозова была арестована...

Боярыню знала вся Москва. Когда выезжала ее золоченая карета, запряженная двенадцатью белыми аргамаками, в сопровождении двухсот-трехсот разряженных холопов, вся Москва высыпала, сам царь дивился ее выезду, низко кланялся, а уж бояре да князья, так те на месте застывали, почтение свое великой боярыне показывали. Всякий нищий мог подойти к окну боярской кареты, и белая ручка боярыни опускала нищим либо алтын, либо денежку, а из другого окна страшная, жилистая грязная рука какого-нибудь юродивого раздавала медяки, и шествие продолжалось часами, останавливалось, юродивые представление давали – мог боярыню видеть и Разин, должен был видеть ее, великую красавицу, чье имя тогда у всех на устах было...

В день казни Стеньки, ночью, пришли и к Морозовой, пришли по ее душу по велению царя; власть теряла под собой почву, люди из боярских и купеческих семей, из мужичьих изб и из монастырских келий добровольно и с радостью шли умирать. Смерти во спасение жаждали женщины!

– Сподоби мя таковых же мучений!..

...Вместо ножных желез сестер приковали за шею к стульям-колодкам. Это была самая позорящая заковка – собачья. Мо-

розова радовалась этой заковке и с благоговением поцеловала холодное железное огорлье цепи, когда стрелец Онисимко, трепеща, надевал ошейник, а ножные кандалы, сняв с ее махоньких «робячьих ножек», положил к себе за пазуху, чтобы потом повесить под образа и молиться на них. Непокорных сестер решили позорно, «с великим бесчестьем» прокатить по Москве. Впереди колесницы-дровней провезли богатую карету Морозовой, в которой она езжала ко двору прежде, в сопровождении двухсот слуг, в карету, запряженную двенадцатью аргамаками в золоченой сбруе, с верховыми на каждой, посадили ее сына Иванушку: «Мамочка, мамочка, за что они тебя так?» А потом пытки.

...На Урусовой разорвали ворот сорочки и обнажили, как и Акинфею, до пояса. Она вся дрожала от стыда, но ничего не говорила. Урусову подняли на дыбу.

– Потерпи, Дуняша, потерпи, милая, – говорила Морозова.

– Тряхай хомут! – скомандовал Воротынский. И у Урусовой высочили руки из суставов.

Два палача подступили к Морозовой. Она кротко взглянула им в лицо и перекрестила обоих:

– Делайте доброе дело, делайте, миленькие.

Палачи растерянно глядели на нее и не трогались.

– Делайте же доброе дело, миленькие, – повторила Морозова.

– Доброе... эх! Какое слово ты сказала? Доброе?

– Ну! – прорычал Воротынский.

– Воля твоя, боярин, вели голову рубить нам! Не можем!

– Вот я вас! – задыхался весь багровый Воротынский. – Вяжите ее! – крикнул он стрельцам.

И стрельцы ни с места. Воротынский бросился на стрельцов – те отступили. Он к палачам с поднятыми кулаками – и те попятись....

Включимся в спор героев романа «Печора»

Вы прочитали отрывок «Апрель 1682 года» из романа Ю. П. Азарова «Печора». Об образе Аввакума в романе спорят не только девятиклассники, но и взрослые – учителя и родители. Высказываются несколько точек зрения, которые сводятся к следующему:

1. Мученическая жизнь протопопа Аввакума – это, может быть, первое гражданское выступление русской интеллигенции и против самодержавия, и против темных сил реакции.

2. В бунте Аввакума, возможно, впервые так ярко обнаружилось национальное сознание. Не было бы Аввакума – не было бы и Пушкина, Белинского, Гоголя, Щедрина, Достоевского.

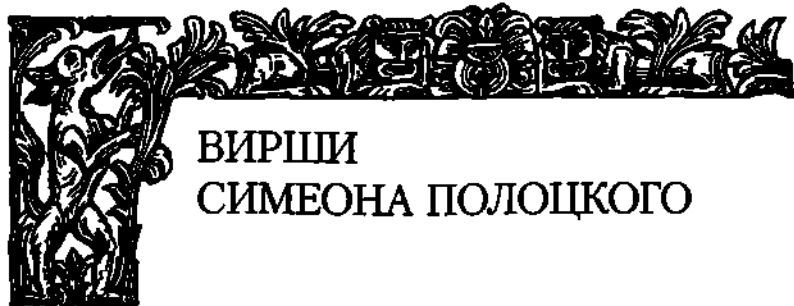
3. Аввакум не только превосходный писатель. Он еще и праведник. Праведничество – главное звено русской культуры.

4. Нет в Аввакуме ни теплоты, ни мягкости, ни снисхождения к людям. Потому-то от него отказались и имущие и неимущие. Аввакум – это бешенство человеческого сознания. Это слепота. А вы его в интеллигенты...

5. Если бы Аввакум и его сторонники пришли к власти, то они точно так же, истязали и мучили бы людей, как царская и церковная власти, потому что Аввакум фанатик. Как любой фанатик, находясь во власти идеи, он беспощаден к отступникам.

6. Путь христианства – это «царский путь», путь «золотой середины». Аввакум занимает крайнюю позицию. Он зол, нетерпим, немилосерден, ядовит, гневлив. Это все не по-христиански.

Какие из названных мнений вы могли бы разделить? С чем вы категорически не согласны? Ваше личное отношение к протопопу Аввакуму?

ВИРШИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Настоящее имя Симеона Полоцкого (1629–1680) – Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович. Он родился в г. Полоцке, поэтому получил в литературе имя Полоцкого.

Симеон Полоцкий прибыл в Москву около 1664 г. Это первый известный на Руси поэт и драматург. Он сочинял стихи (вирши), писал проповеди, учебники, богословские трактаты; вошел в историю русской поэзии как классик силлабического стиха. Ему принадлежат сборники, написанные силлабическим стихом, – «Рифмологин» и «Вертоград многоцветный». Тематика виршей Полоцкого чрезвычайно разнообразна.

Орел Российский (отрывок)

Пресветлый орле Российския страны,
честнокаменным венцем увенчаны,
Орле преславный, высоко парящий
славою орлы вся превосходящий,
Вскую превыше облак водородных
париши крылы перий словоплодных?
Что в пространстве воздуха велика
суть стремления тобою толика?
Яко исполнь есмь весь Орызонт славы
всемирных концов от твоея главы.
Глава та небес самых достизает,
простертость крилу вес мир окривает.
Ногама скиптри царския держиши
в море, на земли властையо стоиши...

Худородие помнети

Арихиепископ некто худороден бяхе,
Родителя бо колес детеля имяше.
Сей, видя честь велику, богатство и славу,
Бояся, дабы в гордость не вознести главу,
Веле везде колесо в доме си пимсати,
Еже бы рода худость выну поминати,
На то възглядающу. К тому на печати
Колесо же повеле своей изваати.
О пресмиренна мужа! Ныне есть ли тако?
Велиции знают ли худость ли? Никако.

Жабы послушливыя

Брат некий в обители смиренно живяше
И без прекословия начальных слушаште,
Тамо близ бяхе блато, во нем же живяху
Многи жабы и воплем своим досаждаху
Молящимся иноком. Такожде случися
Жабам кричати, егда жертва приносися.
Началник, не претерпев, инока послаше,
Да велит им молчати ему завещаше.
Се же рече смеяся, а брат послушливый,
Вправду посланна себе быти помысливый,
Иде к жабам и рече: «Именем Христовым
Завещаю вам, жабы, не быти таковым.
Престаните отселе досадно кричати!»
Оттоле гласа тамо жаб не бе слышати.
Ныне же человеци во церкви стояще,
Молбы си при безкровной жертве приносяще,
Многим глаголанием досады творяют.
Речеши ли молчати, никакo слушають,
Еще огорчившися, хулят иерея,
Обличения злобы не любят своя.

Вино

Вино хвалити или хулити – не знаю,
Яко в оном и ползу и вред созерцаю.
Полезно силам плоти, но вредныя страсти
Возбуждает силою свойственных сласти.

Обаче дам суд: добро мало пити,
Тако бо здраво творит, а не весть вредити;
Сей Павел Тимофею здравый совет даше,
Той же совет да хранит достоинство ваше.

Следует 12 месяцев

Январь

Когда Водолей в январе хладны воды льет
И густым инеем сию юдоль покрывает,
Люди застоля, гулянки устраивают,
При лютне милой зазорные думы в голове роятся.

Февраль

Рыбы небесные люто движутся
В феврале, ибо страшный холод в мире порождают.
Бегом согревайся, кому теперь холодно.
Садись, старинушка, к огню, или дымно?!

Март

Обрезает март сады, наносит
Навоз на пашни или порой подморозит.

Апрель

Цветочек веселый под Быком встает,
При нем земля – траву, сад зеляя дает.
Кто хочет пользы: паши и засевай,
Если сухо, сады поливай.

Май

Леды два сына маем управляют.
По деревьям зеленые листья высыпают.
Крик приятный птичек – по цветущему лесу.
Что птица потеряет, то охотник несет.

Июнь

Рак в июне жжет, или сын холодной воды.
В нем до сенокоса достаточно хорошей погоды.
Моет он, остригши шерсть ножницами,
Которые у него, гляди, – под ногами.

Июль

Когда солнце во Льве пресильном окажется,
Повсюду в полях жнецов и снопы ты увидишь.

Август

В августе Дева солнцем правит в небе
Вези на гумно и молоти, что Бог дал тебе по твоей нужде.

Сентябрь

В сентябре Феб силой жара
Приводит грозди к созреванию
Бочки и кадки хозяин готовит
Когда Весы небом округлым управляют.

Октябрь

В октябре земля, плугом вспаханная,
Боронами разрыхленная, засеивается.
На полях он травы зеленые выводит.
Но злой Скорпион вырасти им мешает.

Ноябрь

В Стрельце ноябрь желуди обивает,
От такой пищи сало у свиней прибывает.

Декабрь

Ноябрь откармливает, а декабрь забивает,
Во время Козерога хозяин толстеет.

Стихи утешные к лицу единому

Кто хочет людей на свете познати,
Изволь о умных мене вопрошати.
Сам я не дурак, да блюдусь сказать,
Чтоб мене вверх не хотели взяти.
Видете мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден?
Кто ей со мною может поровнати,
Разве из мертвых Голнафу встати?
Ума излишком, аж негде девати, —
Купи, кто хочет, а я рад продати.
Вся глава умом велми ся наткана,
А мозгу мало, что места не стало.

Вредем сквозь нос разум вытекает,
Да Семен умен – языком приймает.
А сколько силы – не можно сказати;
Лва на бумагу мощно мне раздати,
Другой то Сомпсон, да нет с кем побиться:
Кого вызову – всяк мене боится.
Да кто с богатыром бороться посмеет:
Мечем, пистолми – все Семен умеет.
Мнози видають, как сильно борюся,
Когда с рубашки в вечер раздегнуся,
Не один недруг тогда погибает,
А кров от ногтей и в очи плискает.
По такой битве рад я опочиваю
На мягкой лавке. Так трудой збываю.
Все мне по мысли. Одно то в печали,
Что злые люди женится не дали.
Зависть проклята. Где мене полюбят,
Там злые люди тот час мя разгудят.
Кто таков, как я, – да щастя не многа.
Ожените мя, молю вас для Бога!
Ручайте! Есть с чим молодец дороден,
Есть что есть, пить – и велми заводен.
Свое полаты за печью имею,
А про богатство хвалится не смею,
Чтоб вор не окрал. А стану дарити,
Кто мя изволит скоро оженити.
И буду ему праведно служити:
Хлеб дармо ести и вино добре пити.

Вопросы и задания

1. Внимательно прочитайте вирши Симеона Полоцкого. О чем они? Близо к тексту перескажите их содержание.
2. Возьмите на выбор любое стихотворение. Посчитайте, сколько слогов в каждой строке. Обратите внимание на рифму. Что вы можете сказать о ней?
3. Прочитайте стихотворение «Орел Российский». Какое значение в стихотворении имеет сравнение символа России с обыкновенным орлом? Как такое сравнение позволяет автору показать не только мировую, но и вселенскую значимость

Российского государства? Покажите роль эпитетов, выраженных прилагательными в превосходной степени.

4. Прочитайте стихотворение «Худородие помнети». Как показано стремление истинного христианина побороть гордыню, искушение богатством и славой? Кого из героев произведений древнерусской литературы напоминает образ архиепископа?

5. Обратитесь к стихотворению «Жабы послушливая». Почему эти вирши можно отнести к лиро-эпическому жанру? Как и за что укоряет автор прихожан? Назовите черты, роднящие данное стихотворение с басней.

6. В виршах «Вино» говорится о совете апостола Павла Тимофею (Первое послание к Тимофею – 5 : 21, 23) ничего не делать по пристрастию, «пить не одну воду, но употреблять немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов». О каком качестве человеческой личности беспокоится Полоцкий (по тексту)? Почему?

7. Прочитайте цикл стихотворений, посвященный 12 месяцам. Как вы можете объяснить сочетания языческой и христианской веры в тексте?

СЛОВАРИК

в помощь читающему произведения
древнерусской литературы

Абие – тотчас, вскоре.

Авва – 1) духовный отец; архимандрит, настоятель монастыря, игумен; 2) Создатель, Бог.

Авель (*библ.*) – сын Адама и Евы, убитый братом Каином; символ кротости.

Авраам (*библ.*) – родоначальник еврейского народа.

Агнец – 1) ягненок; 2) иносказательно – непорочность; посланник Божий, избранник. В литургии, которая венчает все богослужение дня, Агнцем называется средняя часть особой Агничной просфоры, вынутая в память крестных страданий Христа.

Акафист (*греч.*) – «неседален», т. е. чтение, за которым не полагается сидеть. Церковное хвалебное чтение или песнопение Господу Иисусу Христу, Божней матери или чествуемому святому. Акафист состоит из 12 кондаков и 13 икосов.

Алтарь (*лат.*) – «возвышенный жертвенник» – восточная часть храма, отделенная от остальной его части иконостасом, в которой находятся престол и жертвенник.

Алчный – голодный; взалкать – проголодаться.

Амвон (*греч.*) – «восход». Полукруглое возвышение перед Царскими Вратами, на котором читается Евангелие, произносятся проповеди. Возвышение посреди церкви при архиерейском богослужении.

Аминь – истинно, подлинно, верно и крепко, да будет так. Окончание каждой молитвы.

Амо, аможе – там, куда.

Анало́й, анало́гий – высокий столик с наклонной столешницей, верхней доской; на него кладут иконы и богослужебные книги.

Ана́фема (греч.) – «отлучение» – отвержение от церкви, от общества верующих.

Андре́й Первозва́нный – апостол. В «Повести временных лет» передается легенда о его хождении в Скифию и те земли, на которых позже возникли Киев и Новгород.

Антифо́н (реч.) – «противосогласие». Попеременное пение двумя хорами на клиросах.

Апо́криф – текст, не включенный в основной канон Священного Писания, не признанный боговдохновенным.

Арха́нгел – высший по степени, первенствующий ангел.

Архи (греч.) – «начало», «старший», «главный». Составная часть сложных слов, обозначающих старшинство в церковном звании.

Архимандрит – настоятель монастыря, храма; **архипа́стырь, архиере́й** – старший в епархии, епископ (обращение к нему; преосвященный), **архиепи́скоп** – старший епископ (высокопреосвященный). **Архистрати́г** – военачальник, предводитель.

Аспид – 1) ядовитая змея; 2) злой человек; вредное свойство чего-либо.

Багря́ница – царское, княжеское одеяние, порфира.

Безневе́стная – безбрачная, девственная.

Блажи́ти – восхвалять.

Борзо́ – быстро.

Бра́шно – пища, еда.

Ваа́л – идол, бог ханаанский; дьявол; ему приносили в жертву детей.

Ва́йи – пальмовые ветви, которые в праздник Входа Господня в Иерусалим заменяются у нас вербами (Неделя Вайи – Вербное Воскресение).

Варя́ги – норманны, жители Скандинавии.

Варя́жское море – Балтийское.

Василий Великий -- видный церковный деятель Византии (330- 379 гг.) автор многочисленных слов и поучений, популярных на Руси.

Василиск -- дракон, мифический змей; скрытая опасность.

Вéжа -- шатер.

Вéльми -- очень.

Весь -- село.

Вельзевул -- букв.: «повелитель мух», идол, бог Филистимлян; дьявол.

Вéлес (Волос) -- языч. славянское божество, покровитель домашних животных и поэзии.

Вепрь -- кабан, дикая свинья.

Вика́рий -- наместник, помощник в сане епископа, правящего архиерея большой епархии.

Вифле́ем -- место рождения Иисуса Христа.

Вóздух -- покрывало для чаши на престоле в церкви.

Волх -- мудрец, звездочет; чародей, колдун.

Вóньже -- в который.

Воскрéние -- край, пола верхней одежды.

Всесожéние -- древнее жертвоприношение на огне. Всесожигаемая -- жертва, приносимая на огне.

Вýспренний -- возвышенный, устремленный в духовную, небесную высоту.

Вя́щий -- больший, высший, величайший.

Гажéние -- хуление, порицание.

Георгий Победоно́вец -- воин-мученик, погибший за исповедание христианства в 304 г. во времена императоров Диаклетиана и Максимилиана.

Голго́фа (евр. «череп», «лобное место») -- холм близ Иерусалима, место распятия Господа Иисуса Христа.

Горды́ня -- надменность, высокомерие. Смертный грех, духовное состояние, отлучающее от Бога, когда человек ставит себя выше всех других.

Го́рний -- находящийся наверху, вышний, возвышенный. **Го́рная** -- небесное жилище, место пребывания праведных в веч-

ности. **Горе** – ввысь, к Престолу Божию. **Горнее место** – возвышение в алтаре за престолом; место, где сидит архиерей. **Горохипный** – заблудившийся в горах.

Давид (*библ.*) – иудейский царь – песнотворец. Давид победитель богатыря Голиафа. Ему приписывается создание книги «Псалтырь».

Даниил (*библ.*) – пророк, по приказанию персидского царя Дария был брошен в ров со львами, но чудесным образом остался жив.

Дар – 1) подарок, награда; 2) способность, талант от Бога (напр., дар пророчества). **Святые Дары** – святыя тайны Тела и Крови Христовой, Причастие. **Дароносица** – ковчег, металлический ящичек, в котором носят Святыя Дары. **Дарохранилище** – ковчег, металлический ящичек (часто в виде маленького храма), в котором хранят преждеосвященные Святыя Дары.

Денница – 1) утренняя заря, рассвет; 2) утренняя звезда; 3) падший ангел, сатана.

Десница – правая рука. **Десный** – правый. **Десница Божия** – праведная воля, власть Бога.

Дикирий – подсвечник в две свечи, который, вместе с трикирием, подсвечником в три свечи, употребляется во время архиерейского богослужения для благословения молящихся.

Довлети, Довлети – довольствоваться, удовлетворять. **Довлеть** (чему-либо) – довольно, достаточно; как должно, в меру.

Дозела – весьма много.

Дондеже, донележе – пока, покуда, доколе.

Дух – 1) бестелесное существо, обитатель духовного мира; 2) ум, воля человеческая, стремление к небесному. **Добрый дух** – ангел, дух света, правды; **злой дух** – диавол, нечистый дух тьмы и злобы. **Святой Дух** – Третье Лицо Святой Троицы, **Дух Божий**.

Евхаристия (*греч.*) – «благодарение». Таинство причащения.

Елей – оливковое, деревянное масло. **Освященный елей** – дар силы Духа Святаго. **Елеопомазание** – помазание образа креста освященным елеем на челе. **Елеосвящение, соборование** – церковное таинство, совершаемое семью священниками над больными.

Еллин — 1) грек; 2) язычник, варвар; все неевреи.

Епа́рхия — область под управлением архиепископа.

Епитѣмѣя — 1) духовное взыскание, налагаемое церковью, духовником на кающегося грешника; 2) духовное упражнение с целью преодолеть греховную привычку.

Епитрахиль — «нашейник»; одно из облачений священника, надеваемое на шею. Означает благодать Святаго Духа.

Ересь — 1) различие в мнениях веры; 2) отступничество от основных догматов веры, лжеучение.

Ехидна — 1) ядовитая змея; 2) злой, злорадный человек. **Ехидный** — злой, лукавый.

Живот — 1) жизнь человека или животного; 2) бытие, жизнь души и смерть плотского, грешного в человеке. **Живот вечный** — вечная жизнь, бессмертие. **Живити** — духовно оживать.

Завѣт — святое завещание, обещание, условие договора, союза (с Богом). **Ветхий и Новый завет** — Моисеев и Христов; наказания Господа Бога, на которых основан союз с Ним.

Закхѣя (еванг.) — мытарь, сборщик податей, уверовавший в Христа.

Зане, занеже — ибо, так как, потому что.

Заушати — бить по щекам, давать пощечины.

Зѣлие — 1) травы, растения; 2) семена; 3) лекарство; 4) яд.

Зѣло — весьма, очень; крепко, много. **Зельно** — обильно, очень много.

Зла́чный — изобилующий травами. Место злачное — обильное, приятное место.

И — его.

Игумен, игуменья — настоятель, настоятельница монастыря. **Сан священника-монаха** (по старшинству: иеромонах, игумен, архимандрит).

Идеже — где, в каком месте.

Идол — мнимое божество, языческий истукан, кумир.

Исѣрѣх — священноначальник, архиепископ (епископ, архиепископ, митрополит) **Исѣрей** — священник, протоиерей, пресвитер. **Исѣродіакон** — монах-диакон. **Исѣромонах** — монах-священник.

Иерусали́м – букв. «владение мира» – с эпохи царя Давида культурный, религиозный и политический центр Израиля. Разрушен в 70 г. по Р.Х., но остался «святым городом» для иудеев, христиан и мусульман. **Небесный Иерусалим** (см. Сион).

Иждѣнути, изжѣнути – изжить, прогнать.

Йже, ѡже, ѣже – который.

Изволя́ти, изволя́ти – приказывать, требовать; избирать по своей воле. **Изволе́ние** – охотное желание, изъявление воли.

Йкос – песнь в каноне после кондака, в которой прославляется подвиг святого или значение празднуемого события. Икосы вместе с кондаками составляют Акафист.

Има́ти – иметь, владеть; брать.

Ио́в (библ.) – праведник, вынесший все испытания, ниспосланные ему Богом.

Кади́ло, кади́льница – сосуд-курильница, в которую на жар кладется ладан для воскурения благовония.

Ка́ин (библ.) – сын Адама и Евы, убивший из зависти своего брата Авеля; символ братоубийцы, преступника.

Камила́вка (греч.) – «защитающая от жары» – шапка; у монашествующих черная; у белого духовенства – фиолетовая; последним дается как награда и знак отличия.

Кампа́н (лат.) – колокол.

Ка́мо – куда.

Кано́н (греч.) – «правило», «образец»; 1) свод правил Апостолов, вселенских и поместных соборов о догматах веры и церковных обрядах; 2) церковное песнопение, состоит обыкновенно из девяти песней, содержание которых перекликается с девятью песнями библейскими.

Кану́н – столик, на котором стоит изображение Распятия и подставка для свечей. Перед кануном совершается поминовение усопших.

Капи́ще – языческий храм, место поклонения идолу.

Катехи́зис – начальное, основное учение о христианской вере.

Кафи́змы (греч.) – «сидение» – 20 отделов Псалтири. 150 псалмов Псалтири разделены на 20 кафизм, при чтении которых можно сидеть. **Кéсарь** – титул римских императоров, царь.

Кивѣт – 1) шкафчик, ящичек, столик для святых икон; 2) крытый сруб над могилой, голубец, голбец.

Кий – какой, который. **Кійждо** – каждый, всякий. **Комкждо** – каждому.

Кимвѣл – музыкальный инструмент, медные тарелки.

Кинсѣн – по́дать.

Клеврѣт – товарищ в рабстве, соработник; сообщник.

Клир – 1) совокупность священно и церковнослужителей, причт церковный; 2) чтецы и певчие. **Клі́рик** – всякий священно и церковнослужитель. **Клі́рос** – место в церкви для певцов и сами певцы на богослужении.

Клобу́к (*простореч.*) – камилавка с покрывалом (белая у митрополитов и патриархов, черная у остальных монашествующих). **Кнійжник** – толкователь Святого Писания.

Ковчѣг – судно, в котором Ной спасся во время потопа с людьми и животными. **Ковчег Завета** –местилище святых реликвий.

Кѡвы – измена, заговор (см. Крамола).

Кѡливо – поминальная кутья; каша с медом и изюмом.

Конда́к – краткое песнопение, прославляющее святого или торжество праздника.

Константин Великий – римский император (285–337 гг.), в 330 г. объявил своей столицей Константинополь.

Корва́н – пожертвование в церковную казну.

Кормѣло – руль на судне. **Кормчая книга** – сборник церковных и частью гражданских законов, правил.

Коснѣти – медлить, не решаться. **Косно** – вяло, медленно.

Коснѣти – упорствовать в одном положении, состоянии. **Кѡсный** – ленивый, бездушный, отсталый.

Кра́нневе место (*бука. «Лобное место»*) – Голгофа.

Кра́мбла – 1) мятеж, восстание; 2) измена, заговор, ковы.

Кра́сный – 1) алый, багряный (по цвету); 2) красивый, прекрасный (не только внешне, но и духовно). **Красный угол** – угол в доме, где находятся иконы, обращен к юго-востоку, чтобы солнце утром входило в дом красными окнами.

Крестья́не – христиане.

Кúча – 1) куча, ворох; 2) собрание, артель. **Вкупе, купио** – вместе, сообща. **Купíна** – куст.

Кúча – сень, шатер, скиния; шалаш, палатка.

Лады́я, положить в ладью – согласно древнерусским похоронным обычаям покойника либо везли на санях, либо несли в ладье.

Ланíта – щека.

Легио́н – 1) отряд воинов, полк; 2) тьма, множество.

Ле́нтíй, ле́нтион – полотенце.

Ле́по – хорошо, красиво, пристойно. **Лепота** – красота, благообразие.

Леть, лязя – можно, дозволено. **Нелеть** – нельзя.

Лжа – ложь.

Лжи́ца – ложечка для причащения.

Лик – 1) лицо, облик; 2) образ, изображение; 3) собор святых, ангелов, бесплотных духов; 4) собрание поющих, хор, клирос.

Ликовáтися – приветствовать друг друга по монашескому обычаю, прикладывать щекой к щеке. **Ли́ки** – радостные, ликующие возгласы.

Ли́тия – усиленное моление, совершается во время всенощной или крестного хода. **Лития заупокойная**, краткая молитва об усопших.

Литурги́я (греч.) – «общественная служба»; богослужение, за которым совершается Таинство Святой Евхаристии.

Любы – любовь. **Любоде́яние** – блуд, незаконная плотская любовь, связь. **Любонача́лие** – властолюбие, желание начальствовать.

Маммо́на (арам.) – «богатство» – 1) страсть к богатству, деньгам, корысти; 2) брюхо, желудок, обжорство.

Масть, масти – 1) помазание; 2) цвет, качество. **Масты́тый** – 1) древний, почтенный, умащенный годами и опытом; 2) жирный, сочный.

Ме́дница – медная монета.

Междурáмие – пространство между плечами, спина в плечах.

Мессíя – Искупитель, обещанный Ветхим Заветом.

Ме́стник – мститель, враг.

Месяцеслов – календарь, указывающий церковное и гражданское значение дней всего года.

Месячный – лунатик, бесноватый.

Мада – награда, плата; пища, содержание.

Мех – 1) мешок из кожи животного для воды, вина и других жидкостей; 2) мера емкости.

Ми – мне.

Мимобити – пройти мимо.

Миней Четый – книги на каждый месяц года, содержащие Жития святых. Общая минея включает богослужение в честь Богородицы и святых; месячная – на каждый день месяца, месячных миней двенадцать на весь год. Праздничная минея – содержит службы праздников и святых в порядке их празднования.

Миро – благовонное масло, елей; масло, сваренное с красным вином и благовониями, освящаемое в Страстной Четверг Великого поста, для совершения Таинства Миропомазания. Дар силы Духа Свягаго.

Миронбсицы – святые жены, принесшие миро для помазания Господа Иисуса Христа во гробе. **Миропомазание** – 1) таинство, совершаемое при крещении; 2) обряд поставления, освящение русских царей.

Мироточивый – святой, мощи которого источают миро.

Митра – украшенная шапка в священном облачении архиереев, архимандритов.

Митрополит – высшее звание архиереев.

Мний – меньший.

Мнйти – думать, полагать.

Молэбен – богослужение (треба), совершаемое в какой-либо нужде, потребности частной (о болящем, об учащемся, об успехе дела, в благодарность и т. д.) или общественной.

Мурип – 1) чернокожий, эфиоп; 2) бес, злой дух.

Мученик – святой, замученный за веру до смерти.

Мытарь – сборщик податей. **Мытница** – дом или двор, где собирали подати. **Мытарства** – разные испытания, которые проходит душа, покинув тело умершего человека.

Мяте́жный – 1) непокорный; 2) суетливый, озабоченный; 3) бунтовщик, составляющий крамолы.

Наважда́ти – клеветать, наговаривать; соблазнять. **Наважде́ние** – соблазн, искушение; обман, призрак.

Наве́т – наговор, клевета; измена; коварный поступок.

Наипа́че – особенно, тем более.

Найти́с – озарение свыше, вдохновение.

На́ма – нам двоим.

Намно́го – 1) долго, долгое время; 2) за дорогую плату.

На́нь – на него.

Насу́щный – 1) будущий, грядущий; 2) сегодняшний, обыкновенный, необходимый.

Нача́ток – 1) начало; 2) – первые плоды труда; 3) нравственное основание.

Небла́зный – чуждый соблазна, чистый.

Небре́чи, небре́щи – не заботиться, оставлять без внимания.

Невече́рный – вечный, неугасимый, немеркнувший.

Не́гли – 1) неужели; 2) может быть, вероятно.

Неключи́мый – негодный, бесполезный; неисправимый, погибший.

Неопали́мый, неопа́льный – нескораемый, невредимый огнем.

Непра́здная – беременная.

Непрело́жный – неизменный; неизбежный.

Непщевáти – 1) думать, полагать; 2) лицемерить.

Ника́ко, ника́коже – никак, никоим образом.

Нико́лиже – никогда.

Обавáти – очаровать, околдовать, обаять.

Обапол – 1) около, близко, рядом; 2) по ту и другую сторону какого-либо места, предмета.

Оба́че – однако, впрочем.

Обиновáтися – 1) колебаться, сомневаться; 2) скрывать, таить, умалчивать.

Область – 1) великая власть, право, возможности духовные; 2) страна, земля.

Оглашённый – готовящийся к Таинству Крещения. В древней Церкви оглашенные не могли присутствовать во время Таинства Евхаристии. **Огласити, оглашати** – поучать, наставлять.

Одигитрия (греч.) – путеводительница.

Озобати – объесть, поклевать; опустошить.

Омофóр – одно из семи облачений архиерея, которое носят на плечах в виде широкой полосы ткани, расшитой четырьмя крестами.

Опрічь – кроме, исключая.

Орáрь (лат.) – «молиться»; часть облачения диакона. Длинная узкая полоса ткани, носимая на левом плече.

Осáнна (евр.) – «Спаси же, Господи»; возглас, призывание верующих.

Осенёние – 1) сень, навес; 2) тень; 3) иносказание, преобразование.

Оскóрд – секира, большой топор.

Остеніть – защититъ, встать стеной.

Отженіти, отженати – отогнать, оттолкнуть.

Отнёлиже – с тех пор, с того времени.

Отпúст – молитва священника при окончании богослужения.

Отрыгну́ти слово – сказать, произнести.

Отщепіти – 1) сделать тщетным, бесполезным, оставить ни с чем; 2) терпеть вред. **Отщепенец, отщетенец** – пустой, бесполезный.

Очервлённый – 1) окрашенный багряной краской; 2) залитый кровью.

Паволóка – шелковая ткань.

Пáжить – поле, луг, пастбище.

Панагія (греч.) – «всесвятая»; литургическое именование Богородицы; 1) икона, носимая архиереем на груди; 2) просфора, возносимая в честь Богородицы.

Па́перть – притвор, площадка перед церковью, предхрамие.

Пáрдус – гепард, млекопитающее из семейства кошачьих, отличается быстротой бега и выносливостью. Приручался как охотничье животное.

Па́че – более, особенно, лучше.

Пе́рси – грудь. **Наперсный** – носимый на груди.

Перст – палец.

Персть – прах, земля, плоть. **Плотяной** – недуховный. **Перстный** – смертный, земной.

Песту́н – воспитатель.

Плащаница – 1) покрывало, плат; погребальные пелены; 2) изображение на полотне положения во гроб Спасителя.

Плат – покрывало, платок.

Плева́, плевёлы – 1) ядовитый злак; 2) сорняк.

Пога́ный – язычник.

Подвига́ти, подвижа́ти – побудить, поощрить на подвиг. **Подвиг** – 1) доблестный поступок; 2) движение, стремление. **Подвижник** – 1) доблестный делатель; 2) воин духовный за веру и праведность. **Подвизаться** – стремиться к подвигу веры, бороться за справедливость.

Позо́рище – зрелище, цирк. **Позор** – зрелище. **Исшедши на позор** – выйти посмотреть.

Покро́в – 1) полотнище для покрытия чего-либо; 2) праздник в честь Покрова Богородицы (1 окт. ст. ст.); 3) защита, покровительство. **Покровцы** – платы, которыми покрывают дискос и потир. **Покровитель** – заступник, благодетель.

Полнелёй (*греч.*) – «многомаслие», «многая милость»; торжественное богослужение, во время которого священник помазывает освященным елеем прихожан.

Полуно́щница – молитвословия, совершаемые в полночь.

Поне́ – по крайней мере, хотя. **Понеже** – ибо, поскольку.

Понт – море.

Порфи́ра (*греч.*) – 1) пурпур, багрец; 2) дорогая одежда, багряница.

Поспешествова́ти – способствовать, помогать, содействовать.

По́стриг – посвящение в монахи либо в духовное звание; по обряду выстригают немного волос.

Поти́р (*греч.*) – чаша для Святых Даров.

Потщѣтисѧ - постараться, сделать с прилежанием. **Потщание** - поспешность, беспокойство, хлопоты.

Предстѣтельство — заступничество, покровительство. **Предстоятель** — ходатай, заступник; старший на богослужении.

Предтѣча -- передовой; являющийся перед кем-либо, предшествующий. **Предтечи, предтещи** — бежать, стремиться, упредить; предшествовать.

Прѣлесть — обольщение, соблазн, соращение злым духом.

Премогаѣти — одолевать, побеждать.

Преподобный — 1) святой, праведный, угодник; 2) почетное именование монашества. **Преподобномученик** — монах, отдавший жизнь за Христа.

Пресвѣтер — священник.

Пресѹщий — предвечный, предначальный; божественный.

Претѣся — спорить.

Претѣти, прещати — запрещать, не позволять; грозить. **Прещение** — 1) запрет, угроза; 2) великая злоба.

Претѡр (*лат.*) — судебное место, где заседал римский начальник или судья.

Придѣл — 1) западная часть храма, где в древние времена стояли оглашенные и кающиеся; 2) отдельный алтарь, устроенный в трапезной части храма.

Прѣсно — всегда, вечно. **Присносушие** — безначальное и бесконечное бытие. **Приснопамятный** — незабвенный. **Присный** — истинный; вечный, родственный, ближний.

Притѡр — предхрамие; разделяется на внутренний и внешний; или паперть.

Прихѡд церковный — община христиан, прихожан одной церкви.

Прозябаѣти — растить, вырастить. **Прозябание** — рост семени; растение, росток.

Прѡмысл Божий — попечение о вселенной и человеке, устройство всего созданного. **Промыслитель** — податель благ, Бог.

Просфѡра, просвира (*греч.*) — «приношение»; хлебец из квасного теста, из которого священник вынимает частицу за здравие или за помин души. Частицу погружают в кровь Христову и так таинственно омывают грехи тех, за кого подана просфора.

Пря — 1) борьба, сражение; 2) спор, ссора.

Псалом — песнь Давида. Псалмы составляют часть Ветхого Завета (числом 150). **Псаломщик** — церковный чтец.

Псалтирь — 1) собрание псалмов; 2) музыкальный инструмент у древних иудеев (род арфы), на котором играли, сопровождая молитвы и песни Богу.

Пущеница — разведенная жена.

Пядь — мера длины: расстояние между большим и указательным пальцами, растянутыми по плоскости.

Пятикнижие — пять книг Моисеевых, часть Ветхого Завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие).

Работа — рабство.

Рака — гробница, ковчег с мощами святого.

Рака (от *евр.* «оплеванный») — негодяй; пустой, подлый человек.

Рамо — 1) плечо; 2) мощь, сила, власть.

Рвение — ссора, сварливость, строптивость.

Ревность — усердие.

Регент (*лат.*) — «управляющий»; начальник хора певчих, клироса.

Реснота — истина, правда; достоинство.

Реть — брань, ссора.

Риза — 1) одеяние; 2) облачение священника; 3) оклад на иконах. **Ризничий** — священник, заведующий церковным имуществом.

Рипида — круглый образ с изображением херувима, посаженный на древко, которым диакон помахивает над Святыми Дарами.

Ристалище — место, площадь для состязаний (конных скачек, гимнастических и боевых упражнений). **Ристати** — состязаться в спортивных упражнениях.

Ровенник — ров, колодец.

Руно — шерсть, овечья шкура.

Саваоф (*евр.*) — Бог воинства.

Саддукей — секта, не веровавшая в воскресение мертвых.

Самаряне — язычники-инородцы, принявшие многое из иудейской религии. Между иудеями и самарянами была религиозная вражда.

Свещенбсец – пономарь, носящий на богослужении свечу.

Свббодь – свободный человек.

Свойси – свой дом, семья, родина.

Связёнъ – узник.

Святые отцы, угодники Божии – делятся на небесные лики, разряды: Св. Праотцы, Пророки, Апостолы, Равноапостольные (или Просветители), Святители (святые архиереи). Мученики, Страстотерпцы и Исповедники (убитые или претерпевшие муки). Преподобные (подвижники-монахи). Блаженные (юродивые), Бессребренники (раздавшие свое имущество). Праведники (вообще угодные Богу).

Селб – 1) поле, пашня, земля; 2) селение или несколько деревень с церковью.

Серафѣм (евр.) – «горящий, пламенеющий»; шестикрылый ангел, один из девяти ангельских чинов.

Сѣмвол – перечень, картина; сущность в немногих словах, знаках.

Синедрибн – верховное судилище у древних евреев.

Синклѣт – собрание высших сановников.

Сѣнод (греч.) – «временное собрание»; собор высших духовных лиц; верховное духовное правление. **Синодик** – книжка для повиновения при богослужении.

Сѣбн – 1) гора вблизи Иерусалима, где был построен дом царя Давида; 2) сонм, множество праведников и ангельских небесных сил.

Скѣнѣя (греч.) – 1) шатер, сень; 2) походная церковь израильтян до постройки Иерусалимского храма.

Скудѣльница – кладбище для безродных, самоубийц и т. д.

Смѣрна – драгоценная пахучая смола для бальзамирования тел усопших.

Смоковница – инжир. **Смоквы** – плоды инжира.

Соббр – 1) собрание, заседание духовенства и избранных от народа для решения важных дел; 2) храм, где обычно совершаются архиерейские богослужения. **Соборно, соборне** – сообща, в согласии.

Солѣя – возвышение перед алтарем.

Спекулатор – 1) телохранитель; 2) палач, страж.

Срѣчица – 1) сорочка, исподнее белье; 2) чехол, покрывало Престола в алтаре.

Срѣтение – встреча. **Сретати** – идти навстречу.

Стихѣрь – нижнее облачение, подризник священников и архиереев; верхнее одеяние диаконов, пономарей, чтецов.

Стѣгна, стогны – площадь, улицы города.

Стѣрицею – стократно, многократно.

Сударь – плат, пелена.

Сугубый – двойной, вдвое больший.

Сучѣц – 1) сучок; 2) кисточка для миропомазания.

Таинство – священнодействие, в котором через видимые действия, знаки невидимо подается благодать, дары Святаго Духа. Таинствъ семь: Крещение, Миропомазание, Причащение, Покаяние (исповедь), Священство, Брак, Елеосвящение.

Тиун – слуга, княжеский управляющий.

Тѣтло – 1) надпись; 2) значок, обозначающий пропуск букв, сокращение в старославянских книгах.

Тѣко, тѣкмо, тѣкма – только, лишь, но.

Тѣчила – гнет для выжимания сока винограда.

Тѣба – 1) жертвоприношение; 2) совершение таинства или священного обряда.

Тропѣрь – стих, законченное по смыслу изречение, песнопение, описывающее существо праздника или подвига святого.

Тѣча – печаль, тоска, горе.

Тул – колчан для стрел.

Тѣне – даром, напрасно.

Ўа – возглас укора, позора.

Ўбо – 1) итак, стало быть; ибо, так как; 2) подлинно.

Ўдоль, удолис, юдодь – 1) низина, равнина; 2) земля, жизнь на земле; юдоль поднебесная.

Укрѣй – пелены, которыми обвивали тело усопшего.

Фарисѣи – иудейская секта ревнителей ветхозаветных законов. Апостол Павел был из фарисеев.

Фиа́л – чаша, сосуд.

Фиміам – 1) благовоние для курения в кадиле; 2) молитва праведного, восходящая к Богу.

Хартія – 1) пергамент, рукопись; 2) документ, грамота.

Херувім – высший ангельский чин.

Хиротонія (греч.) – «рукоположение»; таинство поставления на одну из степеней священноначалия: в сан диакона, священника или епископа.

Хламίδα – мантия, плащ.

Хбругъ – священное знамя, укрепленное на древке полотнище с изображением Господа Иисуса Христа, Богородицы, святых.

Часы – первый, третий, шестой и девятый часы от восхода солнца, в которые древние христиане сходились на молитву. Теперь первый час соединяют с утренней, третий и шестой – с литургией, девятый с вечерней. Царские часы – служат в навечерие Рождества, Богоявления и в Страстную Пятницу.

Часослѡв – книга, содержащая службы часов, полунощницы, утрени и вечерни.

Чѣлядь – родные, слуги и дворовые люди.

Червлѣный – красный.

Шуица – левая рука.

Эпитімія – церковное запрещение, наказание.

Ю – ее. **Юже** – которую.

Юродивый – 1) безумный, дурачок, неразумный; 2) Христа ради **Юродивый** – смирения ради своей гордости принявший подвиг внешнего, кажущегося безумия.

Ядь, яда – еда. **Ядца** – обжора.

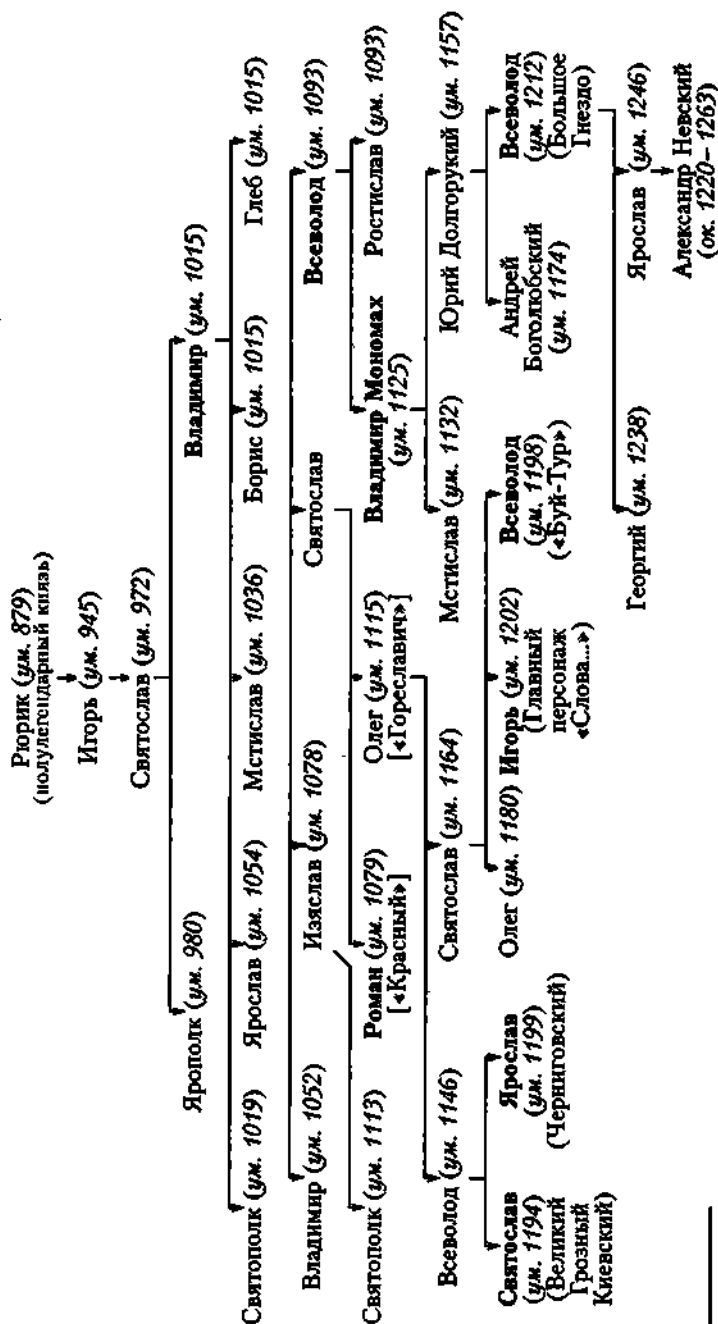
Яже – которая.

Яцем бы – каким бы.

Ясти – есть. **Яство** – пища, еда.

Яти – брать, ловить, хватать.

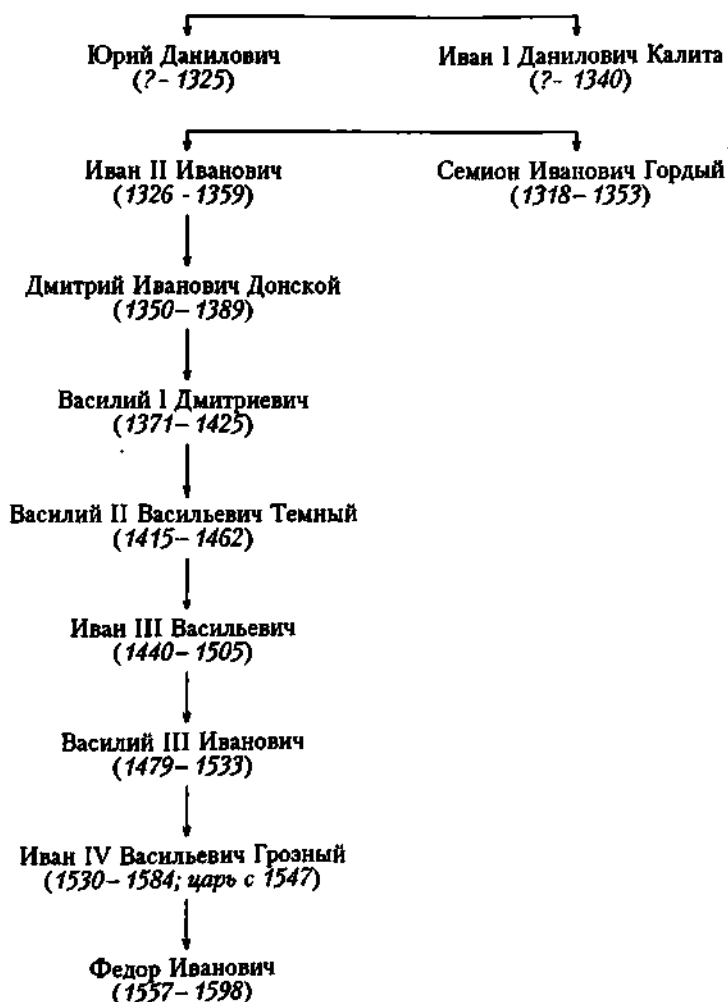
Краткая поколенная роспись князей* (IX – сер. XIII в.в.)

* Печ. по кн.: Кусков В. В. Прокофьев Н. И. История древнерусской литературы. Л., 1987.
Важнейшим источником имен князей, упомянутых в «Слове о полку Игореве».

**Краткая поколенная роспись
московских князей XIV—XVI вв.**

**Даниил Александрович
(сын Александра Невского)
(1261—1303)**

* Печ. по кн.: Кусков В.В., Прокофьев Н.И. История древнерусской литературы. Л., 1987.

Сводная таблица династии Рюриковичей*

* Печ. по кн.: Творогов О. В. Князья Рюриковичи. Краткие биографии. М., 1992.

Примечание. Рюрик не упомянут в таблице, т. к. его родство с Игорем гипотетично.

**Правители Русского государства
в конце XVI - XVII вв.***

Борис Годунов
(ок. 1552 - 1605; царь с 1598 г.)

Василий IV Иванович Шуйский
(1552 - 1612; царь с 1606 по 1610 г.)

Михаил Федорович Романов
(1596 - 1325; царь с 1613 г.)

Алексей Михайлович
(1629 - 1676; царь с 1645 г.)

* Печ. по кн.: Кусков В.В., Прокофьев Н.И. История древнерусской литературы. Л., 1987.

Учебное издание

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
УЧЕБНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

6–9 классы

Автор-составитель
Пименова Валерия Николаевна

Редакция «Образовательные проекты»

Ответственный редактор Т. Н. Ткаченко
Художественный редактор Т. Н. Войткевич
Технический редактор А. Л. Шелудченко
Корректор И. Н. Мокина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 – литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008628.12.02. от 27.12.2002 г.

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха, проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ».
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
сел. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:
www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Оригинал-макет подготовлен ООО «БЕТА-Фрейм»

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.2002. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

По вопросам оптовой закупки книг «Издательской группы АСТ»
обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7 этаж
Тел. 215-53-10, факс 232-17-04

В Библиотеку включены все литературные произведения, предусмотренные действующей школьной программой в качестве основных для использования на уроках.

Впервые в одном издании собраны лучшие произведения отечественной и мировой классики, которые должны изучаться всеми школьниками с 5 по 11 класс.

Именно поэтому *Библиотека рекомендована Министерством образования Российской Федерации* «в качестве серии книг для обязательного чтения и изучения».

В состав Библиотеки включено 25 томов.

В новую «Библиотеку школьника» вошли не только шедевры классической литературы прошлых веков, но и произведения русских и зарубежных писателей XX столетия, книги которых недостаточно представлены в массовых библиотеках (М. Горький, М. А. Шолохов, М. А. Булгаков, А. И. Солженицын, А. П. Платонов, И. С. Шмелев, В. В. Набоков, А. В. Вампилов, К. Д. Воробьев, В. В. Быков, В. П. Некрасов, В. П. Астафьев, В. И. Белов, В. Г. Распутин, В. М. Шукшин, А. Т. Твардовский, Н. М. Рубцов, Э. Хемингуэй, Э. Ремарк, Г. Уэллс и др.).

В состав Библиотеки включены следующие книги:

Фольклор. Древнерусская литература. Русская литература XVIII века (М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. Н. М. Карамзин). М. Ю. Лермонтов (Лирика. Поэмы. «Герой нашего времени»).

А. С. Пушкин.

Лирика. Поэмы. «Сказка о мертвой царевне...». Драматические произведения. Повести и романы. «Евгений Онегин».

Н. В. Гоголь. Повести. «Ревизор». «Мертвые души».

Русская драматургия XVIII–XIX веков.

Д. И. Фонвизин «Недоросль». А. С. Грибоедов «Горе от ума».

А. Н. Островский. Пьесы. А. П. Чехов. Пьесы.

Русская поэзия XIX–XX веков.

И. А. Крылов. В. А. Жуковский. Ф. И. Тютчев. А. А. Фет. А. В. Кольцов. Н. А. Некрасов. И. А. Бунин. А. А. Блок. В. В. Маяковский. С. А. Есенин. Ф. К. Сологуб. К. Д. Бальмонт. В. Я. Брюсов. В. Хлебников. Н. С. Гумилев. И. Северянин. А. А. Ахматова. Б. Л. Пастернак. О. Э. Мандельштам. М. И. Цветаева. Н. Н. Заболоцкий. А. Т. Твардовский. Н. М. Рубцов. Б. А. Ахмадулина. В. С. Высоцкий.

Учебная хрестоматия включает лучшие произведения древнерусской литературы XI — XVII веков, изучение которых предусмотрено школьной программой для 6 — 9 классов.

Тексты сопровождаются краткими пояснениями литературного и историко-географического характера, сведениями об авторе и самом произведении.

К ним даны вопросы и творческие задания, многие тексты приведены в переводе (или пересказе) на современный русский язык.

Книга содержит также произведения XIX — XX веков, которые продолжают и развивают сюжеты и образы древнерусской литературы.

Учебная хрестоматия издается в комплекте с поурочными методическими разработками. Пособие одобрено Федеральным экспертным советом и допущено к изданию Министерством образования Российской Федерации.